КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

ФЕВРАЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

ОТДѢЛЪ II-й.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Вышли и продаются въ книжныхъ магазинахъ въ гг. Кіевѣ, Харьковѣ и Черниговѣ:

---

1. **Чайченко.** Батько та дочка.—Оповидання про те, якъ чоловикови въ шахти прыгода трапылася. Черныг. 1894. Ц. 5 коп.

2. **Чайченко.** Пидпалъ.—Панько.—Два оповидання.—Черныг. 1894. Ц. 3 коп.

3. **Чайченко.** Робинзонъ. Оповидання про те, якъ чоловикъ по чужыхъ краяхъ мандрувавъ и якъ винъ на острови жывъ. Черныг. 1894. Ц. 10 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

4. **Жыви струны.** Збирныкъ народнихъ писень.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVIII.

1895 г.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.
1895.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29 Января 1895 года.

Любитель простоты и истинной свободы,
Безъ лести другъ прямой, хвалитель божіе всегда,
Въ Логикѣ надругъ наукъ, постигшій духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ Сковорода.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

(ЗАПИСЬ Г. Н. ЧЕСТАХОВСКАГО[1]).

Колысь то було мы съ покойнымъ Штернбергомъ ходылы на Смоленьске кладовыще[2]) рысувать лопухи,—воно-жъ дуже прыгоже на картыни; якъ змалювать на переднимъ стани, то воно дуже гарно.—Тоди ще мы булы ученыками въ академіи.—Оце було, якъ настане лито, то мы повстаемо раненько, до схидъ сонечка, та-й поплыстаемъ на Смоленьске рысувать лопухи, та позарошуемось по трави, якъ добри рыбалки, поки набредемъ на сами гарниши и росташуемось диломъ. Та рысуемъ, рысуемъ, поки сонечко геть-геть подибъетця. А якъ стане дуженько прыгривать, отоди вже мы зашморгнемъ дило въ капшуки, позаховуемъ въ кишени, та й гайда до дому! Та по дорози й звернемъ въ другу смугу, за велыкимъ граданомъ (проспектомъ)[3]), тамъ була невелычка деревьяна хатка, а въ тій хатыноцци жила нимкеня зъ дочкою,—ото вона було зваре кофе, а мы напьемось, подякуемо та тоди вже йдемо въ академію, въ наши майстерни, та й заходымось коло доброго заходу—мурувать Спаса та гостри верхи (?) выводыть, до годыны

[1]) Г. Н. Честаховскій былъ однвъ изъ небольшого кружка пріятелей Т. Г. Шевченка въ послѣдніе два года его жизни. Онъ провожалъ тѣло поэта изъ Петербурга до Канева.—Настоящая запись нашлась въ бумагахъ умершаго Г. Н. Ч—аго, въ настоящее время находящихся въ собраніи В. В. Тарновскаго.

[2]) Въ Петербургѣ.

[3]) На Васильевскомъ-Острову.

третёи або четвертои, поки пора обидать. А пообидавши, рысуемо часивъ до семи, а тоди напъемось чаю тай пидемъ вештатця по велыкому градану або до знакомыхъ у гости.

Дуже добре тоди жилося! Шо то за добряча, що за щира людына бувъ отой Штернбергъ! Боже мій, якъ згадаю, якъ то гарно, якъ весело було товарышуваты зъ нымъ! Оце було гуляемъ, гуляемъ на градани, а товарыство маляри намъ назустричъ, то одынъ, то двойко, та й назбираетця чималый гуртъ. Отъ мы намовымось куды звертать, та й пидемъ—або до кого зъ товарышивъ, або въ академію, въ майстерни, пробалакать вечиръ.—Иноди було й Брюловъ опынытця середъ нашого гурту.... Та люба, та щира розмова, якъ те море грае, золотомъ горыть на сонци, гомоныть та клекотыть, такъ мы гучно та весело гайнуемъ беседою.—А якъ колы, посидаемъ на човныкы та дмухнемо було на вольни острова!—Разъ, якось намовылысь зъ Брюловымъ погулять-рысувать, захотили вже и по чароцци, на прыстани коло академіи силы въ човныкъ: Брюловъ, я, Штернбергъ и Михайловъ, и поплылы... А день—не день, а рай Божій, ясный, тыхій та веселый... Тильки чуты ритынь (sic) жайвороній!—Перевожчикъ добре гнавъ човенъ, доплылы острова, высилы, а ёму дали два карбованци и выпровадылы до дому, наказавъ ёму, шобъ прыплывъ за намы передъ вечеромъ.—Ото мы й росташувалысь... И шо то за день бувъ золотый!—И рысувалы й читалы, бо Брюловъ дуже любывъ читаня: оце було, якъ дома малюе, то шобъ хто небудь читавъ ёму, а винъ слуха та малюе.—Або якъ занедужа та лежитъ на лижку, то тежъ, шобъ читалы ёму.—И розмовлялы, и спивалы, и пылы по чароцци та заидалы усячиною. И дуже, дуже весели були!—Отъ уже й вечеріе, и вечиръ, а перевожчика—нема; уже й ничь, а ёго не чуть... Колы, якъ разъ упивночи, чуемо—плыскоче весламы по води, ажъ гулькъ—плыве човныкъ до нашого берега... Прыплывъ, а видтиля знялось тры чоловики, выступылы на островъ двое зъ клунками, а третій съ сапетыкомъ[1]) въ рукахъ. То наше товарыство, воны

[1]) Корзиночка.

увечери вешталысь по лису, на другимъ боци, та съ того берега розчулы нашъ галасъ, та ударылысь до Петербурга, захопылы зъ собою всякои злагоды на човныкъ та й прылаштувалысь до насъ... Отъ—ничъ ище сталась намъ яснишою, и сонъ розигнався... А въ-ранци, дывымось, ще тры човныки прыбылось до насъ зъ товарыствомъ: воны прочулы, що мы на вольнимъ розволи зъ Брюловымъ бенкетуемъ, та цилисинькою батавою злаштувалысь додать намъ и—додалы: прывезлы зъ собою кашовара зъ усякою знадобою и самоварамы и—чого тамъ не було... И знову таку беседу зачинылы що й доси гикаетця, якъ згадаешъ чого тамъ не переговорылы... що ще до Адама було, то й те згадували!—Та отакъ мы—два дни зъ яснымъ сонечкомъ и дви ночи зъ билолыцимъ мисяцемъ, укупци, проярмаркували, а на третій, увечери, поплылы до дому спочивать.—А про перевозчика дознали, що винъ за два карбованци упывся, а про насъ и забувъ... Боже-батьку, якъ згадаешъ оте житя вольне, молоде, веселе!—наче сонця освитъ розсвите чорну хмару, осяе мою сумну душу, сердце зрадіе, обновытця, якъ та Божа веселочка посля тучи-грому, видъ ясного сонечка, и ріе въ височости! — И туманъ, хмары-думы, якъ та павутына, спадуть зъ мозгу.

А зимою частенько траплялось сыдиты безъ копійки въ холодныхъ майстерняхъ: ни въ ёго, ни въ мене нема а ни пившеляга у кишени—...

Изъ воспоминаній Н. Г. Честаховскаго о Т. Г. Шевченкѣ[1].

Кобзарь Тарасъ Грыгоровычъ Шевченко якось дуже бидкався, що не збреде натурщыци для парсунку выду козацькои вроды.—А постривайте, батьку, я понышпорю, чи не надыбаю де гниздечка, шобъ пидодрать орлыцю, може Богъ погодыть, а хвортуна стане въ прыгоди.—„Будте ласка, сердешно васъ прошу поклопочицця, якъ мога, бо мени дуже, дуже треба“.

Я пишовъ до знакомои семьи украинськои и почавъ благать жинку Горпыну, ридну сестру украинського маляра Петра Соколенка, шобъ вона сама, а колы хоче, то ще зъ кимъ небудь, повела свою сестру Одарочку въ академію, до батька Тараса—звесты іи выдъ на папери. Горпына Соколыха не знала якъ се дило укукобыть и каже: „я не знаю, треба спытатьця бративъ, шо воны скажуть“. А браты тоди пробувалы въ Украини, въ Славгороди. На велыку сылу ублагавъ іи, вымигъ слова, шо пиде зъ сестрою до Кобзаря, але жъ шобъ братамъ напысать про се, и то тильки тимъ, шо якъ ще жила на Вкраини, то перечувала про мене добре видъ бративъ, якъ було попрыиздять зъ Питинбурха, а теперъ и сама добре знала, якій я чоловикъ; а то ни въ свити не пишлабъ... Я при ній напысавъ видъ себе лыстъ и пославъ братамъ іи Соколенкамъ въ Украину, шобъ воны не жахалысь цёго дила, якъ сестра ихъ Горпына, а ще гордувалыбъ тимъ, шо ихъ Одарочка стане въ прыгоди и послуже тому, хто ставъ дуже въ великій прыгоди усій Украини.....

[1]) Настоящій разсказъ найденъ въ бумагахъ Н. Г. Честаховскаго и приводится здѣсь дословно.

Я навпосли дознавъ, якъ це склалось, уже безъ мене. Ось якъ було: у субботу Одарочка прыйшла до дому видъ модныци французки, де вчилась шитя; а въ недилю, зъ своею замижнёю сестрою Горпыною и родычемъ, жонатымъ чоловикомъ архитекторомъ Хижнякомъ, ранкомъ, въ десятимъ часи, чорнява симнадцятылитня Одарочка—въ билій чохлатій сороцци зъ червоною стёжкою, въ плахотци, запасци, стричкахъ, кисникахъ и головка квитамы заквичана, якъ макивка на городи, опынылась—зацвила въ кобзаревій майстерни...

У понедилокъ я навидавсь до Кобзаря,—дознать, чи прыходыла Одарочка до его?—Винъ, якъ орелъ крыламы, ухопывъ мене дужимы рукамы и прыдавывъ до своихъ дужихъ орлихъ грудей!—„Спасыби тоби, мій голубе сызый, мое серденько любе, за твою добру ласку, бодай тебе николы лыхо не знало!"—А за вищо се, батьку?—„Учора у мене бувъ велыкдень въ першій разъ писля того, якъ выгнала мене лыха доля зъ Украины... Учора я такъ зрадивъ, звеселивъ, обновывсь сердцемъ, якъ радіють вирющи, шо Хрыста дочиталысь на велыкдень!—наче важке тягло зъ грудей зсунулось.—Десять рикъ просыдивши въ Оренбурси, наче въ густимъ тумани, якъ кайданныкъ въ мурахъ, не бачивши сонця, ни живои людыны, а вчора несподивано—чорнява Одарочка, якъ макивъ квитъ на сонечку загорилась на моихъ очахъ, пыломъ прыпалыхъ, и якъ те сонечко ясне освитыла мои очи, просяяла туманъ зъ души заснутого сердця... Хвалыты Бога, шо не вмеръ на чужыни, оце довелось побачить, подывыцьця на макивъ квитъ зъ козацького огороду! Що за люба дивчинка ота Одарочка, якій голосочокъ, яка мова, дзвеныть краще срибла, а душа—яка славна, чиста! Ще не вспила зачумытысь смердючимъ духомъ.—Якъ пташка зъ божого раю нащебетала мени въ оцихъ мурахъ сумныхъ [1]). Наче ненька Украина тхнула мени въ сердце теплымъ, легкимъ духомъ, пахучимы нывамы, запашистымъ квитомъ вышневыхъ садочкивъ й травы зеленои, якъ побачивъ чистисиньку свою людыну, по-

---

[1]) Шевченко жилъ въ это время въ академіи художествъ. Разсказъ относится, повидимому, къ 1859 г.

чувъ ридну мову. Охъ, Боже мій, колыбъ скоришъ лито, помандрую на Вкраину, дуже закортило!—Де вы й выдралы оцю малёвану пташеньку?"—Я росповидавъ, шо вона крипачка, вся семья и весь ридъ іи—крипаки князивъ Голицыныхъ.—Браты наче зъ воды вырослы, якъ одынъ хороши навроду: Хведоръ—кухаремъ, Мыкола—панькае коло князя, чисте чоботы и всяке збижжя, а Петро—маляръ-попыхачъ усякихъ одбуткивъ у княгыни.—Я росповидавъ, а Кобзарь тыхесенько ходывъ, трошки похило, вздовжъ майстерни, въ бархатныхъ чоботахъ и кобыняци козацькому. Густи бровы его осунулысь, наче темна хмара холодно насумрила очи... Промовывъ: „горе-горенько въ свити, лышенько тяжке, яке добро гине и никому ратуваты!"—Хто чувавъ, якъ було теплисенько гріе въ сердце его ясна, тепла, якъ грій сонця, мова, якъ поведе розмову про свою запашню неньку Украину и про людъ козачій... Хоть найсухше сердце ростопе и выдаве зъ его криваву слёзу... Хто чувавъ, у того й дидомъ (sic) не замре, не заниміе, щимитыме въ сердци его голосъ, щире слово и до вику райськимъ спивомъ правды на души (буде) вытаты....

Украинскій философъ Григорій Савричъ Сковорода.

ГЛАВА 1-я.

Ученіе и жизнь[1]).

Прошло сто лѣтъ со дня смерти знаменитаго украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды († 29 октября 1794)— и только теперь появились въ свѣтъ его сочиненія. Правда, не все то издано, что розыскано мною: кое что пришлось по необходимости отложить въ виду различныхъ обстоятельствъ—но все таки съ рукописей сдѣланы копіи, которыя хранятся въ Харьковскомъ Историко-Филологическомъ Обществѣ. Быть можетъ, окажется возможнымъ издать и ихъ, что было бы, конечно, самое удобное и правильное; но еслибы этого почему либо исполнить не удалось, то и тогда духовное наслѣдіе Григорія Саввича будетъ обезпечено отъ гибели и порчи, а можетъ быть, удастся отыскать и еще что нибудь изъ тѣхъ сочиненій, которыхъ мы не имѣемъ въ рукахъ, но которыми пользовались прежніе изслѣдователи. Впрочемъ можно сказать, что новыя находки едва ли способны были бы *измѣнить* наше сужденіе о Г. С. Сковородѣ, какъ писателѣ, такъ какъ оно основано *на всей совокупности* его учено-литературныхъ трудовъ, какъ печатныхъ, такъ и неизданныхъ еще; онѣ могли бы *дополнить* наше сужденіе, но не измѣнить его. Въ этомъ отношеніи мы находимся

[1]) Настоящая работа является прямымъ продолженіемъ моего изслѣдованія о Сковородѣ, помѣщеннаго въ качествѣ предисловія къ его сочиненіямъ, изданнымъ Харьк. Ист.-Филол. Обществомъ, гдѣ оно занимаетъ первыя 132 страницы.

въ очень благопріятныхъ условіяхъ. Не смотря на то, что о Г. С. Сковородѣ существуетъ весьма значительная литература (подробно очерченная мною въ 1-й главѣ изслѣдованія, напечатаннаго передъ его сочиненіями), новѣйшіе труды—г-жи А. Я. Ефименко, Ѳ. А. Зеленогорскаго и мои—впервые пытаются освѣтить ученіе Сковороды по его первоисточникамъ, т. е. сочиненіямъ. И это понятно: только теперь, съ находкою массы его рукописей, мы, можно сказать, открыли Сковороду, какъ писателя, и получили возможность правильной оцѣнки его въ этомъ отношеніи. А оцѣнка ученія и жизни дастъ матеріалъ и для сужденія о значеніи его вообще. Мы будемъ основывать свое сужденіе на документальныхъ данныхъ и избѣгать всякихъ рискованныхъ сравненій, памятуя, что comparaison n'est pas raison, и руководствуясь тою осторожностью въ выводахъ, которая столь необходима при оцѣнкѣ всякаго историческаго дѣятеля.

Давно уже дѣлали попытки опредѣлить сущность ученія Сковороды, но давали слишкомъ общіе отвѣты, вытекавшіе изъ случайнаго сходства, а не изъ всей совокупности критически провѣренныхъ матеріаловъ. Называли Сковороду и украинскимъ Сократомъ, и украинскимъ Діогеномъ, Пиѳагоромъ, Оригеномъ, Лейбницемъ, Ломоносовымъ, Новиковымъ. Но уже самъ Сковорода запротестовалъ, если только Хиждеу даетъ вѣрное извѣстіе, противъ этихъ сравненій. „Меня хотятъ мѣрить Ломоносовымъ... будтобы Ломоносовъ есть казенная сажень, которою должно всякаго мѣрить, какъ однимъ локтемъ портной мѣритъ и золотую парчу, и шелковую тканку, и полотняную ряднину". Если Сковорода и не писалъ этихъ словъ епископу бѣлорусскому Георгію Конисскому, то онъ *могъ бы* такъ выразиться, потому что былъ человѣкомъ съ рѣзко очерченною индивидуальностью и самъ прекрасно сознавалъ это. Тоже самое вышло и съ кличкою „мистикъ". Многіе, до нашихъ дней, приклеивали ему этотъ ярлыкъ, но любопытно, что никто не поставилъ себѣ труда указать, по крайней мѣрѣ, на точки соприкосновенія между нимъ и мистиками. Не дала ключа къ разъясненію ученія этого оригинальнаго мыслителя и новая кличка, которою пытались замѣнить прежнія,—раціоналистъ puresang. Нельзя сказать, чтобы въ

Сковородѣ не было никакого сходства съ тѣми личностями, съ которыми его сравнивали; наоборотъ, сходство было и даже рѣзко бросалось въ глаза (потому то его и подмѣтили прежде всего); но это было внѣшнее сходство формы, но не содержанія, это же послѣднее оставалось неизвѣстнымъ въ той его цѣлостности и полнотѣ, какую даетъ совокупность учено-литературныхъ трудовъ писателя.

Спрашивается, каково же было міросозерцаніе Сковороды, нашедшее себѣ выраженіе въ его сочиненіяхъ, какія идеи проводилъ онъ въ своихъ трудахъ, чего хотѣлъ, какъ и въ какомъ направленіи дѣйствовалъ?

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на содержаніи каждаго сочиненія Г. С. Сковороды въ отдѣльности (ибо сдѣлано это раньше, во 2-й главѣ нашего введенія къ изданію его сочиненій), а только постараемся предоставить его міросозерцаніе въ краткомъ, но систематическомъ видѣ.

Обращая вниманіе на темы, которыя разрабатывалъ Сковорода, вникая въ сущность ихъ содержанія, мы замѣчаемъ, что нашъ украинскій философъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и религіознымъ мыслителемъ, т. е. другими словами—*религія была для него философіей и философія религіей.* Нельзя указать у него ни одного сочиненія, которое не было бы проникнуто религіознымъ направленіемъ. Даже такіе труды, которые отличаются преимущественно философскимъ характеромъ (напримѣръ, трактаты о душевномъ мирѣ) въ сущности имѣютъ туже основу и находятся въ тѣснѣйшей логической связи со всѣми остальными. Съ этой точки зрѣнія сочиненія Сковороды, въ общей совокупности своей, отличаются необыкновенною цѣльностью, стройностью и послѣдовательностью: въ нихъ нѣтъ противорѣчій; есть только кажущіяся повторенія, потому что Сковорода иногда въ новыхъ трудахъ развивалъ болѣе подробно то, о чемъ говорили уже въ прежнихъ. Данное имъ опредѣленіе значенія философіи совершенно почти тождественно съ указаннымъ имъ же значеніемъ Библіи, какъ источника христіанской религіи; изъ этого видно, что онъ отождествлялъ ихъ другъ съ другомъ. На вопросъ губернатора Щербинина, о чемъ учитъ Библія—

Сковорода замѣтилъ: „О человѣческомъ сердцѣ; поваренныя книги учатъ, какъ удовольствовать желудокъ, псовыя, какъ звѣрей давить, модныя, какъ наряжаться; Библія учитъ, *какъ облагородствовать человѣческое сердце*".

На вопросъ одного изъ ученыхъ, *что такое философія*— Сковорода отвѣтилъ: „главная цѣль жизни человѣческой; глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣетъ цѣль въ жизни, но не всякъ занимается главою жизни, иной занимается чревомъ жизни, т. е. всѣ дѣла свои направляетъ, чтобы дать жизнь чреву, иной очамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла, иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ; философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, чтобы дать жизнь духу нашему, *благородство сердцу*, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія[1]". Здѣсь, какъ мы видимъ, философія прямо опредѣляется, какъ познаніе духа въ человѣкѣ, дающее ему душевное спокойствіе, т. е. счастіе. А это познаніе собственнаго духа даетъ человѣку и познаніе Бога, который находится внутри насъ и открывается въ самопознаніи. Такимъ образомъ здѣсь, да и въ другихъ пунктахъ, кои увидимъ далѣе, философія у Сковороды соприкасается или даже, можно сказать, отождествляется съ религіей. Онъ признавалъ одну только философію Духа, а не плоти, такъ же точно, какъ и одну религію духа, но не обрядовъ. Въ предисловіи къ трактату „о древнемъ мірѣ" (въ письмѣ къ Ковалинскому) Сковорода изображаетъ смыслъ своей жизни, какъ философа, какъ человѣка, нашедшаго ея центръ—и эта философія оказывается познаніемъ Господа любовью къ Нему, исполненіемъ Его заповѣдей, т. е. христіанской религіей Сковороды. Это было духовное любомудріе, иначе *христіанская философія*, какъ ее называетъ самъ Сковорода. Она какъ нельзя лучше опредѣляется приводимымъ

---

[1]) Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ. Юбилейное изданіе (1794—1894 г.). Съ портретомъ его, видомъ могилы и снимками почерка. Х. 1894, 132, 352 стр. Цѣна 4 р., 1-е отд., стр. 30.

имъ текстомъ: *„блаженъ мужъ иже въ премудрости умретъ и иже въ разумѣ своемъ поучается святынѣ, размышляя пути ея въ сердцѣ своемъ и въ сокровенныхъ своихъ уразумится“* (2-е отд. стр. 46). Философствовать, говоритъ онъ, нужно во Христѣ т. е. Духѣ, а не въ стихіяхъ. Апостолъ Павелъ „сіе мудрованіе (на плоти) мертвыхъ сердецъ называетъ пустою философіею; которая бражничаетъ по стихійной бурдѣ и препятствуетъ философствовать по Христѣ, котораго Богъ послалъ въ качествѣ Духа въ сердца наши. Такое плотское мудрованіе мѣшаетъ нашему восхожденію въ высшій перворождный міръ и обращаетъ глаза наши долу (2-е отд. стр, 56). Ту же мысль онъ разъясняетъ въ письмѣ къ Тевяшову, которое служитъ предисловіемъ къ его „Израильскому змію“. Здѣсь онъ доказываетъ, что такимъ любомудріемъ должно заниматься и дворянство, какъ единственное въ то время сословіе (за исключеніемъ, конечно, духовенства), державшее въ своихъ рукахъ дѣло образованія народа. Но будучи религіознымъ мыслителемъ, Сковорода оставался и истиннымъ философомъ, ибо ставилъ цѣлью человѣческой жизни разъясненіе истины. „Изъясняетъ, говоритъ онъ, боговидецъ Платонъ: *нѣтъ сладчае истины.* А намъ можно сказать, что въ одной истинѣ живетъ истинная сладость и что одна она животворитъ владѣющее тѣломъ сердце наше. Пиѳагоръ, раскусивъ емблематъ треугольника и узрѣвъ въ немъ истину, съ веселіемъ вопіетъ: обрѣтохъ! обрѣтохъ! Видно, что жизнь живетъ тогда, когда мысль наша, любя истину, любитъ выслѣдывать тропинки ея и, встрѣтивъ око ея, торжествуетъ и веселится симъ незаходимымъ свѣтомъ. Сей свѣтъ услаждаетъ и старость Соломонову; а онъ и состарѣваясь каждый день нѣчто вкушаетъ отъ ядомыхъ всѣми, но не истощаемыхъ сладостей, согрѣвающихъ и питающихъ сердечныя мысли, какъ весеннее солнце каждую тварь. И какъ правильная циркуляція крови въ звѣряхъ, а въ травахъ соковъ раждаетъ благосостояніе тѣлу ихъ, такъ истинныя мысли озаряютъ благодушіемъ сердце. И не дивно, что нѣкіихъ избранныхъ человѣковъ монументы и записки сею надписью оглавлены: житіе и жизнь имярекъ. Житіе значитъ—родиться, кормиться, расти и умаляться; а жизнь есть плодопри-

ношеніе, прозябшее отъ зерна истины, царствовавшее въ сердцѣ ихъ“ (2-е отд., стр. 252).

Но говоря о религіозномъ характерѣ міросозерцанія Г. С. Сковороды, слѣдуетъ ближайшимъ образомъ опредѣлить его основную, коренную черту. И такую черту отыскать не трудно: она проходитъ красною нитью чрезъ всѣ сочиненія Сковороды, составляетъ исходный пунктъ его воззрѣній. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Сковорода проводилъ идею о *двухъ началахъ—матеріи и формѣ, иначе тлѣнномъ и вѣчномъ, плоти и Богѣ и о господствѣ второго (невидимаго, нематеріальнаго) надъ первымъ (осязаемымъ, временнымъ); только второе должно быть признано субстанціей, первое же является ея постояннымъ аттрибутомъ.* „Весь міръ состоитъ, говоритъ Сковорода, изъ двухъ натуръ—одна видимая, другая невидимая. Видимая натура—тварь (въ другихъ мѣстахъ онъ даетъ ей множество другихъ аналогичныхъ названій), а невидимая—Богъ (котораго онъ также иначе называетъ Духъ, истина, умъ и т. п.) Сія невидимая натура или Богъ всю тварь проницаетъ и содержитъ; вездѣ всегда былъ, есть и будетъ; вездѣ и во всемъ онъ—основаніе, голова; вся же тварь является только тѣнью, пятою, ризою его; ей вѣчность не свойственна: она постоянно измѣняется; это и есть смерть; возставать противъ нея, стоять за тлѣнное—значитъ идти противъ Бога, обижать его. Жизнь, разсуждалъ онъ, подобна вѣнцу: начало и конецъ ея заключаются въ одной и той же точкѣ. Колосъ родится изъ зерна и снова превращается въ зерно, духъ исходитъ отъ духа и снова идетъ къ нему. Каждому существу назначено его поприще, чтобы оно могло явить, по образу Вѣчнаго, свои силы, т. е. изліяніе невидимаго во временной видимости, и за тѣмъ снова вступить въ свое начало, т. е. свое ничто. Первый и послѣдній край одно и то же—Богъ. Вся природа Его риза, орудіе: все обветшаетъ, измѣнится; одинъ Онъ пребываетъ во вѣки неизмѣннымъ (1-е отд. стр. 19—20).

Но существуетъ все таки огромная разница между всею остальною тварью и человѣкомъ: этого послѣдняго отличаетъ *свободная воля.* „Всѣ твари суть грубые служебные органы

свойствъ сихъ верховнаго существа: одинъ человѣкъ есть благороднѣйшее орудіе Его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну, и отчетъ за употребленіе права сего въ себѣ держащее". На этомъ основано понятіе милосердія: на этомъ держатся всѣ союзы государственные, общественные, семейные и т. п. Такъ излагаетъ взглядъ Сковороды на этотъ предметъ Ковалинскій (1-е отд., стр. 23).

Весь міръ, по ученію Сковороды, состоитъ изъ трехъ міровъ—большого, малаго и символическаго; большой—это природа, космосъ, состоящій въ свою очередь изъ безчисленнаго множества другихъ; малый, иначе микрокосмъ—это человѣкъ; символическій—это Библія. Въ каждомъ изъ нихъ Сковорода видитъ два начала—Бога или Вѣчность, и матерію или тлѣнное, временное. Въ великомъ и маломъ мірѣ (т. е. человѣкѣ) вещественный видъ даетъ знать объ утаенной подъ нимъ формѣ или вѣчномъ образѣ; также точно и въ символическомъ мірѣ (т. е. Библіи), собраніе тварей составляетъ матерію; но Божье естество, куда ведетъ тварь знаменіемъ своимъ, есть форма. Творческое начало—Богъ или вѣчность. Это руль, двигающій большой корабль. Она—въ немощи сила, въ мелочи—величіе; она начиная кончаетъ и кончая начинаетъ или, по древнему философскому изреченію, unius interitus est alterius generatio, (гибель одного есть рожденіе другого). Такимъ образомъ, въ мірѣ собственно два міра—вѣчность и тлѣніе, какъ яблоня и ея тѣнь, видимый и невидимый, живой и мертвый; но между ними та разница, что древо жизни вѣчно стоитъ и пребываетъ, а тѣнь его измѣняется: то уменьшается, то увеличивается, то родится, то умираетъ. Тоже самое и въ человѣкѣ: въ немъ также два начала—ветхое и новое, временное и вѣчное, они совмѣщаются другъ съ другомъ, какъ тѣнь съ деревомъ. Нашъ ветхій міръ, подобно тѣни, непрестанно измѣняется: то рождается, то исчезаетъ, то убываетъ; новый же міръ Господень вѣченъ; но второй отражается въ первомъ: въ немъ можно найти слѣды Божіи; такъ человѣкъ представляетъ изъ себя слабую копію, тѣнь Богочеловѣка—Христа. И мы со смертію не только не уничтожаемся, а наоборотъ измѣняемся изъ смерти въ животъ

вѣчный, изъ тлѣнія въ нетлѣніе. Въ Библіи тѣ же два начала: подъ буквальнымъ ея смысломъ скрывается высшій духовный. Она также содержитъ въ себѣ матерію и форму; въ ней таится и является, лежитъ и возстаетъ передъ нами пресвѣталя истина (самъ Богъ); она являетъ свое прекрасное око посреди безчисленнаго множества тварей. Указавши на это двойственное начало, Сковорода убѣждаетъ насъ въ рѣшительномъ преимуществѣ духовнаго надъ тѣлеснымъ, вѣчнаго надъ временнымъ, Бога надъ тварью во всѣхъ трехъ мірахъ—большомъ, маломъ и символическомъ. Во всей природѣ, говоритъ Сковорода, духъ господствуетъ надъ матеріей; „въ природѣ то сильнѣе, что не показнѣе;" въ примѣръ приводится воздухъ, который невидимъ, однако движетъ моря, топитъ корабли, ломаетъ деревья, сокрушаетъ горы, всюду проникаетъ, а самъ остается непроницаемымъ. До сихъ поръ, замѣчаетъ Сковорода, мы безплотной невидимости не считали существомъ; теперь же, поборовъ закоренѣлое мнѣніе, мы усвоили *новый взглядъ*, что все видимое есть мечта и пустошь, ничто въ сравненіи съ Вѣчностью. Въ человѣкѣ царитъ надъ тѣломъ духъ или мысль. Сковорода придавалъ огромное значеніе этой человѣческой мысли, съ ея вѣчнымъ движеніемъ; къ ней онъ сводилъ сущность жизни. Вотъ наружное изображеніе этого вѣчнаго движенія человѣческой жизни. „Мысль есть тайная въ тѣлесной нашей машинѣ пружина, глава и начало всего движенія ея. Огонь угасаетъ, рѣка остановится, а невещественная и безстихійная мысль, носящая на себѣ грубую бренность, какъ ризу мертвую, движенія своего прекратить (хоть она въ тѣлѣ, хоть внѣ тѣла) никакъ не сродна ни на одно мгновеніе и продолжаетъ равномолнійное своего летанья стремленіе чрезъ неограниченніи вѣчности, милліоны безконечніи. За чѣмъ же она стремится? Ищетъ своей сладости и покою; покой ея не въ томъ, чтобы остановиться и протянуться какъ мертвое тѣло—живой ея натурѣ или породѣ сіе не сродно и чуждо—но противное сему: она, будто во странствіи находясь, ищетъ по мертвымъ стихіямъ своего сродства и, подлыми забавами не угасивъ, но пуще распаливъ свою жажду, тѣмъ стремительнѣе отъ раболѣпной вещественной при-

роды возносится ко вышней господствующей натурѣ, къ родному своему и безначальному началу, дабы, сіяніемъ его и огнемъ тайнаго зрѣнія очистившись, увольнитись тѣлесной земли и землянаго тѣла. И сіе то есть внійти въ покой Божій.., вылетѣвъ изъ тѣлесныхъ вещества границъ на свободу духа“ (2-е отд., стр. 105). Въ 3-мъ мірѣ Библіи—также должно первенствовать духовное начало, Богъ надъ зміемъ, который хочетъ потопить людей потопомъ, т. е. буквальнымъ пониманіемъ ея. Отсюда вытекаетъ двойственный взглядъ Сковороды на Библію: она и Богъ, и змій въ одно и то же время; вслѣдъ за блаженнымъ Августиномъ, онъ повторяетъ, что кто не возвышается до духовнаго пониманія ея, тотъ подвергаетъ себя страшнымъ опасностямъ, вмѣсто пользы получаетъ вредъ. „Коль многихъ, говоритъ онъ, погубило буквальное пониманіе разсказа о Лотовомъ пьянствѣ, о Давидовомъ прелюбодѣяніи и дѣволожствѣ и т. п. Не всякій, подобно Самсону, раздеретъ пасть этого льва и найдетъ тамъ въ горькомъ сладкое, въ жесткомъ нѣжное, въ ядѣ—ядь, въ смерти—животъ. Двѣ стороны имѣетъ библейское море; на нашемъ берегу все ветхое, пустое, жалкое, на томъ, въ той горней республикѣ, все новое, новая тварь, новое твореніе; тамъ общество любви, любовь въ Богѣ, а Богъ въ обществѣ. Ветхій человѣкъ стоитъ, ходитъ, сидитъ, очи, уши, ноздри имѣетъ, чувствуетъ какъ кумиръ, мудрствуетъ какъ идолъ, осязаетъ какъ преисподній кротъ, щупаетъ, какъ безъокій,ласковъ какъ крокодилъ, постояненъ какъ море, надежный какъ ледъ, развспчивъ какъ прахъ, исчезаетъ какъ сонъ; это—сѣнь, сонъ тлѣнь. Духовный же человѣкъ совсѣмъ иной: безпредѣльно летитъ въ высоту, въ глубину, въ широту; не мѣшаютъ ему ни горы, ни рѣки, ни моря, ни пустыни; провидитъ отдаленное, прозираетъ сокровенное, заглядаетъ въ будущее, шествуетъ по лицу океана; очи его голубины, крылья орла, проворство оленье, смѣлость львиная, быстрота соколья, бодрость журавля, вѣрность горлицы, незлобіе агнца. Тутъ опять мы имѣемъ дѣло съ матеріей и духомъ.

Въ какомъ же отношеніи находятся эти два начала другъ къ другу? Оба они существуютъ въ одномъ и одно въ двоихъ

нераздѣльно, но и не слитно, будто яблонь и тѣнь ея, древо живое и мертвое, ложь и истина. Отсюда Сковорода выводилъ положеніе о постоянномъ существованіи матеріи во времени и пространствѣ. „Поколь яблонь, потоль съ нею тѣнь ея. Тѣнь значитъ мѣстечко, яблонею отъ солнца заступаемое. Но дерево вѣчности всегда зеленѣетъ. И тѣнь убо ея ни временемъ, ни мѣстомъ есть неограниченна. Міръ сей и всѣ міры, если они безчисленны, есть то тѣнь Божія. Она исчезаетъ изъ виду по части, не стоитъ постоянно и въ различныя формы преобразуется, однако же никогда не отлучаясь отъ своего живаго древа, и давно уже просвѣщенные сказали вѣсть сію: materia aeterna, вещество вѣчно есть, т. е. всѣ мѣста и времена наполнила". Но говоря о вѣчности матеріи, Сковорода не былъ матеріалистомъ ни въ какомъ отношеніи. Совсѣмъ наоборотъ: весь смыслъ его ученія заключается въ самой рѣшительной борьбѣ съ теоріей господства матеріи. Онъ былъ убѣжденнымъ, послѣдовательнымъ, можно даже сказать, крайнимъ, одностороннимъ *спиритуалистомъ*, ибо только за духомъ онъ признавалъ творческую силу. Не смотря на то, что онъ проповѣдовалъ два начала, его нельзя назвать представителемъ теоріи *дуализма*; онъ въ сущности проводилъ *монизмъ*, потому что признавалъ только единую субстанцію—духъ; на матерію же онъ смотрѣлъ, какъ на постоянный ея аттрибутъ.

Если бы онъ не былъ монистомъ, то онъ не отводилъ бы матеріи чисто служебнаго значенія, не считалъ бы творческимъ элементомъ одного духа. А онъ именно представлялъ себѣ ихъ взаимное отношеніе въ такомъ видѣ. „Какое, говорилъ онъ, есть первоначальное тварей основаніе? Ничто. Воля вѣчная, возжелавъ облекти совершенства свои въ явленіе видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы". (1-е отд., стр. 19—20). Еще яснѣе развивается мысль о вѣчности и творчествѣ Духа въ слѣдующихъ словахъ самаго Сковороды. „Божественные мистагоги или тайноводители приписываютъ начало единственно точію Богу. Да оно и есть такъ точно, если

осмотрѣться. Начало точное есть то, что прежде себе ничего не имѣло. А какъ вся тварь родится и исчезаетъ, такъ конечно нѣчтось прежде ея было и послѣ ея остается. И такъ, ничто началомъ и концомъ быть не можетъ. Начало и конецъ есть то же, что Богъ или вѣчность. Ничего нѣтъ ни прежде ея, ни послѣ ея. Все въ неограниченныхъ своихъ нѣдрахъ вмѣщаетъ. И не ей что-либо, но она всему началомъ и концомъ. Начало и конецъ есть по мнѣнію ихъ то же. И точно такъ есть, если разсудить. Вѣчность не начинаемое свое и послѣ всего остающееся пространство даже до того простираетъ, чтобъ ей и предварять все на все. Въ ней такъ, какъ въ кольцѣ. Первая и послѣдняя точка есть та же, и гдѣ началось, тамъ и кончилось... Сіе правдивое начало вездѣ живетъ. Посему оно не часть и не состоитъ изъ частей, но цѣлое и твердое, затѣмъ и не разоряемое; съ мѣста на мѣсто не переходящее, но единое, безмѣрное и надежное. А какъ вездѣ, такъ и всегда есть. Все предваряетъ и заключаетъ, само не предваряемое, ни заключаемое“ (2-е отд., стр. 256). И такъ, вѣчность Бога абсолютна; матерію же Сковорода называетъ вѣчною въ томъ смыслѣ, что она, будучи создана Имъ, составляетъ постоянный необходимый Его аттрибутъ.

Цѣлью человѣческой жизни является внутреннее *самопознаніе* и Богопознаніе; но оба эти процесса сводятся къ одному— Богопознанію. Познать Христа прежде всего можно въ Библіи, но не только въ новомъ, а и ветхомъ Завѣтѣ: кто знаетъ Моисея, тотъ знаетъ Христа; мало того, кто хорошо позналъ себя самого, тотъ уже узналъ и Христа; а узнавъ Его, мы и преобразимся въ него, ибо уничтожимъ въ себѣ все мертвенное, тлѣнное. Проникнувъ въ самый центръ своего сердца, мы стираемъ тамъ истиннаго Богочеловѣка. Ко внутреннему самопознанію приводитъ насъ Библія. „Страхъ Божій вводитъ во внутреннюю Библіи завѣсу, а Библія, тебе-жъ самого взявъ за руку, вводитъ въ твой же внутренній чертогъ, котораго ты отъ роду не видывалъ“. И такъ Богопознаніе приводитъ насъ къ самопознанію, и наоборотъ, исходя изъ самопознанія человѣкъ приходитъ къ Богопознанію, ибо въ каждомъ изъ насъ есть Богъ

„Богъ во плоти и плоть въ Богѣ, но не плоть Богомъ, ниже Богъ плотію". Богопознаніе необходимо даже для міропознанія: для истиннаго познанія земнаго нужно познаніе вѣчнаго. „Начало премудрости разумѣти Господа". Такимъ образомъ источники міропознанія, самопознанія и Богопознанія (т. е. тѣхъ трехъ міровъ, о которыхъ говорилъ выше Сковорода) сходятся другъ съ другомъ, что и понятно: они имѣютъ общую основу— начало вѣчности.

Говоря о *средствахъ познанія*, которыми пользовался Сковорода, необходимо помнить, что онъ старался сочетать разумъ и вѣру. Разумъ долженъ стремиться къ отысканію истины, которая не дана человѣку Богомъ, а постепенно открывается имъ, составляя и высшую цѣль, и вмѣстѣ съ тѣмъ истинное наслажденіе для всякаго человѣка. Сковорода высоко ставилъ эту человѣческую мысль, съ ея безпрерывнымъ движеніемъ, съ ея вѣчными поисками за птицей-истиной. Объ этой птицѣ-истинѣ онъ сочинилъ такую басню. „Пустынникъ обиталъ въ глубокомъ уединеніи. Онъ каждый день при восхожденіи солнца выходилъ въ пространный вертоградъ. Въ вертоградѣ жила прекрасная и черезъ-чуръ смирная птица. Онъ любопытно взиралъ на чудныя свойства оныя птицы, веселился и тѣмъ нечувствительно провождалъ время. Птица, нарочно близко садясь, куражила ловлю его и казалась 1000 разъ быть въ рукахъ, но не могъ ее никогда поймать. Не тужи о семъ, другъ мой, сказала птица, что поймать не можешь. Ты станешь вѣкъ меня ловить на то, чтобы никогда не уловить, а только забавляться. Когда то приходитъ къ нему другъ его. По привитаніи завелась дружеская бесѣда. Скажи мнѣ, спрашиваетъ гость, чѣмъ ты въ дремучей твоей пустынѣ забавляешься? Я бы въ ней умеръ отъ скуки... Но пустынникъ: скажи, де, ты прежде, что тебе веселитъ въ общежительствѣ? Я бы въ немъ умеръ отъ грусти... Моихъ забавъ три родника, гость отвѣчалъ. 1-е) Оказываю по силѣ домашнимъ моимъ и чужимъ благодѣянія; 2-е) хорошее благосостояніе здравія; 3-е) пріятность дружескаго общежительства. А я, сказалъ пустынникъ, имѣю двѣ забавы: птицу и начало. Я птицу всегда ловлю, но никогда не могу ее поймать. Я имѣю

шелковыхъ тысячу и одинъ фигурныхъ узловъ, ищу въ нихъ начала и никогда развязать не могу. Мнѣ твои забавы, говоритъ гость, кажутся дѣтскими... Но если онѣ невинны и тебе веселить сродны, я тебѣ прощаю. И оставилъ друга съ забавнымъ его началомъ". (2-е отд., стр. 255—256).

Какое глубокое пониманіе здѣсь истины, доступной человѣческому разуму съ ея *относительнымъ* характеромъ, служащимъ однако постояннымъ источникомъ ея вѣчнаго поступательнаго движенія! Какое глубокое преклоненіе передъ нею, какъ самою высокою цѣлью человѣческой жизни!

Разуму, какъ *средству* познанія, Сковорода отводилъ первенствующее мѣсто въ познаніи всѣхъ трехъ міровъ—большого или космоса, малаго или человѣка, символическаго или Библіи; въ этой послѣдней разумъ долженъ открыть болѣе глубокій, духовный смыслъ. Но на ряду съ разумомъ Сковорода отводилъ видное мѣсто и *вѣрѣ*, ибо только эта последняя могла познавать невидимаго Бога-Духа. Видѣть того Богочеловѣка, котораго мы являемся тѣнью, говорилъ Сковорода, можно только вѣрою. „Вѣра есть око прозорливое, сердце чистое, уста отверстая. Она едина видитъ свѣтъ, во тьмѣ стихійной свѣтящійся. Видитъ, любитъ и благовѣститъ его... Вѣра всю сію мимо текущую сѣнь, аки воду непостоянную, преходитъ" (2-е отд., стр. 55). Тамъ, гдѣ кончаются предѣлы разума, должна начаться вѣра: „если чего не понимаешь (въ Библіи), говоритъ Сковорода, закричи съ Варухомъ— какъ великъ домъ Божій! (рук. Израильскаго змія"). „Чего досягнуть не можемъ, говоритъ Сковорода въ другомъ мѣстѣ, не испытуймо. Понудить себе должно и дать мѣсто въ сердцѣ на томъ помянутому Божію слову. Если его благодать повѣетъ на насъ, тогда все намъ простымъ и прямымъ покажется. Часто мелочей не разумѣемъ самыхъ мелкихъ. А человѣкъ есть маленькій мірокъ и такъ трудно силу его узнать, какъ тяжело во всемірной машинѣ начало сыскать. Затвердѣлое наше нечувствіе и заобыклый вкусъ причиною есть нашея бѣдности. Раскладывай предъ слѣпцомъ все, что хочешь, но все тое для него пустое. Онъ ощупать можетъ, а безъ прикосновенія ничего не понимаетъ".

(2-е отд., стр. 19—20). Эта же вѣра является необходимой спутницей любви, которая лежитъ въ основаніи всей христіанской нравственности. Грубое тѣлесное разсужденіе служитъ препятствіемъ для этой любви, а вѣра позволяетъ ему прозирать въ это блаженство вѣчности, какъ будто въ зрительную трубку. На помощь ей приходитъ также и надежда, которая удерживаетъ сердце человѣка при этой его мысли.

Спрашивается послѣ этого, можно ли Сковороду назвать раціоналистомъ pure sang?

Такова сущность умозрительной философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ религіи Сковороды. Изъ нея логически, послѣдовательно Сковорода выводитъ и свою практическую философію, и свою этику—именно *ученіе о счастіи.*

Доказавъ, что верховное начало во всемъ мірѣ или, правильнѣе, во всѣхъ мірахъ, есть Вѣчность (т. е. Богъ), Сковорода выводитъ отсюда, что и счастіе свое *всѣ* мы должны основать на этомъ началѣ, какъ на единственно прочномъ, ибо все остальное, на чемъ обыкновенно стараются обосновать свое благополучіе (богатство, чины, знатность, здоровье и т. п.), непрочное, неустойчивое и невсеобщее. *Счастіе нужно для всѣхъ и его не трудно достичь*—вотъ формула Сковороды, въ которой онъ развиваетъ положеніе Эпикура: благодареніе блаженной натурѣ, что нужное сдѣлала не труднымъ, а трудное не нужнымъ. Эту мысль онъ доказываетъ въ нѣсколькихъ трактатахъ и даже литературныхъ произведеніяхъ. Нельзя создать счастія на тлѣнномъ, временномъ, непостоянномъ; одинъ хотѣлъ возгнѣздиться на капиталѣ и подъ старость сокрушился, другой—на плотоугодіи, третій на здоровьѣ, но и тутъ ждетъ крушеніе. „Одинъ, напримѣръ, безпокоится тѣмъ, что не въ знатномъ домѣ, не съ пригожимъ родился лицомъ и не нѣжно воспитанъ; другой тужитъ, что хотя идетъ путемъ невиннаго житія, однакъ многіе, какъ знатные, такъ и подлые ненавидятъ его и хулятъ, называя отчаяннымъ, негоднымъ, лицемѣромъ; третій кручинится, что не получилъ званія или мѣста, которое могло-бъ ему поставить столъ, изъ десятка блюдъ состоящій, а теперь только что по шести блюдъ изволитъ кушать; четвертый мучится, ка-

кимъ бы образомъ не лишиться правда что мучительнаго, но при томъ и прибылаго званія, дабы въ праздности не умереть отъ скуки, не разсуждая, что нѣтъ полезнѣе и важнѣе, какъ богомудро управлять не внѣшнею домашнею, а внутреннею душевною экономіей, т. е. узнать себя и сдѣлать порядокъ въ сердцѣ своемъ; пятый терзается, что, чувствуя въ себѣ способность къ услугѣ обществу, не можетъ за множествомъ кандидатовъ продраться къ принятію должности, будто одни чиновные имѣютъ случай быть добродѣтельными и будто услуга разнится отъ добраго дѣла, а доброе дѣло отъ добродѣтели; шестой тревожится, что начала проявляться въ его волосахъ сѣдина, что приближается часъ отъ часу съ ужасною арміею немилосерная старость, что съ другимъ корпусомъ за нею слѣдуетъ непобѣдимая смерть, что начинаетъ ослабѣвать все тѣло, притупляются глаза и зубы, не въ силахъ уже танцовать, не столько много и вкусно пить, ѣсть и пр. (2-е отд., стр. 106—107).

Истинное счастіе можетъ только дать мудрость въ союзѣ съ добродѣтелью: первая скажетъ, въ чемъ оно состоитъ, а вторая поможетъ человѣку достичь его. Его не слѣдуетъ искать по сторонамъ, ибо оно внутри насъ; вникнувъ въ себя, познавъ себя, мы найдемъ въ себѣ царствіе Божіе, т. е. душевное спокойствіе, сердечное веселіе. Достигать его можно только постепенно, шествуя путемъ этого душевнаго мира. А для этого нужно слить свою волю съ волей Божіей. Что тогда, спрашиваетъ Сковорода, можетъ потревожить сердце?

Все дѣлается премудро по волѣ Божіей, но я съ нею согласенъ,—и она уже моя воля. Чѣмъ больше согласія съ Богомъ, тѣмъ больше душевнаго мира, тѣмъ больше счастія. *Отдаться въ волю Божію* значитъ жить по природѣ, вѣрно подмѣтить свои склонности и способности и сообразно съ этимъ выбрать себѣ занятіе. Въ такомъ случаѣ это занятіе будетъ плодотворно и явится источникомъ душевнаго удовольствія, ибо всякій трудъ, исполняемый по влеченію, по склонности, пріятенъ. Природныя же склонности даетъ каждому изъ насъ Богъ: *царствіе Божіе внутрь насъ есть*; къ этому то внутреннему голосу и нужно прислушиваться при выборѣ себѣ занятія и

не приниматься за такое дѣло, къ какому неспособенъ. Всѣ занятія и состоянія въ обществѣ хороши, если только берутся за нихъ по сродности. Богъ никого не обижаетъ и не обдѣляетъ, вливая въ каждаго его сродность—призывая одного къ одному, другаго къ другому, сотаго къ сотому званію, и хотя бы оно было низкое, но если ему сродное, то уже и пріятное. Сковорода картинно изображаетъ это въ слѣдующихъ словахъ: „Богъ богатому подобенъ фонтану, наполняющему различные сосуды, по ихъ вмѣстности. Надъ фонтаномъ надпись: *неравное всѣмъ равенство*. Льются изъ разныхъ трубокъ разные токи въ разные сосуды, вкругъ фонтана стоящіе. Меньшій сосудъ менѣе имѣетъ, но въ томъ равенъ есть бо́льшему, что равно есть полный". (2-е отд., стр. 133—134). Какое глубокое пониманіе возможнаго на землѣ счастія, основаннаго на внутреннемъ душевномъ равновѣсіи и разумномъ, правильномъ примѣненіи своихъ способностей, которыя никогда не могутъ быть у всѣхъ одинаковы! Такимъ образомъ, Сковорода не вооружается ни противъ какого состоянія, класса, занятія общественнаго (въ чемъ его обвиняли нѣкоторые изъ враждебно къ нему настроенныхъ современниковъ): всѣ ихъ онъ признаетъ нужными, полезными; лишь бы только каждый выбиралъ себѣ должность и состояніе по призванію. Чрезвычайно картинно Сковорода изображаетъ душевную тоску, являющуюся результатомъ недовольства избраннымъ дѣломъ. „Если отнять отъ нея (души) сродное дѣйствіе, тогда то ей смертная мука. Груститъ и мятется будто пчела, запертая въ горницѣ, а солнечный, свѣтлѣйшій лучъ, окошка окружающій, зоветъ ее на цвѣтоносные луга. Сія мука лишаетъ душу здравія, разумѣй мира, отнимаетъ куражъ и приводитъ въ разслабленіе. Тогда она ничѣмъ недовольна. Мерзитъ и состояніемъ, и селеніемъ, гдѣ находится. Гнусны кажутся сосѣди, не вкусны забавы, постылые разговоры, непріятны горничныя стѣны, не милы всѣ домашніе, ночь скучна, а день досадный, лѣтомъ зиму, а зимою хвалитъ лѣто, нравятся прошедшія Авраамскія вѣка или Сатурновы, хотѣлось бы возвратиться изъ старости въ младость, изъ младости въ отрочество, изъ отрочества въ мужество, хулитъ народъ свой и своея страны

обычаи, порочитъ натуру, ропщетъ на Бога и сама на себя гнѣвается; тое одно сладкое, что невозможное; вожделѣнное, что минувшее; завидное, что отдаленное; тамъ только хорошо, гдѣ ея и когда ея нѣтъ. Больному всякая пища горька, услуга противна, а постель жестка. Жить не можетъ и умереть не хочетъ. Невидѣнъ воздухъ, пѣнящій море, не видна и скука, волнующая душу; невидна—и мучитъ, мучитъ—и невидна. Она есть духъ мучительный, мысль нечистая, буря лютая. Ломлетъ все и возмущаетъ, летаетъ и садится на позлащенныхъ крышахъ, проницаетъ сквозь свѣтлые чертоги, присѣдитъ престоломъ сильныхъ, нападаетъ на воинскіе станы, достаетъ въ корабляхъ, находитъ въ Канарскихъ островахъ, внѣдряется въ глубокую пустыню, гнѣздится въ душевной точкѣ". (2-е отд. стр. 129—130).

Проповѣдуя душевное спокойствіе, Сковорода естественно вооружается противъ сильныхъ эффектовъ, которые онъ отождествляетъ съ грѣхами. Въ человѣкѣ постоянно происходитъ борьба этихъ двухъ началъ—и Сковорода аллегорически изображаетъ ее въ своемъ произведеніи *„Борьба архистратига Михаила съ сатаною"*; подъ видомъ злыхъ духовъ здѣсь являются злыя, т. е. плотскія мысли въ человѣкѣ; подъ видомъ ангеловъ—доброе сердце и мысли; когда чистое сердце одолѣваетъ злобную бездну, тогда открывается человѣку путь на гору Господню. Мы сами себѣ устраиваемъ адъ и рай: адское царство внутри насъ бываетъ тогда, когда мы не сознаемъ, какъ необходимо и нетрудно для насъ Царство Божіе; но стоитъ человѣку освободиться отъ суетныхъ заботъ, и въ его сердцѣ воцаряется рай. Путь Царствія Божія признаютъ труднымъ только нечестивые, потому что они сами несутъ на своихъ раменахъ эти трудности; они не видятъ, что онъ легокъ и подобно слѣпымѣ и хромымъ спотыкаются на гладкой дорогѣ. Кто же виноватъ въ этомъ? Конечно, они сами, потому что Богъ далъ человѣку свободную волю для выбора того или другого пути, но они выбираютъ трудный мірской путь вмѣсто легкаго и нужнаго Божія. Изъ своей мысли о самопознаніи и о врожденности природныхъ способностей Сковорода выводитъ и *теорію воспитанія* (кото-

рая развита въ притчѣ о благодарномъ Еродіѣ). Основная мысль Сковороды заключается въ томъ, что въ сердцѣ ребенка таится нѣчто дивное и прекрасное, и оно можетъ предохранить его впослѣдствіи отъ увлеченія суетнымъ міромъ. Посѣй въ немъ такое зерно, и оно дастъ плодъ въ свое время. „Вы же съ благоговѣніемъ ждите, яко рабы чающіе Господа своего"... Узнавъ сіе домашнее благо и плѣнився прекрасною добротою его, дѣти современемъ не станутъ безобразно и бѣсновато гоняться за мірскою суетою и во всѣхъ неудачахъ будутъ утѣшаться пѣсенькою царя Давида: „*возвратися душа моя въ покой твой*". Давъ такое сердце своимъ птенцамъ, отецъ будетъ для нихъ истиннымъ воспитателемъ. Такимъ образомъ, и здѣсь Сковорода выступаетъ на защиту того *внутренняго* начала, которое онъ ставитъ „во главу угла и которое господствуетъ въ мірѣ и должно господствовать въ человѣкѣ. Только такое воспитаніе способно доставить душевный миръ, т. е. единственное прочное, счастіе. Но и здѣсь Сковорода съумѣлъ избѣжать односторонности—онъ соединяетъ науку съ этикой, отводитъ каждому изъ этихъ двухъ элементовъ подобающее мѣсто; мало того: онъ указываетъ и на третій и четвертый элементъ воспитанія, физическое и эстетическое развитіе. Ребенокъ долженъ уже родиться въ здоровой нравственной атмосферѣ, говоритъ онъ; затѣмъ такого рожденнаго на добро не трудно будетъ научить наукамъ и нравственности; тутъ главное дѣло сдѣлаетъ природа; наука сама собою спѣетъ отъ природныхъ дарованій; природа это единая и истинная наставница. Не мѣшай ей, а только очищай дорогу; не учи яблони родить—уже сама природа ее научила; огради только ее отъ свиней, отрѣжь волчцы, очисти гусень; учитель—это служитель природы; учиться нужно тому, къ чему влекутъ способности; это дастъ сердечное спокойствіе и довольство своимъ положеніемъ, какъ бы низко оно ни было, ибо въ сердцѣ каждаго человѣка въ этой убогой хижинкѣ, подъ этою убогою одеждою (тѣломъ)—можно найти Царя своего, домъ свой, начало вѣчности. Эта проповѣдь объ уваженіи ко всякому званію и состоянію общественному стояла въ полномъ соотвѣтствіи съ его *демократизмомъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ шла въ разрѣзъ съ

господствовавшими тогда взглядами на привиллегированное положеніе дворянства, которое и воспитываться должно было не такъ, какъ другія сословія. Сковорода же былъ противъ всякой сословной исключительности въ дѣлѣ воспитанія.

Сковорода направлялъ современное ему общество на духовную сторону христіанской религіи и въ соотвѣтствіи съ этимъ сильно вооружался противъ тѣхъ, кто понималъ эту послѣднюю только внѣшнимъ образомъ, основывался не на духѣ, а на буквѣ, формѣ, обрядѣ. Онъ очень рѣзко возставалъ противъ буквальнаго толкованія Библіи, какъ источника христіанства, и его замѣчанія напоминаютъ выводы французской отрицательной философіи XVIII в. Но между этими скептиками французами и Сковородой цѣлая пропасть. Отрицаніе, иронія и сарказмъ Сковороды являлись результатомъ глубокаго увлеченія *духомъ* священнаго Писанія, его отрицаніе приводило, такимъ образомъ, къ духотворенію. Для него Библія—это болѣе даже чѣмъ священная книга, это основная, можно сказать, *единственная* книга познанія, это самъ Богъ, говорящій здѣсь къ людямъ образнымъ языкомъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что и здѣсь Сковорода не впалъ въ односторонность; ставя такъ высоко духовную науку, онъ не только не возстаетъ противъ свѣтскихъ книгъ, а наоборотъ отдаетъ имъ должное. „Я наукъ не хулю, говоритъ онъ, и самое послѣднее ремесло хвалю; одно то хулы достойно, что на ихъ надѣясь пренебрегаемъ верховнѣйшую науку о царствіи Божіемъ внутри насъ". „Свѣтскія книги, говоритъ Сковорода въ другомъ мѣстѣ, безспорно всякой пользы и красы суть преисполненныя. Но если бы онѣ спросили Библію; для чего сами предъ нею и десятой доли чести и цѣны не имѣютъ, для чего ей созидаются олтари и храмы,—и сама не знаю, отвѣчала бы она. Я состою изъ тѣхъ же словъ и рѣчей, что и вы, да и гораздо съ худшихъ и варварскихъ. Но въ невкусныхъ водахъ моей рѣчи, какъ въ зерцалѣ, боголѣпно сіяетъ невидимое, но пресвѣтлѣйшее око Божіе, безъ котораго вся ваша польза пуста, а краса мертва" (2-е отд., стр. 164). Сковорода выступалъ на защиту Библіи противъ идолопоклонническихъ мудрецовъ, которые думали, что она говоритъ о мертвенной стихіи, не помы-

шляя о томъ, что во тлѣнныхъ ея образахъ сокрывается животъ вѣчный. И это превосходство Библіи надъ всѣми другими книгами совершенно понятно, съ точки зрѣнія Сковороды: Библія насъ ничему другому не учитъ кромѣ Богопознанія, но это значитъ, что она учитъ главнѣйшему, безъ чего не можетъ обойтись никто. Отсюда ея универсальный характеръ; она необходима всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности. Отсюда естественно вытекала мысль Сковороды, что каждый долженъ быть въ этомъ смыслѣ богословомъ. Богословскую науку онъ считалъ нужною для всѣхъ. А я вспомнилъ, говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ въ его трактатѣ „Алфавитъ мира“, тѣхъ совопросниковъ вѣка сего: богословская наука къ чему она? Я де не священникъ и не монахъ“. Будто душевное спасеніе не всѣмъ нужное и будто спасеніе и спокойствіе сердечное не одно и то же. Богословская наука выше всѣхъ свѣтскихъ наукъ. „Медицина, говорилъ Сковорода, врачуетъ тѣло; юриспруденція страхомъ приводитъ каждаго къ должности, а богословіе дѣлаетъ изъ рабовъ сынами и друзьями Божіими, вливая въ сердце охоту къ тому, къ чему гражданскіе законы силою волокутъ“. Чѣмъ больше такихъ богослововъ въ государствѣ, тѣмъ оно счастливѣе, и не напрасно пословица гласитъ: доброе братство лучше богатства (2-е отд., стр. 173). Сковорода хотѣлъ осуществленія чисто христіанскаго государства и общества. Богъ, говорилъ онъ, даетъ народамъ науки и искусства; разлившись по всему корпусу политическаго организма, онъ дѣлаетъ его прочнымъ, мирнымъ и благополучнымъ; государство, будучи основано на немъ, бываетъ домомъ Божіимъ; отдѣльный человѣкъ, основавъ на немъ свою жизнь, дѣлается благочестивымъ. Но все это относится только къ *истинной* богословіи и *инстиннымъ* богословамъ, т. е. стремившимся познать Духъ. Идеаломъ для нихъ долженъ служить самъ Величайшій богословъ Христосъ. Измученный дорогой, сидитъ онъ при источникѣ, томимый голодомъ и жаждою. Было около полудня. Не было съ кѣмъ завести ему бесѣду о царствіи Божіемъ. Пришла жена за водою—вотъ и случай. Попросилъ у нея напиться не для утоленія жажды, а для того, чтобы начать бесѣду. Вода стихійная подала ему поводъ гово-

рить о водѣ живой. Не устыдился, не поопасался мужъ Божій со слабымъ поломъ богословствовать, въ надеждѣ, что авось либо проведетъ ее изъ суевѣрія въ истинное богочтеніе, которое не привязано ни къ полу, ни къ состоянію, ни къ мѣсту ни времени, ни къ обрядамъ, а только къ одному сердцу. Возвратились ученики Его съ пищею и, зная, что онъ ничего еще не ѣлъ, просятъ покушать. Моя пища, сказалъ имъ учитель, да сотворю волю пославшаго мя. И голоденъ, и жаждетъ, и не веселъ, если не дѣлаетъ и не говоритъ о томъ, къ чему Его предназначилъ Отецъ небесный. Въ этомъ Его и пища, и питіе, и веселіе. Учитъ въ сонмищахъ, учитъ въ домахъ, учитъ на улицахъ, учитъ въ кораблѣ, учитъ на травѣ зеленой, на горахъ и вертоградахъ, на ровномъ мѣстѣ, стоя, сидя и ходя, ночью и днемъ, въ городахъ и селахъ. Въ несродное себѣ дѣло не мѣшается. Кто мя постави судію или дѣлителя? Мое дѣло учить о царствіи Божіи, отвѣчаетъ онъ одному лицу, обратившемуся къ нему за разрѣшеніемъ вопроса о наслѣдствѣ. (2-е отд., стр. 140).

Нисколько не отрицая значенія обрядности, онъ только старается показать, что самъ по себѣ обрядъ, или какъ онъ называетъ церемонія, безъ тайнаго смысла, въ него вложеннаго, безъ глубокой вѣры, недостаточенъ. Вся сила 10 заповѣдей говоритъ онъ, состоитъ въ одномъ словѣ—любовь; на ней основанъ вѣчный союзъ между Богомъ и людьми; она тотъ невидимый огонь, которымъ сердце воспаляется къ Богу и его волѣ, а посему и самъ Богъ называется любовью. Но эта Божественная любовь (т. е. Богъ) имѣетъ внѣшніе признаки; они то называются церемоніями или образами, формами благочестія. И такъ, церемонія по отношенію къ благочестію есть то, что на зернахъ шелуха. Если же сія маска лишена силы (т. е. благочестія), то остается одна лицемѣрная обманчивость, а человѣкъ—гробомъ раскрашеннымъ; обрядъ можетъ выполнять самый несчастный бездѣльникъ. Существуетъ глубокая разница между обрядомъ и его смысломъ, церемонія является только тропинкою, могущею привести къ Богу, но болѣе всего нужна милость и любовь. На что намъ, говоритъ Сковорода въ другомъ мѣстѣ, мѣстоположенія тлѣннаго рая? На что намъ родословія историчная?

Какую пользу принесетъ душѣ изслѣдованіе о формѣ и мѣрѣ Ковчега? Къ чему исцѣленіе и воскресеніе плотское, если человѣкъ снова умираетъ? Возставая противъ бездушной внѣшности, Сковорода вооружался и противъ тѣхъ (а такихъ было не мало), которые думали, что одно монашеское одѣяніе даетъ спасеніе человѣку. Извѣстны его рѣзкія выраженія противъ современнаго ему монашества. Когда другъ Гервасій уговаривалъ его принять монашество, указывая на славу, честь и изобиліе всего, его ожидающія, онъ возревновалъ объ истинѣ и сказалъ: „развѣ вы хотите, чтобы и я умножилъ число Фарисеевъ? Ѣшьте жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте! А Сковорода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, малодовольствѣ, воздержности, въ лишеніи всего ненужнаго, дабы пріобрѣсть всенужнѣйшее, въ отверженіи всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самого въ цѣлости, въ обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не славы человѣческой". (См. еще примѣръ, въ 1-мъ отд. (на 21 стр.). Такъ это разсказываетъ Ковалинскій. Но и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Сковорода не былъ отрицателемъ: онъ возставалъ противъ монашества не въ его идеѣ, а только въ практическомъ осуществленіи, въ тѣхъ проявленіяхъ, какія онъ видѣлъ въ современной ему дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно одно его письмо къ Ковалинскому (1-е отд., стр. 45). Въ немъ онъ выражаетъ свое глубокое уваженіе къ истинному монашеству и разъясняетъ свою мысль Ковалинскому, приводя цитаты изъ книги о монашествѣ Эвагрія, которую онъ въ то время читалъ. Народъ христіанскій дурно понимаетъ монашество, говоритъ онъ. Главою ученыхъ богослововъ былъ Христосъ; высшимъ же монахомъ ученикъ христовъ, который старается быть во всемъ подобенъ своему учителю. Ты скажешь, что апостолъ выше монаха. Сознаюсь, но вѣдь и апостолъ дѣлается изъ монаха, который пока собою управляетъ, до тѣхъ поръ онъ монахъ, а если направляетъ также и другихъ на правильный путь, то дѣлается апостоломъ. Христосъ пока былъ въ пустыни, былъ монахомъ, т. е. совершенно невещественнымъ. Такъ устанавли-

ваетъ Сковорода связь и вмѣстѣ съ тѣмъ разницу между отшельникомъ и проповѣдникомъ. Естественно, что, ставя такъ высоко монашеское званіе, предъявляя къ нему такія огромныя требованія, Сковорода сильно вооружался противъ тѣхъ, которые только надѣвали на себя монашеское платье, не отставъ отъ земного. „Хочешь ли быть Павломъ Ѳивейскимъ, Антоніемъ Египетскимъ или Саввою освященнымъ? Лицемѣре! Къ чему жъ тебѣ финикова епанча Павлова! Къ чему Антоніевска борода, а Савинъ монастырь, капишонъ Пахоміевъ? Сей есть одинъ только монашескій маскарадъ. Какая же польза сею маскою сокрывать тебѣ смиренное твое сердце?.. Бѣгай молвы, объемли уединеніе, люби нищету цѣлуй цѣломудренность, дружись съ терпѣніемъ, водворися со смиреніемъ, ревнуй по Господѣ Вседержителѣ. Вотъ тебѣ лучи божественнаго сердца этихъ монаховъ-отшельниковъ (2-е отд. стр. 76). Не менѣе сильно, рѣзко вооружается Сковорода и вообще противъ ханжей и лицемѣровъ. Вотъ картинное сатирическое изображеніе этихъ послѣднихъ. „Пятерица человѣковъ бредутъ въ преобширныхъ епанчахъ на пять локтей по пути влекущихся. На головахъ капишоны. Въ рукахъ не жезлы, а дреколіе. На шею каждому по колоколу съ веревкою. Сумами, иконами, книгами обвѣшенны. Едва, едва движутся, аки быки, парохіальный колоколъ везущіи. Вотъ развѣ прямо труждающіися и обремененныи. Горе имъ, горе! Сіи суть лицемѣры, сказалъ Рафаилъ. Мартышки истинныя святости. Они долго молятся въ костелахъ, непрестанно во псалтирь барабанятъ. Строятъ козни и снабдѣваютъ. Бродятъ поклонниками по Іерусалимамъ. По лицу святы, по сердцу всѣхъ беззаконнѣе. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбцы, ласкатели, сводники, немилосерды, непримирительны, радующіися зломъ сосѣднимъ, полагающіи въ прибыляхъ благочестіе, цѣлующіи всякій день заповѣди Господни и за алтынъ оныя продающіи, домашніи звѣри и внутренніи зміи, лютѣйшіи тигровъ, крокодиловъ и василисковъ. Сіи нетопыры между деснымъ и шуіимъ путемъ суть ни мужскаго, ни женскаго рода. Обоимъ враги, хромы на обѣ ноги, ни теплы, ни студены, ни звѣрь, ни птица. Шуій путь ихъ чуждается, яко имущихъ образъ благочестія,

десный же отвергаетъ, яко силы ихъ отвергшихся. Въ сумахъ ихъ песокъ Іорданской съ деньгами. Обвѣшенныя же книги ихъ суть типики, псалтыри, прологи и протчая. Вся ихъ молитва въ томъ, чтобъ роптать на Бога и просить тлѣнностей. Вотъ останавливаются молящеся и пѣть начинаютъ. Послушаемъ безбожные ихъ пѣсни Божія.

Боже, возстання, что спиши?
Почто насъ не радиши?
Се путь беззаконныхъ цвѣтетъ!
На путехъ ихъ бѣдностей нѣтъ.
Мы жъ Тебѣ свѣчищи ставимъ,
Всякій день молебны правимъ,
И забылъ ты всѣхъ насъ!
Два раза постимъ въ недѣлю,
Въ постъ не уживаемъ хмѣлю,
Странствуемъ по святымъ градамъ,
Молимся и дома, и тамъ,
Хоть псалтыри не внимаемъ,
Но наизустъ ее знаемъ.
И забылъ ты всѣхъ насъ!
Услыши, Боже, вопль и рыкъ!
Даждь намъ богатство всѣхъ языкъ!
Тогда то Тебе прославимъ,
Златыя свѣчи поставимъ,
И всѣ храмы позлащенны
Возшумлятъ Твоихъ шумъ пѣній—
Токмо даждь намъ вѣкъ златъ!

(2-е отд., стр. 205—206).

Таково въ общихъ чертахъ міровоззрѣніе Сковороды: въ немъ стройно сочетались взгляды на міръ, человѣка и Бога. Черезъ все проходитъ одна основная мысль о двухъ началахъ, проникающихъ все сущее, и объ огромномъ преимуществѣ одного изъ нихъ—начала Вѣчности или Бога. Изъ этой идеи Сковорода выводитъ и свою теорію воспитанія; отсюда же вытекаютъ его взгляды на такія явленія, какъ религіозный бытъ современнаго ему общества, монашество и т. п. Вездѣ и всегда онъ проповѣдывалъ превосходство Духа надъ матеріей, вѣчнаго надъ тлѣннымъ. Въ этомъ весь смыслъ его ученія, въ этомъ и его

историческая заслуга. Такой выводъ мы дѣлаемъ, основываясь на совокупности всѣхъ его *учено-литературныхъ трудовъ*, и это, конечно, является достаточною гарантіею, что мы вѣрно поняли и представили его міросозерцаніе.

Д. И. Багалѣй.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРЕЖНІЕ ИЗЫСКАТЕЛИ МАЛОРУССКОЙ СТАРИНЫ[1].

II. Алексѣй Ивановичъ Мартосъ.

(р. 1790 † 1842).

А. И. Мартосъ былъ сынъ извѣстнаго скульптора И. П. Мартоса, происходившаго отъ лубенскаго полковаго обознаго Павла Мартоса. А. И. М—съ родился, повидимому, не въ Малороссіи (вѣроятно въ Петербургѣ), но семья Мартосовъ родины не забывала, такъ какъ А. И. М—съ съ юныхъ уже лѣтъ обращался къ былымъ временамъ Малороссіи, рисуя ихъ въ своемъ воображеніи героическими чертами. Очень можетъ быть впрочемъ, что мечты о „герояхъ" Малороссіи навѣяны были на М—са во время службы его въ Кіевѣ, куда онъ попалъ шестнадцатилѣтнимъ юношею. Учился М—съ въ Петербургѣ, въ инженерномъ корпусѣ, причемъ выборъ инженерной спеціальности М—съ приписывалъ самому себѣ: „*посвятивъ себя* военной службѣ, я рѣшился пріобрѣсти въ оной полнѣйшія познанія, дабы содѣлаться хорошимъ офицеромъ, почему и *избралъ* вступить въ инженерный корпусъ[2])". Изъ корпуса М—съ вышелъ въ 1806 г. юнкеромъ и осенью того-же года, по собственному желанію, былъ посланъ на инженерную службу въ Кіевъ.— „Признаться, страсть посмотрѣть незнакомыхъ мѣстъ, которая

[1]) См. Кіевск. Стар. 1894 г., № 12.

[2]) Русск. Архивъ 1893 г., №№ 7 и 8, „Записки инженернаго офицера (А. И.) Мартоса".

была мнѣ внушена любимыми мною путешествіями по южной Россіи Измайлова и другихъ авторовъ, и надежда въ Кіевѣ скорѣе получить военный чинъ мнѣ не давали ни на минуту покоя быть на одномъ мѣстѣ. Я былъ отправленъ въ кіевскую крѣпость, къ инженерной командѣ, въ началѣ ноября... Достигъ я до Кіева, города великолѣпнѣйшаго по наружности, величественнѣйшаго и поражающаго взоры путешественника красивостью мѣстъ, горами, огромными монастырями, массами церквей"... Первое время пребыванія своего въ Кіевѣ М—съ посвящалъ дальнѣйшему своему военному образованію.—„Я просилъ книгъ изъ Петербурга, доставленіе которыхъ сколь удовлетворило моей *страсти читать безпрестанно*, столь и послужило руководствомъ къ усовершенствованію въ сей полезной наукѣ убивать людей съ проворствомъ и искусствомъ"... Изъ инженерныхъ занятій М—са въ Кіевѣ заслуживаетъ вниманія свѣдѣніе „объ укрѣпленіи дальнихъ пещеръ въ Печерской лаврѣ, которыя угрожали паденіемъ въ р. Днѣпръ". Тутъ любопытны подробности, какъ „искусство гидравлики" предохранило „паденіе (въ Днѣпръ) всѣхъ пещеръ", а еще любопытнѣе ясно сквозящее въ разсказѣ міровоззрѣніе молодого инженера... Послѣ трехлѣтней службы въ Кіевѣ, М—съ получилъ офицерскій чинъ и весною въ 1810 г. былъ отправленъ въ Молдавію, въ предѣлахъ которой сосредоточена была тогдашняя турецкая война. Здѣсь М—съ пробылъ до нач. 1812 г. и затѣмъ, по окончаніи турецкой войны, принималъ участіе въ войнѣ противъ Наполеона. М—съ продолжалъ инженерную службу до половины 1816 г., когда, въ іюнѣ, былъ назначенъ адъютантомъ къ гр. Аракчееву. Выборъ М—са въ адъютанты къ всесильному временщику основанъ былъ, повидимому, на пріятельствѣ послѣдняго съ близкимъ родичемъ И. А. М—са Иваномъ Романовичемъ Мартосомъ[1]), который въ это время, для отдыха послѣ петербургской службы, поѣхалъ на югъ полѣчиться на Кавказѣ и за-

[1]) Объ отношеніяхъ гр. Аракчеева къ И. Р. Мартосу см. въ Историч. Вѣстн. 1894 г., № 10, „Изъ прошлаго". А кто былъ И. Р. М—съ см. Кіевск. Стар. 1894 г., № 10, стр. 154, прим.

тѣмъ—пожить на родинѣ. Весною 1817 г. И. Р. М—съ лѣчился на кавказскихъ водахъ; сюда и написалъ ему, въ маѣ, И. А. М—съ слѣдующее письмо: „Благословляю мирнаго жителя Кавказа! тысячу разъ отъ искренняго сердца благословляю! Желаніе васъ почитающаго, почтеннѣйшій Ив. Р—чъ, солдата изъ скучнаго холоднаго сѣвера всѣхъ счастій сопутствуетъ вамъ ближе и лучше вашей собственной тѣни. Да сохранитъ промыслъ васъ въ высокомъ своемъ и достойномъ храненіи, богиня здравія васъ болѣе да не оставитъ, она милая, хотя меньшая, сестра веселости; онѣ обѣ проказницы васъ примутъ въ свои объятія и нескоро выпустятъ, ибо признаюсь вамъ отъ души, что отъ хорошихъ предметовъ почти нескоро и вырвешься; думаешь, дай брошу, но сердце тлѣетъ—влечетъ опять туда-же. Не прогнѣвайтесь, почтеннѣйшій И. Р., что я займу васъ нѣсколько строчекъ собственно о себѣ: служба бо мнѣ смѣется, бурныя облака прошли и мой графъ (Аракчеевъ) особенно благоволитъ ко мнѣ. Вчера я сюда пріѣхалъ изъ новгородской губерніи, его с—ство сказалъ, что лично будетъ говорить обо мнѣ государю; и на первый случай его величество, уже въ арміи отданнымъ приказомъ, изволилъ объявить мнѣ свое благоволеніе; мѣсяца черезъ 4 или 5 жду чина полковника. Кажется, старые векселя платятъ съ процентами и рекамбіями. Будучи холостякомъ, хотѣлъ-бы бросить одиночество, но считая всякую женитьбу за фараонъ, боюсь, чтобы карта не легла налѣво. Буду ждать вашего совѣта и только тогда съ прискорбіемъ оставлю образъ моей жизни. Я засталъ Петербургъ въ большой суматохѣ... Окончивъ мой рапортъ вашему высокоблагородію, прошу Бога да ниспошлетъ на васъ всю свою милость и, укрѣпивъ васъ своею мощною десницею, позволитъ мнѣ имѣть случай обнять васъ, почтеннѣйшій другъ человѣчества!—Батюшка здоровъ и вамъ посылаетъ свой искренній поклонъ, сестры также кланяются"... Черезъ два мѣсяца послѣ написанія этого письма, М—съ записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующе: „28-го іюля. Я былъ представленъ гр. Алексѣемъ Андреевичемъ лично государю императору; его величество изволилъ меня принять въ своемъ кабинетѣ, во дворцѣ, что на Каменномъ-Островѣ, и

очень благосклонно благодарилъ за работы, произведенныя при военномъ поселеніи. Вотъ слова императора: *покорно благодарю васъ за принятый вами трудъ. Мнѣ это очень пріятно*. Черезъ три или четыре дня по пріѣздѣ моемъ въ деревню (т. е. въ военныя поселенія), фельдъегерь привезъ мнѣ отъ его величества брильянтовый перстень [1]". Фактъ этотъ показываетъ—какъ велико было вниманіе Аракчеева къ молодому офицеру. Въ „Запискахъ" М—съ подробно разсказалъ свою службу при Аракчеевѣ, приводя при этомъ прелюбопытные эпизоды изъ своихъ отношеній къ всесильному патрону. Случилось разъ, что военнопоселенные крестьяне одной изъ волостей послали четырехъ выборныхъ въ Петербургъ—жаловаться государынѣ на Аракчеева. Хотя выборные и были арестованы послѣднимъ въ Петербургѣ, но отъ государя нельзя было скрыть намѣренія жалобщиковъ. „Аракчееву хотѣлось найти кого нибудь виноватымъ предъ государемъ", говоритъ М—съ и тутъ же добавляетъ, что такимъ виноватымъ явился онъ, М—съ.—„И такъ положено было, что я виноватъ. Давай меня ругать, опять ругать, завтра бранить, послѣзавтра стращать, что самъ собою, безъ воли государя, разжалуетъ въ солдаты"... Затѣмъ Аракчеевъ обращается къ М—су съ такою рѣчью: „знаешь ли ты, что ты долженъ считать за честь, что служишь у меня, а Аракчеевъ есть первый человѣкъ въ государствѣ! Ты долженъ быть моею правою рукою, а ты хочешъ быть добрымъ человѣкомъ, хочешъ жить дружно съ офицерами, съ мужиками! Ты долженъ быть тамъ (въ волостныхъ поселеніяхъ) какъ собака на цѣпи! тогда будешъ настоящій мой адъютантъ". Такія отношенія, конечно, не могли привязать М—са къ его начальнику, и адъютантъ подалъ просьбу объ отставкѣ. „Ее (отставку) долго волочили, говоритъ М—съ, графъ бѣсился и прислалъ мнѣ сказать, что меня отставитъ безъ чина и мундира, ежели я буду настаивать о выходѣ прочь съ столь завиднаго поста". М—съ однако не смущался и „по опыту зная мерзкій, мстительный характеръ

[1]) Маякъ 1845 г., т. XXIII, кн. 46-я, смѣсь, стр. 83, откуда мы беремъ и другія свѣдѣнія для настоящаго очерка изъ статьи Васильева, основанной на подлинныхъ бумагахъ А. И. Мартоса.

Аракчеева, настоятельно просилъ отставки по болѣзни". Въ январѣ (1818 г.) отставка была получена, и М—съ засѣлъ на свободѣ доканчивать записки о военной своей службѣ, которые началъ, повидимому, еще въ 1816 г.[1]), послѣ оставленія инженерной службы. Записки кончены были 1 августа 1818 г., а въ маѣ этого же года И. А. М—съ писалъ къ И. Р. М—су, изъ Петербурга: „не будучи долгое время въ Петербургѣ, я всегда былъ развлеченъ или службою, или тѣми непріятностями, коими часто, очень часто, бросали на меня; но въ сіи промежутки мои чувства искренности... преслѣдовали васъ всегда, какъ собственная тѣнь ваша... Мнѣ остается просить у васъ тысячи извиненій, вы ихъ вѣрно простите (sic), а я даю вамъ слово честнаго человѣка впередъ быть исправнѣе и какъ можно чаще и болѣе писать вамъ.—Вы, почтеннѣйшій Ив. Р—чъ, теперь живете въ мѣстахъ благословенныхъ, въ счастливѣйшемъ климатѣ, вамъ должно наслаждаться совершеннымъ здоровьемъ. Къ сожалѣнію, изъ вашего письма къ батюшкѣ я вижу противное, и потому, по нашимъ военнымъ законамъ, позвольте предписать вашему здоровью, дабы оно ни подъ какимъ предлогомъ не осмѣливалось оставлять васъ, въ противномъ случаѣ дѣлается ему и тому сыну ескулапа строжайшій выговоръ, кто васъ пользуетъ. Мнѣ кажется, въ такомъ случаѣ гораздо полезнѣе не очень дружиться съ медициною; эта приманчивая наука, къ сожалѣнію, болѣе дѣйствуетъ на удачу; лекаря часто пробуютъ, видятъ больного, который расположенъ ихъ слушать, который охотно ввѣряетъ себя, тогда сыны хирурги, вооружившись доспѣхами фармасико-физіолого-паталого-медико-физико-чертовщиной, одѣвшись въ ризы важности, щупаютъ пульсъ, пишутъ рецептуру..... Я вижу, почтеннѣйшій И. Р., вы прочитали мои строки, сердитесь, называете меня легковѣрнымъ, даже пустомелею. Но наши предки, сыны свободной Малороссіи, наши Хмельницкіе, Скоропадскіе отъ чего доживали до глубокихъ лѣтъ, мастистой старости?—Спокойная жизнь, свобода, милая родина, прогулки верхомъ, пріятный столъ, за которымъ доб-

---

[1]) Русск. Арх. 1893 г., № 8, стр. 542.

рые друзья и старое вино придаютъ лучшій аппетитъ, потомъ въ садъ, смотришь наступилъ и вечеръ, солнце закатывается за горы, сама природа проситъ дѣтей своихъ посѣтить богатыя поля, нивы, роскошные луга.... Вотъ и время взять отдыхъ. Тутъ у меня и хорошая книга, она занимаетъ—и я счастливъ. Великой изъ малороссіянъ Мазепа умеръ въ глубокой старости! Я посѣтилъ его гробъ на Дунаѣ, въ городѣ Галацахъ [1])... Простите меня, почтеннѣйшій И. Р., я очень забылся, мое воображеніе совершенно отвлекло меня, что мнѣ хотѣлось писать, но дѣлать нечего—у всякаго свои страсти. Я знаю, что вы не охотникъ до новостей, а потому и умалчиваю, что дѣлается за предѣлами; въ Петербургѣ-же все довольно изрядно, особенно кто привыкъ видѣть только красивую наружность"...

Письмо это, юное по складу мыслей, интересно тѣмъ, что М—съ въ немъ упоминаетъ о Хмельницкомъ, Мазепѣ, Скоропадскомъ, которые повидимому его немало интересовали, и онъ о нихъ гдѣ-то и что-то читалъ. Въ это время М—съ занимался уже и писательствомъ: въ бумагахъ его найдено составленное въ 1818 г. „изложеніе событій со времени смерти Ивана Грознаго до царствованія Михаила Өедоровича включительно [2])". А вслѣдъ затѣмъ, онъ занялся переводомъ Квинта Курція и напечаталъ его, какъ видно изъ слѣдующаго интереснаго письма А. И. М—са къ тому-же И. Р. Мартосу.—„Зачѣмъ я не имѣю дара безподобнаго Попе, божественнаго Данте, остраго, пріятнаго Вольтера? Зачѣмъ долженъ пресмыкаться предъ геніемъ Ломоносова и только что дивиться Кострову? Зачѣмъ я не они? или хоть милiонная бы доля ихъ? Тогда два слова—и вы бы простили меня, два слова—и улыбка ободренія вашего заставила бы меня отправить въ герольдію упреки совѣсти че-

---

[1]) Въ своихъ Запискахъ М—съ упоминая о томъ, что Мазепа похороненъ въ Галацѣ (№ 7, стр. 345), приводитъ цѣлую тираду въ похвалу сему гетману, его покровительству кіевской академіи и проч. Приводимое выше письмо заключаетъ въ себѣ такую же тираду въ похвалу Мазепѣ, причемъ послѣдній сравнивается съ Вадимомъ, который, продолжаетъ М—съ, „и теперь живъ на грозныхъ башняхъ Новгорода"... Новѣйшія свѣдѣнія о могилѣ Мазепы въ Галацѣ—см. въ газетѣ *Южанинъ* 1891 г., № 263.

[2]) Маякъ 1845 г., статья Васильева.

ловѣка виноватаго и совершенно праваго. Ежели-бы вы, почтеннѣйшій И. Р., съ горъ кіевскихъ [1]) на минутку волшебствомъ переселились въ холодную столицу нашу и взглянули-бы на бѣдняка, изнемогающаго подъ ярмомъ болѣзней, бѣдняка физически отнятаго отъ свѣта, вы бы сказали, что я правъ противъ васъ, что ждалъ маленькаго облегченія правой руки, чтобъ накидать вамъ и поздно и нѣсколько несвязныхъ словъ, вы бы удостовѣрились въ той преданности вѣчной и никогда неизмѣняющейся, которую я къ вамъ чувствую, вы бы расхвалили меня и разбранили бы медиковъ петербургскихъ, коихъ здѣсь толпы, кои имѣютъ академію свою... и отправляютъ въ елисейскія поля. Я надѣюсь остаться въ семъ лейбницовомъ свѣтѣ, столь искусно описанномъ въ Кандидѣ, и потомъ сдѣлаться порядочнымъ членомъ общества, по крайней мѣрѣ воспріявъ силу богатырскую, раззнакомлюсь съ посланникомъ боговъ мифологіи... Годъ моей отставки былъ самымъ полезнѣйшимъ моей жизни, не говорю пріятнѣйшимъ, ибо есть такія струны въ человѣческомъ сердцѣ, что ненарочно тронувшись за одну, въ секунду разстраиваешъ цѣлую гармонію. Я всегда долженъ былъ ждать того и никогда не прощу себѣ, что пріѣхалъ въ П.-Бургъ; теперь со вступленіемъ на новую мнѣ дорогу, которая мнѣ льститъ въ будущемъ, удаляюсь отъ предметовъ самыхъ непріятныхъ и глупыхъ. Въ теченіи года отставки я всѣ дни посвятилъ себя изученію древнихъ авторовъ, всегда съ охотою и безъ скуки. Не удовольствуясь чтеніемъ, я перевелъ исторію Александра Великаго, Квинта Курція, которая уже печатается, съ портретомъ героя и географическою картою походовъ македонскихъ армій; половина перваго тома готова и идетъ очень исправно [2]). Не мое дѣло хвалить и автора и переводчика; первый ставится величайшимъ писателемъ изъ древнихъ,

---

[1]) И. Р. М—съ жилъ въ это время въ Кіевѣ, въ лаврѣ.

[2]) „Квинта Курція, Исторія объ Александрѣ Македонскомъ, съ дополненіями Фрейнсгейміуса. Перев. А. Мартосъ. 2 ч. Спб. Т. Академіи Наукъ. 1819. 8 д. 15 р.“ Переводъ посвященъ гр. Н. П. Румянцеву, который благодаря М—са за „таковой подарокъ“, просилъ переводчика „короткимъ знакомствомъ сблизиться“. Ст. Васильева въ Маякѣ.

или лучше сказать первѣйшимъ историкомъ; перо Кв. Курція не уступаетъ Титу Ливію, выше Тацита, Полибія, Діониса Галикарнасскаго, слѣдовательно исторія Карамзина, печатанная крупными литерами и мелкими примѣчаніями..... не годится и въ деньщики въ сравненіи Кв. Курція. О переводчикѣ и рта раззинуть не смѣю, люди просвѣщенные будутъ моими судьями, всякую здравую критику прійму съ отмѣнною благодарностью; съ педантовъ же и школьныхъ умовъ буду смѣяться, точно такъ, какъ съ толстыхъ, лѣнивыхъ кіевскихъ монаховъ . . .
. . . .
Дайте свободу мыслямъ людей, любите человѣчество, чтите церковь, это значитъ добродѣтель, и знайте, что религія есть дочь времени и что она всего должна ждать отъ отца своего.— За симъ маленькимъ отступленіемъ отъ проформы писать письма, я положу перо, дамъ отдыхъ больной рукѣ и слѣдую (sic) продолженію. Я васъ усердно благодарю за извѣщеніе о моемъ отрывкѣ—*о коммерціи народовъ.* Эта піеса написана въ три часа времени; она есть только предметъ или предметы, о чемъ можно писать томы. Но у насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ расплодилось стихотворцевъ, журналистовъ и подобной сволочи, и люди молодые объявили войну терпѣнію и занятіямъ важнымъ и полезнымъ. Въ слѣдующемъ письмѣ позвольте побесѣдовать съ вами о литературѣ, о состояніи ея у насъ и о критикѣ, которую пріуготовилъ на *Исторію Суворова*, соч. Е. Б. Фукса и которую вамъ доставлю, только выйдетъ изъ печати"...

Какъ изъ „Записокъ", такъ и изъ писемъ личность А. И. М—са вырисовывается довольно опредѣленно: одаренный живымъ воображеніемъ и любознательностью, М—съ, какъ видно, много читалъ, былъ знакомъ съ философіей к. XVIII в., много мечталъ и—долженъ былъ заслужить у старшихъ названіе „горячей головы"... Не чувствуя силъ выносить гнётъ Аракчеева [1]),

---

[1]) Да и трудно было вообще служить у Аркачеева человѣку, который въ дневникѣ своемъ записывалъ (1817 г., 31 мая) такіе случаи изъ жизни: „Будучи въ военномъ судѣ, подписалъ сентенцію о смертной казни нѣкоторыхъ подсудимыхъ, *первый разъ* въ моей жизни. Дай Господи, чтобы это было и *послѣдній.* Законъ правды установилъ право отнимать жизнь у равныхъ себѣ; я правъ не-

М—съ оставилъ службу и занялся писательствомъ по разнымъ отраслямъ знаній. Разсужденіе „о коммерціи народовъ“ перемѣшивались у него съ Александромъ Македонскимъ, Суворовымъ... Наконецъ остановился онъ на исторіи Малороссіи, отъ молодыхъ лѣтъ чувствуя влеченіе къ „милой родинѣ“, къ Хмельницкимъ и Скоропадскимъ... Рѣшеніе писать исторію Малороссіи безъ всякой къ тому подготовки указываетъ, какъ М—съ легко увлекался мыслью о какой либо литературной работѣ и спѣшно старался послѣднюю привести въ исполненіе, не соразмѣряя своихъ силъ съ задуманнымъ трудомъ... Мы не знаемъ, когда именно М—съ началъ писать свою исторію Малороссіи [1]), но къ половинѣ 1822 г. уже были готовы три ея томы, заканчивавшіеся смертью Хмельницкаго, какъ видно изъ слѣдующаго интереснаго письма тридцатилѣтняго историка своей родины къ И. Р. Мартосу: „*Очень давно*, почтеннѣйшій И. Р., я занимаюсь исторіею нашего общаго отечества, и благодаря судьбѣ, три тома, заключающіеся смертью Богдана Хмельницкаго, уже давно въ здѣшней цензурѣ; ожидая разрѣшенія сей старушки, тотчасъ примусь печатать ихъ. По плану моей исторіи, она составится изъ пяти томовъ, т. е. до уничтоженія гетманства; пятая часть со всѣми подробностями революціи Мазепиной, извлеченная изъ источниковъ вѣрныхъ, равномѣрно давно кончена, слѣдовательно только передѣлываю четвертую часть. Она чрезвычайно разнообразна и обильна, ибо содержитъ ходъ произшествій всѣхъ гетмановъ отъ Богдана, столь противоположно описанныхъ малороссіянами и хрониками польскими, но становится все занимательнѣе. Сіе зависитъ, ежели позволено выразить (sic), отъ *доброты матеріаловъ*. Я надѣюсь получить скоро сочиненіе нѣкотораго La Croix, бывшаго секретаремъ французской миссіи въ Царьградѣ въ 1660—80 годахъ, самое интересное, ибо касается до Георгія Хмельницкаго, со-

---

редъ своей совѣстью, ибо настоялъ смягчить наказаніе двухъ несчастныхъ, кои были менѣе виновны.—Да послужатъ сіи строки напоминаніемъ мнѣ и тѣмъ, кого люблю душею, объ обязанностяхъ честнаго человѣка“...

[1]) Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Васильевымъ, можно думать, что М—съ началъ писать свою исторію въ 1820 г. См. ниже.

державшагося плѣнникомъ у султана и послѣ возведеннаго вторично въ санъ гетманскій. Авторъ описываетъ, какъ самовидецъ, разные любопытные случаи относительно сего человѣка, непохожаго на отца своего,—и кто лучше знаетъ людей, какъ не современники? Твореніе La Croix содержитъ въ себѣ восемь томовъ in octavo, печатано при жизни автора въ Парижѣ и столь рѣдко, что его нѣтъ даже въ императорской библіотекѣ [1]). Изъ такихъ матеріаловъ можно строить зданіе исторіи, которая любитъ истину и не терпитъ вымысловъ,—вотъ причина, что люди небольшіе волокутъ (sic) за Кліо!—Съ искреннею признательностью и нетерпѣливо ожидать буду вашего манускрипта, который безъ сомнѣнія принесетъ мнѣ немалую пользу. Я знаю о трудахъ г-на Бант.-Каменскаго и радуюсь, что онъ принялъ на себя распахать дикое поле дѣеписаній Украины. Больше оратаевъ, больше имъ славы! Можетъ быть, съ нимъ удостоимся получить вѣнцы, опредѣленные мудрымъ іонтчиномъ восьмыхъ степеней мандариновъ. Будучи спокоенъ на счетъ расположенія плана исторіи, я располагаю украсить ее портретами людей великихъ: изображеніе Богдана Хмельницкаго и Мазепы уже нарисованы и литографированы. Ежели вамъ угодно будетъ имѣть ихъ прежде книгъ, я поставлю пріятнѣйшею обязанностью съ первою почтой ихъ доставить вамъ. Крайне трудно сіи вещи получать не на мѣстахъ, а въ отдаленной столицѣ, но зато они здѣсь отработываются отлично хорошо.—Сверхъ обѣщаннаго вами манускрипта, я имѣю самую наиубѣдительнѣйшую просьбу, которая занимаетъ меня слишкомъ давно. Вы уже догадываетесь, что я говорю о Сковородѣ. Мы о немъ мало знаемъ или лучше совсѣмъ не знаемъ [2]). Пріятно слышать о образѣ жизни и о правилахъ сего малороссійскаго циника; и я скорблю, что не имѣлъ здѣсь случая достать какое либо повѣствованіе о семъ удивительномъ мужѣ. Позвольте про-

[1]) Говорится о книгѣ Лякруа—Guerres des Turcs avec Pologne, la Moscovie et la Hongrie, изданной въ 1689 г., (Paris u La Haye), по французски, въ 1705 г.—по англійски и въ 1775 г.—по нѣмецки.

[2]) Въ это время въ русской печатной литературѣ о Сковородѣ имѣлась лишь одна статейка, напечат. въ Украин. Вѣстн. 1817 г., № 4, стр. 106—131.

сить вашихъ свѣдѣній о немъ; предметъ обильный, заслуживающій пера вашего, и я въ полной увѣренности, что ежели возмете на себя трудъ изложить о Сковородѣ что-либо, то сіе описаніе будетъ драгоцѣнный камень въ коронѣ царства исторіи украинской! Именемъ друзей просвѣщенія еще разъ прошу васъ не отказать въ сей необходимѣйшей просьбѣ. Предшественники автора Сковороды св. Дмитрій Туптало и Ѳеофанъ Прокоповичъ мною разобраны (гдѣ?) подробно; жаль упустить новѣйшаго [1])".

Въ этомъ письмѣ М—съ говоритъ, что онъ занимается исторіей Малороссіи *очень давно*. Есть указаніе, что М—съ началъ интересоваться исторіей Малороссіи съ молодыхъ лѣтъ; уже въ 1810 г., будучи въ Молдавіи, М—съ розыскивалъ у Сочавы мѣсто, гдѣ былъ убитъ Тимофей Хмельницкій, какъ видно изъ нижеприводимаго отрывка написанной М—сомъ исторіи Малороссіи; тогда же въ 1810 г., переходя Галацъ, М—съ посѣтилъ тотъ греческій монастырь, въ которомъ похороненъ Мазепа, съ цѣлью видѣть могилу послѣдняго. Изъ этихъ фактовъ можно заключить, что уже въ молодости М—съ былъ знакомъ съ подробностями женитьбы и смерти старшаго сына Богдана Хмельницкаго и зналъ, гдѣ умеръ и похороненъ Мазепа. Очень можетъ быть, что по выходѣ въ отставку М—съ еще ближе познакомился съ тогдашней печатной литературой по исторіи Малороссіи, тѣмъ болѣе, что она была вовсе не велика. До 1822 г. въ печати имѣлись: 1) Краткая лѣтопись Малыя Россіи изд. Рубана, 1777 г., 2) статьи о Малороссіи въ Географич. словарѣ Россійск. госуд., Максимовича, 1788—89 г., 2) Отрывки изъ историч. сборника Миллера, въ Новыхъ Ежемѣсячн. Соч., 1792—95 г., 4) Лѣтопись о през. брани (Грабянки), въ Россійск. Магаз., 1793—94 г., 5) Исторія о Малой Россіи М. Антоновскаго, въ IV-й кн. Георги, 1799 г. и 6) въ Словарѣ Щекатова статья „Малороссія" (ч. IV, отд. I, стр. 22—172), 1805 г.—Изъ этого коротенькаго перечня видимъ, что какой либо системати-

[1]) Подлинныя письма А. И. М—са, изъ которыхъ приведены здѣсь отрывки, находятся въ нашей б—кѣ.

ческой исторіи Малороссія въ это время не имѣла, хотя потребность въ такой исторіи уже существовала [1]). Потребность тогдашняго общества въ систематической исторіи Малороссіи видна и изъ того, что одновременно начали писать такую исторію два человѣка, принадлежавшіе къ совершенно различнымъ группамъ общества.—Лѣтомъ 1822 г. А. И. М—съ пишетъ своему родичу, что три тома его исторіи Малороссіи находятся уже въ цензурѣ, между тѣмъ какъ другая исторія Малороссіи, разрѣшенная цензурою уже въ февралѣ 1821 г., въ этотъ моментъ была уже и напечатана. Мы говоримъ объ „Исторіи Малой Россіи" Бантышъ-Каменскаго.

Не смотря на категорическое заявленіе М—са, что по полученіи изъ цензуры своей исторіи Малороссіи, онъ начнетъ ее печатать, исторія эта напечатана не была. Были напечатаны только двѣ главы изъ III-го ея тома, въ Сѣверн. Архивѣ 1822 г., (№ 13, стр. 1—18 и № 14, стр. 99—125) и 1823 г. (№ 6, стр. 461—479), причемъ одна глава заключаетъ въ себѣ описаніе сраженія подъ Берестечкомъ, а другая—женитьбы и смерти Тимофея Хмельницкаго. Знакомясь съ источниками, которыми М—съ пользовался для написанія этихъ двухъ главъ, мы видимъ здѣсь ссылки на Пасторія (Bellum Scythico-Cosacicum, изд. 1652 г.), на Шевалье (Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne, изд. 1663 г.), на „Польск. лѣтоп."(?) и на „Малорос. лѣтоп.", съ указаніемъ на стр. 244 и друг. Въ послѣдней лѣтописи называется „Исторія о през. брани" (Грабянки), по печатному ея изданію Туманскаго, какъ это видно изъ приводимаго М—сомъ, при описаніи Берестечскаго сраженія, свидѣтельства Пуффендорфа, цѣликомъ взятаго изъ „Исторіи о през. брани", (по изд. 1854 г., стр. 100).—М—съ, повидимому, не же-

[1]) Эта потребность видна между прочимъ и изъ переписки тогдашнихъ любителей малорусской старины А. И. Чепы и В. Г. Полетики. Послѣдній пишетъ первому, въ 1809 г.: „Вездѣ стараюсь я сыскивать свѣдѣнія до малороссійской исторіи относящіяся.. До сихъ поръ мы не имѣемъ полныхъ бытописаній отечества нашего". Чепа отвѣчаетъ: „Ежели вы пріймите великій трудъ написать славную вѣтвь россійской исторіи—исторію Малороссіи, то тѣмъ одолжите современниковъ"... Кіевск. Стар. 1892 г., № 1, стр. 52—53.

лалъ ограничиваться одними печатными источниками, но искалъ и рукописныхъ, на что указываетъ его переписка съ митрополитомъ Евгеніемъ; розыскивалъ М—съ и старопечатныя книги, въ которыхъ надѣялся найти свѣдѣнія о тѣхъ или другихъ дѣятеляхъ козацкой Малороссіи[1]). Но исканія М—са, какъ видно, были неуспѣшны, и ему приходилось удовлетворяться источниками болѣе или менѣе общеизвѣстными.

Написанная М—сомъ исторія не была напечатана вѣроятно вслѣдствіе появленія въ 1822 г., т. е. въ тотъ моментъ, когда М—съ собирался приступить къ печати, уже готовой „Исторіи Малой Россіи" Бант.-Каменскаго. Очень вѣроятно, что М—съ не рѣшился конкурировать съ книгою, написанной съ большимъ запасомъ архивныхъ свѣдѣній, которыхъ у него, кажется, не было вовсе, и притомъ такъ роскошно (для того времени) изданной[2])...

Имѣя теперь въ рукахъ только двѣ главы изъ всей М—совой исторіи, трудно дать о ней болѣе или менѣе опредѣленное заключеніе. Но сравнивая, напр., эпизодъ о трагической кончинѣ Тимофея Хмельницкаго по изложенію М—са[3]) съ разсказомъ о томъ же предметѣ Б.—Каменскаго, мы видимъ, что М—съ описываетъ это событіе и подробнѣе, и живѣе, видно, что писательскаго мастерства у М—са было гораздо болѣе, чѣмъ у автора „Исторіи Малой Россіи". Весьма вѣроятно, что

[1]) Маякъ, указ. книга, стр. 89. Здѣсь м. Евгеній пишетъ М—су: „Письмо ваше имѣлъ я честь получить и по оному во всѣхъ кіевскихъ библіотекахъ искалъ требуемыхъ вами книгъ (рукописныхъ?), но не могъ найти. Лаврская б-ка вся сгорѣла въ 1718 г., а академическая дважды горѣла, въ 1780 и 1811 гг. А потому почти ничего уже стараго (изъ рукописей?) въ нихъ не осталось. Вирши Кассіана Саковича на погребеніе гетм. Сагайдачнаго (изд. 1622 г.) видѣлъ я въ Спб. б-кѣ пок. канцлера гр. Румянцова. Они кратки и ничего не имѣютъ историческаго, кромѣ піитическихъ похвалъ за храбрость. А панегирика на погребеніе митроп. Коссова я нигдѣ не видѣлъ".

[2]) На книгу Б.—Каменскаго была напечатана въ Сынѣ Отеч. 1823 г. (№ 3, стр 130—138) рецензія, которая по словамъ Н. Полеваго (Моск. Телегр. 1830 г. № 17, стр. 79) принадлежитъ Мартосу (конечно, А. И.) Къ сожалѣнію, мы не могли добыть указанной книжки С. О—ва, чтобы познакомиться съ этой рецензіей.

[3]) Въ виду большой рѣдкости теперь Булгаринскаго Сѣверн. Архива, мы перепечатываемъ здѣсь, въ приложеніи, главу изъ исторіи М—са, въ которой описывается женитьба и смерть Т. Хмельницкаго.

написанная М—сомъ исторія Малороссіи болѣе полюбилась бы читателю двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ, чѣмъ исторія Б.—Каменскаго, но въ научномъ отношеніи послѣдняя, конечно, должна была имѣть значительный перевѣсъ... Какъ мы видимъ изъ письма М—са, писаннаго въ 1822 г., его исторія состояла изъ пяти томовъ и заканчивалась уничтоженіемъ гетманства; первые три тома, въ которыхъ исторія доведена была до смерти Хмельницкаго, были сочѣмъ окончены и отданы въ цензуру; были кончены и послѣдніе два тома, но четвертый изъ нихъ передѣлывался... Была ли окончена эта передѣлка—неизвѣстно; вѣрнѣе, что нѣтъ, такъ какъ въ сентябрѣ 1822 г. М—съ получилъ мѣсто въ Сибири, куда вслѣдъ затѣмъ и уѣхалъ [1]). Въ Сибири М—съ пробылъ до конца 1826 г.; затѣмъ, въ началѣ 1827 г. получилъ мѣсто прокурора въ Новгородѣ, пробылъ тутъ до нач. 1832 г. и вышелъ въ отставку. Черезъ годъ (въ апрѣлѣ 1833 г.) М—съ поступилъ на службу въ комиссаріатъ, а съ 1837 г. до дня смерти, 13 августа 1842 г., занималъ мѣсто управляющаго ставропольскою коммиссаріатскою коммиссіей.

Со времени возвращенія изъ Сибири и до конца своихъ дней М—съ безпрерывно занимался разными литературными работами. Въ 1827 г. онъ напечаталъ *Письма о восточной Сибири*, а въ 1841 г.—переводъ *Исторіи семилѣтней войны въ Германіи*, соч. Архенгольца. Кромѣ того, по сообщенію Васильева, М—съ оставилъ послѣ себя нѣсколько литературныхъ работъ, изъ которыхъ часть (статьи по древней и русской исторіи) была напечатана послѣ его смерти, въ Маякѣ [2]). При перечисленіи этихъ работъ М—са, Васильевъ говоритъ: „Въ 1839 г. (М—съ)

---

[1]) Хотя Васильевъ и говоритъ что М—съ получилъ мѣсто въ Сибири въ сентябрѣ 1821 г., но думается, что этотъ годъ указывается имъ ошибочно, такъ какъ въ письмѣ своемъ къ И. Р. М—су, писанномъ *20 іюня 1822 г., изъ Петербурга*, А. И. М—съ ни слова не говоритъ о полученіи мѣста въ Сибири.

[2]) Перечисляя литературныя работы М—са, Васильевъ говоритъ: „кромѣ всѣхъ поименованныхъ сочиненій имѣются многія мелкія, разнаго рода содержанія статьи, кои *по обстоятельствамъ, независящимъ отъ владѣтелей этихъ рукописей, не могутъ быть напечатаны*". Изъ чтенія „Записокъ" М—са, напечатанныхъ въ Русск. Арх. 1893 г., можно догадываться, что „обстоятельства" здѣсь разумѣются цензурнаго свойства.

окончилъ *исторію Украйны*, надъ которою трудился слишкомъ девятнацать лѣтъ[1])". Изъ дальнѣйшаго сообщенія Васильева слѣдуетъ видѣть, что М—съ представилъ тогдашнему министру нар. просвѣщенія Уварову первые три тома своей исторіи (т. е. тѣ, которые были уже въ цензурѣ?) съ ходатайствомъ представить его трудъ вниманію государя Николая Павловича, причемъ вѣроятно имѣлъ въ виду получить средства на изданіе этого труда. Прежде представленія рукописи государю, Уваровъ поручилъ спеціалисту (конечно, Устрялову, къ которому онъ обыкновенно обращался въ такихъ случаяхъ)—дать заключеніе объ ученомъ значеніи сочиненія М—са. Заключеніе дано было въ пользу автора[2]), причемъ изъ этого заключенія видно, что М—съ представлялъ министру только три тома своей исторіи

---

[1]) Значитъ писать исторію Малороссіи М—съ началъ въ 1820 г.?

[2]) Заключеніе это, приведенное Васильевымъ, перепечатываемъ здѣсь, какъ единственное пока свидѣтельство о характерѣ *всей* исторіи Малороссіи Мартоса.

„Исторія Малороссіи г. Мартоса излагаетъ произшествія отъ начала сей страны до присоединенія ея къ Россіи. Авторъ хотѣлъ, повидимому, пополнить недостатокъ книги г. Бантышъ-Каменскаго, который свою исторію Малороссіи начинаетъ временами Хмельницкаго и оканчиваетъ 1803 годомъ. И дѣйствительно, соединивъ трудъ г. Мартоса съ сочиненіемъ Бантышъ-Каменскаго, мы можемъ имѣть уже довольно полную исторію Украйны. Въ этомъ отношеніи разсмотрѣнная мною рукопись заслуживаетъ полное уваженіе. Внутреннее достоинство ея заключается въ отсутствіи всякихъ произвольныхъ изъясненій; авторъ излагаетъ событія просто, не мудрствуя лукаво, излагаетъ ихъ, какъ историкъ, а не какъ умозрительный философъ, не рѣдко подчиняющій вещи и лица своимъ апріорическимъ убѣжденіямъ. Это немаловажное достоинство въ наше время, когда всякой спѣшитъ, такъ называемыми „высокими воззрѣніями", вѣкамъ и поколѣніямъ навязать такія виды и такой ходъ жизни, о какихъ эти вѣка и поколѣнія вовсе ничего не знали. У автора одна направительная идея, какъ и должно быть, не его собственная, а идея жизни и судьбы малороссійскаго народа, т. е. что народъ сей и по происхожденію, и по духу, и по вѣрѣ своей всегда былъ частію великаго цѣлого—Россіи, и силой естественнаго влеченія, долженъ былъ не смотря на временное свое отдаленіе отъ ней, опять войти въ историческую ея орбиту и составить съ ней одну душу и одну мощь.—Формы изложенія у г. Мартоса тоже просты: онъ слѣдуетъ естественному ходу событій, безъ всякого искусственнаго распредѣленія вещей. Можно было бы однакоже пожелать, чтобъ авторъ былъ нѣсколько кратче въ эпизодическихъ повѣствованіяхъ: иногда онъ слишкомъ много говоритъ о событіяхъ, выходящихъ изъ круга малороссійской исторіи и имѣющихъ къ ней весьма посредственныя отношенія. Такъ, напримѣръ, въ 1-й части онъ безъ нужды входитъ въ длинное описаніе временъ предшествовавшихъ козачеству въ нашихъ странахъ,

Малороссіи („до присоединенія ея къ Россіи“). Поэтому слѣдуетъ думать, что послѣдніе два тома этой исторіи не были окончены и послѣ сибирской службы ея автора...

О результатахъ представленія рукописи М—са государю Николаю I, въ статьѣ Васильева читаемъ: „Государь императоръ удостоилъ наградить сочинителя брильянтовымъ перстнемъ“. Исторія эта, дополненная указаніемъ источниковъ (какъ то находилъ нужнымъ Устряловъ), не напечатана еще доселѣ. Изъ содержанія и изложенія этой исторіи видно, что сочинителю (ея) стоило огромныхъ трудовъ собрать необходимые матеріалы, источники, которые въ настоящемъ исправленномъ состояніи указаны всѣ безъ исключенія и тѣмъ самимъ много говорятъ въ пользу сочинителя“. Вотъ и все что мы знаемъ объ исторіи Малороссіи, написанной А. И. Мартосомъ. Гдѣ находится въ настоящее время ея рукопись—неизвѣстно. Судя потому что рукопись „Записокъ“ М—са куплена была, однимъ собирателемъ, въ Ярославлѣ, *на базарѣ*, (Русск. Арх. 1893 г., № 8, стр. 542),

---

тогда какъ о происхожденіи козаковъ онъ говоритъ мало и неудовлетворительно. Отъ того нѣкоторымъ частямъ его сочиненія не достаетъ стройности. Слогъ автора, хотя и не отличается художественной обработкой и мѣстами тяжелъ, однако ясенъ и что, по современному состоянію нашей литературы, составляетъ уже достоинство, не широковѣщателенъ, не напыщенъ и не пустозвученъ. Но вотъ важный и самый существенный ученый недостатокъ исторіи г. Мартоса: онъ вовсе не показываетъ источниковъ, откуда заимствовалъ факты; у него нѣтъ ни одной ссылки, ни одного указанія на матеріалы. Многіе предметы, имъ излагаемые, конечно довольно общеизвѣстны тѣмъ, которые предварительно уже знакомы съ исторіей Украйны; но эта извѣстность не освобождаетъ историка отъ обязанности утверждать ихъ цитатами. Иначе читатель въ правѣ подумать, что онъ критику подчиняетъ преданіямъ, а не преданія критикѣ. Г. Мартосъ также не обратилъ вниманія на нравы и внутренній бытъ малороссіянъ, какъ извѣстно, очень оригинальные, что лишаетъ его книгу одного изъ важнѣйшихъ историческихъ интересовъ. Хронологія не вездѣ соблюдена, а этнографическое состояніе страны совсѣмъ выпущено изъ вида. Изъ всего вышеписаннаго оказывается, что трудъ г. Мартоса не есть въ полномъ смыслѣ, художественное созданіе, не смотря на то, что, при недостаткѣ дѣльныхъ въ нашей литературѣ твореній, онъ занялъ бы у насъ, въ особенности какъ дополненіе къ исторіи г. Бантышъ-Каменскаго, весьма почетное мѣсто, если бы только авторъ соблюлъ одно изъ важнѣйшихъ условій историческаго творенія—показаніе источниковъ, чѣмъ такъ богатъ его предшественникъ г. Бантышъ-Каменскій“.

можно думать что и рукопись М—совой исторіи Малороссіи тоже гдѣ нибудь затерялась, если не погибла совсѣмъ...

Какъ видимъ, авторъ этой исторіи принадлежалъ къ числу тѣхъ прямыхъ, живыхъ и образованныхъ людей, которые своими идеями всегда полезно вліяютъ на современное имъ общество. Такихъ людей исторія не должна забывать. Не долженъ быть забытъ А. И. Мартосъ и какъ одинъ изъ изыскателей малорусской старины, потому что онъ прилежно и съ любовью изучалъ эту старину, чтобы затѣмъ знакомить съ нею своихъ современниковъ.

Ал. Лазаревскій.

Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи, составляемой А. Мартосомъ. (Томъ III. Глава V. 1652—1653).

Разрывъ мира.—Заселеніе слободскихъ полковъ.—Знаменитая битва при Батовѣ.—Сынъ гетмана вступаетъ въ бракъ съ дочерью молдавскаго господаря.— Смѣлый отвѣтъ Богдана Хмельницкаго депутатамъ польскимъ.—Кончина польскаго сенатора-воеводы Киселя.—Молодой Хмельницкій убитъ въ Молдавіи.—Богунъ разбиваетъ поляковъ.—Богданъ Хмельницкій въ окружностяхъ Жванца поражаетъ всю королевскую армію.—Свиданіе Хмельницкаго съ Іоанномъ-Казиміромъ и подтвержденіе Зборовскаго трактата.

Бѣлоцерковскій миръ по существа своему не могъ быть ни проченъ, ни продолжителенъ. Польскіе полки заняли сначала зимнія квартиры въ Брацлавскомъ воеводствѣ, а послѣ въ Нѣжинѣ и по всѣмъ украинскимъ городамъ, въ стародубскомъ округѣ, отъ Сулы за Мглинъ до литовской границы. Народъ роцталъ на миръ и на Хмельницкаго, который, всегда дѣйствуя самымъ осторожнымъ образомъ, выжидалъ удобнаго времени къ отмщенію за причиненныя ему оскорбленія. Онъ позволилъ козакамъ и крестьянамъ селиться на лѣвомъ берегу Днѣпра въ южныхъ предѣлахъ Россійскаго государства, на обширныхъ равнинахъ, принадлежавшихъ Россіи и оставшихся въ запустѣніи со времени перваго нашествія татаръ. Дворъ московскій, радуясь симъ новымъ выходцамъ, предоставилъ имъ во владѣніе тамошнія поля, гдѣ въ короткое время выстроились города: Сумы, Лебединъ, Харьковъ, Изюмъ, Ахтырка, Острогожскъ и другіе, даже до рѣки Дона. Украинцы вмѣстѣ съ собою принесли туда и свои военныя постановленія, и такимъ образомъ положили основаніе селеніямъ славныхъ слободскихъ козаковъ: первый шагъ Хмельницкаго къ присоединенію Малороссіи къ Россійской державѣ.

Хмельницкій по окончаніи войны желалъ исполнить прежнее свое намѣреніе, женить своего сына Тимофея, на дочери молдавскаго господаря. Весною 1652 года онъ послалъ въ Яссы депутатовъ, чтобы съ угрозами напомнить сему князю объ его обѣщаніи. Но господарь, не располагая сдержать своего слова, убѣдительнѣйше просилъ короля польскаго воспрепятствовать требуемому Богданомъ бракосочетанію. Въ слѣдствіе того король выслалъ для подкрѣпленія господаря Молдавіи 10-ти тысячный польскій корпусъ, подъ начальствомъ напольнаго гетмана Калиновскаго, личнаго врага Хмельницкому.

Хмельницкій крайне огорчился столь оскорбительными дѣйствіями враговъ своихъ. Онъ писалъ къ гетману Калиновскому, жалуясь на сей поступокъ, тѣмъ болѣе для него странный, что невозможно было предвидѣть, почему республика опасается женитьбы его сына, выгодной единственно для его фамиліи, и заключалъ письмо тѣмъ, что ежели король и республика полагаютъ бракъ сей вреднымъ для нихъ, то должны отнестись прямо къ нему. Но всѣ представленія были тщетны. Калиновскій, не остановивъ движенія войскъ своихъ, избралъ позицію при урочищѣ Батовѣ, находящемся въ 20-ти верстахъ отъ Брацлавля и столь славномъ въ послѣдствіи. Онъ повелѣлъ своему брату, расположившемуся съ войскомъ въ Нѣжинѣ и по другимъ заднѣпровскимъ городамъ, выступить въ поле и стараться ударить въ тылъ козакамъ. Сіи польскіе полки на походѣ дѣлали ужасныя насилія и грабительства жителямъ. Хмельницкій, раздраженный поступками Калиновскаго, вторично остерегъ его слѣдующимъ образомъ: «чтобъ гетманъ польскій не прогнѣвался, если польскому войску случится какая нибудь непріятность отъ веселаго свадебнаго общества». Предостереженіе сіе поляки сочли покорностью, и съ веселымъ духомъ ожидали приближенія украинцевъ. Къ брату Калиновскаго, стоявшему на Днѣпрѣ и позволившему своему войску обижать козаковъ, послалъ Хмельницкій въ даръ коня, у коего обрѣзалъ и хвостъ и гриву, приказалъ изъ сихъ волосъ сплесть веревку и обвить оною коня.

Между тѣмъ Хмельницкій быстро подаваясь впередъ, скоро явился предъ непріятелемъ. Поляки, увидѣвъ козаковъ, изъявили удовольствіе и готовность сразиться съ ними и бросились впередъ на полъ мили, оставя обозы въ безпорядкѣ, и лагерь съ небольшимъ прикрытіемъ. Татары, составлявшіе передовую стражу Хмельницкаго, искусно отступая, успѣли заманить непріятеля еще далѣе. Хмельницкій воспользовался удачею своей хитрости; немедленно отрядивъ

сильный корпусъ козаковъ на лагерь, повелѣлъ, не занимаясь пустою перепалкою, броситься съ пиками на лагерную стражу и зажечь польскіе обозы. Приказаніе сіе исполнено въ точности. Непріятель, сражавшійся съ татарами, вдругъ изумился, увидя позади себя козаковъ, а вскорѣ и весь лагерь въ пламени. Оставалось одно средство, броситься черезъ рѣку Собъ, впадающую въ Бугъ; но Хмельницкій въ семъ мѣстѣ ожидалъ поляковъ. Онъ зналъ всю важность сего пункта, и еще въ началѣ сраженія занялъ оный, отразивъ оттуда легкую непріятельскую пѣхоту. Здѣсь произошла жестокая сѣча; татары и козаки, состоявшіе изъ одной только конницы, сдѣлали въ виду главнаго своего предводителя нѣсколько блистательныхъ атакъ, смяли непріятеля, врѣзались въ его ряды и никому не давали пощады.

Напольный гетманъ Калиновскій, защищаясь мужественно и уже дважды раненый, убитъ; татаринъ отсѣкъ ему голову и въ пылу сраженія принесъ ее на пикѣ Богдану [1]). Изрублены: староста Красноставскій, вторый предводитель Орживольскій, Пріемскій, Маркъ Собѣсскій, Косаковскій, Рекъ, Молчанскій, Саконскій, Шенейхъ и множество другихъ знаменитыхъ дворянъ [2]); остальные загнаны въ болото и тамъ перебиты изъ карабиновъ. Едва 10 человѣкъ спаслось отъ мщенія разъяренныхъ враговъ. Балабанъ былъ освобожденъ Карасбеемъ, Грудзенскій и Сокольницкій обязаны жизнію великодушію внука Тогай-Бея; Кальницкій, Брасинскій, Ручацкій и Корицкій почти чудеснымъ образомъ спаслись отъ смерти [3]). Юный Самуилъ, сынъ гетмана Калиновскаго, спасаясь бѣгствомъ отъ грозныхъ враговъ, упалъ съ моста въ селеніи Бубновкѣ и утонулъ. Въ Батовскомъ дѣлѣ татары успѣли захватить множество польскихъ дворянъ, кромѣ показанныхъ; но Хмельницкій приказалъ ихъ предать смерти. Здѣсь, по словамъ авторовъ, онъ желалъ отмстить за непомилованіе козаковъ въ несчастномъ сраженіи у Берестечка. За батовскою побѣдою послѣдовало умерщвленіе крестьянами всѣхъ польскихъ пановъ и старостъ, пріѣхавшихъ въ свои помѣстья на Украину. «Батовское пораженіе, пишетъ современный писатель Пасторій, будетъ вѣчнымъ пятномъ для польской республики и должно быть оплакиваемо всѣмъ королевствомъ»... Хмельницкій сопутствуемый татарами, подошелъ даже къ Каменцу, дабы съ сей стороны прикрыть границы

---

[1]) Pastorius, lib. XI, pag. 199 и 291.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

и дать время своему сыну пройти въ Молдавію. Тогда татары разсыпались по Польшѣ и наполнили оную такимъ ужасомъ, что знатные вельможи даже въ Данцигѣ готовились искать своего спасенія. Слава Батовскаго сраженія разнеслась повсюду; она сдѣлала господаря молдавскаго гораздо снисходительнѣе. Молодой Хмельницкій съ 12-ти тысячнымъ корпусомъ козаковъ вступилъ въ Молдавію, достигъ Яссъ и былъ отлично принятъ. Господарь отдалъ за него въ супружество дочь свою княжну Ирину, и бракъ празднованъ великолѣпнѣйшимъ образомъ въ присутствіи бояръ и среди шумныхъ восклицаній народа.

Послѣ сего происшествія Хмельницкій написалъ королю польскому жалобу на гетмана Калиновскаго, притворясь, будто ему вовсе неизвѣстны происки, побудившіе короля начать военныя дѣйствія, и всѣ сіи произшествія относилъ на щетъ Калиновскаго, который съ полками хотѣлъ воспрепятствовать поѣздкѣ его сына въ Молдавію. «Богъ, (писалъ Хмельницкій къ королю), не возбраняетъ своимъ тварямъ ни воды, ни пищи; но Калиновскій хотѣлъ присвоить себѣ источники лучшія, а моему сыну оставить негодныя. Сей поступокъ раздражилъ моего сына и его дружину». Письмо оканчивалось нѣкоторыми извиненіями въ происшедшемъ и покорною просьбою о прощеніи. Нѣсколько времени письмо оставалось безъ отвѣта, но гетманъ настаивалъ и получилъ отзывъ, что ему дано будетъ испрашиваемое прощеніе не иначе, какъ на условіяхъ отказаться отъ союза съ татарами и отдать своего сына Польшѣ аманатомъ.

При семъ требованіи Хмельницкій въ гнѣвѣ не владѣя собою, забылъ обыкновенную свою политику: положивъ руку на саблю, онъ сказалъ депутатамъ: «вотъ мнѣ защита отъ того, кто осмѣлится нарушить мое спокойствіе! Знаю и вижу теперь, что всѣ ваши замыслы клонятся къ моей пагубѣ. Да будетъ вамъ извѣстно, что дружбу татаръ я всегда предпочитаю вашей, и никогда сынъ мой не будетъ заложникомъ въ Польшѣ; онъ только что женился и вы своими происками ищете его гибели. Посовѣтуйте королю вѣрно соблюдать Зборовскій договоръ, утвержденный его клятвою и запечатлѣнный нашею кровію»! Симъ отвѣтомъ послы отпущены были изъ Чигрина.

Въ такихъ смутныхъ обстоятельствахъ скончался сенаторъ-воевода Адамъ Кисель, родомъ изъ Брусилова, благороднѣйшій посредникъ въ дѣлахъ козаковъ съ польскимъ королевствомъ и республикой. Онъ происходитъ отъ древняго рода Святольда. Лѣтописи говорятъ, что *онъ былъ мужъ благочестивъ, вѣры русской великій побор-*

никъ, въ словахъ сладокъ, Украинѣ пріятель. Хмельницкій горестно оплакивалъ сію потерю. Чувствительный и благородный гетманъ, желая, чтобы и соотчичи раздѣлили съ нимъ сію истинную печаль, далъ знать повсемѣстно народу о смерти воеводы. Всѣ жители украинскихъ полковъ не менѣе гетмана проливали слезы, извѣстившись о кончинѣ Киселя и возглашали: *да будетъ ему вѣчная память!* похвала лестная отъ народа враждебнаго Польшѣ. Не долго еще дѣйствовали на сеймѣ примѣры добродѣтели покойнаго сенатора. Поляки примѣтно отставали отъ своей древней умѣренности, постоянства и строгости нравовъ. Одержанная при Берестечкѣ побѣда, вселила въ магнатахъ желаніе сдѣлать козаковъ своими рабами. Неизвѣстно, тщеславіе или любовь къ отечеству побуждали Киселя стараться во всякомъ случаѣ возстановлять доброе согласіе между козаками и республикою; но только поступки его были справедливы, а дѣйствія сейма всегда насильственны. Сей сенаторъ въ послѣднія минуты своей жизни увѣрялъ согражданъ, что намѣренія его были всегда непорочны и что никто еще въ польской республикѣ не былъ столько ей преданъ [1]). Непосредственно за сею драгоцѣнною утратою, новый ударъ поразилъ сердце правителя козаковъ. Онъ получилъ роковое извѣстіе о смерти своего старшаго сына, составлявшаго всю его надежду, и убитаго вскорѣ послѣ бракосочетанія, въ Яссахъ, въ замкѣ Сочавѣ, лежащемъ при подошвѣ горъ, отдѣляющихъ Венгрію отъ Молдавіи. Несчастный отецъ, столь уважаемый за предѣлами отечества, былъ нѣсколько дней неспособенъ ни къ составленію плана военныхъ дѣйствій, ни къ начальству надъ гражданами. Украйна безмолвствовала при видѣ отчаянной его горести. Основываясь на лѣтописяхъ, скажемъ вкратцѣ о смерти Тимоѳея. Послѣ совершенія брака его съ княжною молдавскою, сіе цвѣтущее государство начало наслаждаться столь нужнымъ для него спокойствіемъ, подъ сѣнію дружбы козаковъ и мужественнаго ихъ начальника. Сей блистательный союзъ предвѣщалъ миръ и тишину; но предположенія человѣческія рѣдко исполняются. Когда новобрачные отправились въ Чигринъ къ своему родителю, новый непріятель явился предъ вратами Яссъ. То былъ неспокойный князь Рагоцій, который искалъ повсюду приключеній и страшился за свою Трансильванію. Онъ видѣлъ, что не можетъ расторгнуть столь опаснаго для его видовъ союза украин-

---

[1]) Почтенный сенаторъ имѣлъ пребываніе въ Кіевѣ, въ собственномъ домѣ на горѣ, названной отъ него Кисилевкою.

скаго гетмана съ господаремъ молдавскимъ, а потому рѣшился перемѣнить образъ правленія въ Молдавіи и дать ей новаго правителя. Рагоцій соединилъ свои полки съ недовольнымъ молдаваниномъ Радуломъ, имѣвшимъ сильную партію въ княжествѣ, и изгналъ господаря Василія изъ его столицы. При первомъ извѣстіи, Тимоѳей Хмельницкій съ отрядомъ, состоявшимъ изъ семи тысячъ козаковъ, и съ полковникомъ Николаемъ Федоровичемъ быстро явился подъ стѣнами Яссъ, изрубилъ венгерскія и мятежныя молдавскія войска и посадилъ своего тестя Василія на княженіе. Но сей успѣхъ былъ непродолжителенъ; отважный Рагоцій вскорѣ снова напалъ на него и послѣ упорнаго боя, принудилъ уступить ему поле сраженія и предать жребій Молдавіи. Тимоѳей сначала удалился въ горы, а оттуда въ крѣпкій замокъ Сочаву, рѣшившись ожидать въ немъ перемѣны обстоятельствъ, и далъ знать своему родителю объ опасности своего положенія. Между тѣмъ Рагоцій, присоединивъ къ себѣ нѣкоторые отряды поляковъ и людей, преданныхъ Радулу, облегъ со всѣхъ сторонъ Сочавскій замокъ. Всѣ его нападенія были отражаемы мужественно, пока смерть не прекратила дни юнаго героя. Въ одномъ жаркомъ сраженіи ядро оторвало ногу Тимоѳею, и сей несчастный случай способствовалъ успѣху князя Трансильванскаго. Тогда все пришло въ безпорядокъ; храбрость козаковъ ослабѣла отъ горести. Одни думали тотчасъ сдать городъ венгерцамъ, другіе намѣривались защищать оный до послѣдней капли крови. Въ семъ отчаянномъ положеніи теща Тимоѳея Хмельницкаго явила твердость превыше своего пола. Она увѣщевала осажденныхъ защищаться до послѣдней крайности, отражая силу силою. Козаки поклялись повелительницѣ—иноземкѣ, умереть людьми свободными, и снова начались страшныя битвы. Но, болѣе и болѣе отовсюду стѣсняемые и отрѣзываемые, неожидая помощи отъ гетмана, они вступили въ переговоры и получили честную капитуляцію, сохранивъ оружіе свое и знамена. Козаки увезли съ собою и тѣло убитаго полководца. Твердость защищавшихся привела въ недоумѣніе князя Рагоція: онъ съ ужасомъ взиралъ на грозные ряды отступавшихъ козаковъ, кои, изъ недовѣрчивости къ непріятелю, составили твердое прикрытіе вкругъ тѣла своего военачальника.

Совершивъ половину пути отъ Сочавскаго замка къ Днѣстру, козаки были атакованы превосходнымъ числомъ поляковъ, подъ начальствомъ пана Могильницкаго. Они составили надежное прикрытіе для защиты своихъ раненыхъ и гроба военачальника, и съ отчаянною рѣшимостію ударили на непріятеля, произвели ужасное кро-

вопролитіе въ рядахъ поляковъ; заставили ихъ бѣжать въ горы и взяли въ плѣнъ самого начальника, котораго привели въ Чигринъ къ своему гетману.—Путешественникъ не можетъ теперь указать съ точностью мѣста, гдѣ убитъ Тимоѳей Хмельницкій. Тамошніе жители даже не знаютъ о семъ происшествіи. Я посѣтилъ Сочаву, спустя полтора вѣка послѣ смерти сего юнаго воина, подававшаго о себѣ великую надежду. Но все перемѣнилось: думаю, что перемѣнились и мѣста, гдѣ сыны Украины оспаривали владѣніе надъ богатою Молдавіею, а послѣ сражались за свою свободу.

При такихъ обстоятельствахъ, Польское правительство, воспользовавшись волненіемъ нѣкоторыхъ городовъ Украины, недовольныхъ строгостію своего гетмана, выслало Чарнецкаго ослабить козаковъ. Генералъ республики не успѣлъ или не хотѣлъ, содержать воинства своего въ предѣлахъ послушанія и порядка. Воины его грабили, жгли, умерщвляли все, на пути встрѣчавшееся. Славный полковникъ Богунъ (тотъ самый, который былъ избранъ полководцемъ въ критическія минуты, по удаленіи гетмана въ кровавой битвѣ при Берестечкѣ), отправленъ Хмельницкимъ встрѣтить и удержать Поляковъ. Богунъ искусными движеніями вовлекъ непріятеля въ невыгодное для него мѣсто, нечаянно напалъ на него близъ Монастырищъ, на границахъ нынѣшней Кіевской губерніи, разбилъ его и овладѣлъ всѣмъ станомъ. Въ семъ упорномъ сраженіи Чарнецкій получилъ двѣ раны пулями, и Богунъ достойно воздалъ непріятелю за зло, причиненное украинцамъ.

Уже мирный договоръ былъ нарушенъ и съ обѣихъ сторонъ надлежало приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Іоаннъ Казимиръ вознамѣрился внести войну въ сердце Украины. Онъ принялъ предводительство надъ пятнадцатитысячною регулярною арміею и пошелъ къ Жванцу, мѣстечку, лежащему на лѣвомъ берегу Днѣстра, разстояніемъ на пушечный выстрѣлъ отъ Хотинской крѣпости. Въ семъ мѣстѣ находится переправа въ Молдавію. Полагали, что Хмельницкій пойдетъ въ ту страну мстить за смерть своего сына, убитаго въ Сочавѣ. Гетманъ, проникнувъ намѣреніе короля, нарочно распустилъ слухъ, будто не знаетъ о происшествіяхъ въ Сочавѣ, и идетъ избавить сіе мѣсто отъ осады князя Рагоція и Радула. Ему хотѣлось уловить короля въ мѣстахъ, разоренныхъ войною, которыя по своему положенію и по духу тамошнихъ жителей дѣлали успѣхъ козаковъ несомнѣннымъ. Такимъ образомъ Іоаннъ Казимиръ самъ содѣйствовалъ исполненію предначертаній своего противника.

Едва Поляки заняли позицію при Жванцѣ, какъ Хмельницкій и татары явились въ виду передъ ними. Іоаннъ Казимиръ ждалъ отчаяннаго нападенія; онъ укрѣпилъ свой лагерь, поставилъ на оба крыла обозы, и лучшую пѣхоту помѣстилъ между рядами оныхъ. Но Хмельницкому нужно было выиграть время. Онъ руководствовался всегдашнимъ своимъ правиломъ, не презирать непріятеля, сколь бы онъ не былъ малочисленъ; усилилъ передовую свою стражу; часто дѣлалъ наступательныя движенія; грозилъ,—но не нападалъ. Послѣдствія оправдали его дѣйствія. За глубокою осенью наступила ранняя зима; выпалъ первый снѣгъ, и Хмельницкій съ ханомъ крѣпко облегли войско польское, прежде сего благоустроенное, а нынѣ утомленное ненастнымъ временемъ и мучительными работами. Въ польскомъ лагерѣ оказался голодъ. Хмельницкій, всегда осторожный, не хотѣлъ еще атаковать враговъ своихъ. Въ короткое время одинадцать тысячъ человѣкъ изъ арміи короля сдѣлались добычею холодной смерти. Конница его также потеряла много въ безпрестанныхъ вылазкахъ, для отраженія козаковъ, нападавшихъ на обозы.

Іоаннъ Казимиръ находился въ крайней опасности. Онъ не страшился Богдана, великодушнаго своего непріятеля, (такъ онъ называлъ его); ханъ крымскихъ татаръ отравлялъ дни сего государя печалію. Король потребовалъ свиданія съ Хмельницкимъ и предложилъ перемиріе. Военныя дѣйствія прекратились. Хмельницкій почтительно представился королю и просилъ его величество о подтвержденіи Зборовскаго трактата!...

Король далъ клятву сохранить Зборовскій миръ, и два врага сдѣлались въ сію минуту искренними друзьями. Іоаннъ Казимиръ заплатилъ свой выкупъ хану и далъ въ заложники сенаторовъ: Ланскорунскаго и Осолинскаго, подкоморія сендомирскаго.

Такъ кончилось знаменитое дѣло при Жванцѣ. Іоаннъ Казимиръ покорился необходимости, и Зиновій Богданъ, *болѣе снисходя,* нежели примиряясь, уважая въ королѣ врага, доведеннаго *до крайности,* но почтеннаго и мужественнаго, безъ потери своихъ людей возвратилъ Украинѣ независимость и надежду на лучшую будущность.

Въ сіи двѣ кампаніи Хмельницкаго, военная наука сдѣлала новые успѣхи: удостовѣрились, что не надобно упускать случая, пользоваться хотя малымъ превосходствомъ, но должно неутомимо преслѣдовать непріятеля и не давать ему опомниться, раздѣлять силы и опять соединять оныя. Такъ дѣйствовалъ козачій военачальникъ при Батовѣ, при Монастырищѣ и у Жванца.

Искусный въ хитростяхъ малой войны, онъ хотѣлъ въ послѣднемъ сраженіи сдѣлать побѣду рѣшительною, и потому слѣдовалъ медленнымъ, правильнымъ разсчетамъ, зная, что всѣ ложныя военныя предположенія и планы падаютъ всегда на несчастное человѣчество. Геній Хмельницкаго и ошибка его непріятелей сдѣлали перевѣсъ въ неровной борьбѣ двухъ народовъ. Человѣкъ не съ такимъ геніемъ, какъ Хмельницкій, могъ бы запутаться въ подробностяхъ малой войны при составленіи плана кампаніи, раздѣлявшагося на множество отраслей, сообразно съ духомъ козаковъ и союзныхъ имъ татаръ; другой бы изнемогъ отъ столь многихъ препятствій и покорился превышающимъ силамъ. Хмельницкому представлено было восторжествовать надъ всѣми сими преградами. Въ послѣднемъ походѣ онъ явилъ себя великимъ полководцемъ и великимъ политикомъ— качества столь рѣдкія въ одномъ человѣкѣ.

Строгость и подчиненность въ его полкахъ, воинское воспитаніе юношества, родъ наказаній и награжденій, внушающее мужество, осуждали слабость духа и составили изъ козаковъ непобѣдимое войско. При Богданѣ Хмельницкомъ военное дѣло у козаковъ не почиталось уже промысломъ набѣговъ, но искусствомъ людей образованныхъ, и польское правительство, взирая на военныя и политическія учрежденія козаковъ, устрашилось оныхъ, и напрягло всѣ свои силы, чтобы составить новые союзы, новыя арміи, дабы подавить и уничтожить новорождающееся на границахъ Польши государство, которое въ самомъ младенчествѣ уже осмѣлилось бороться со всѣми силами республики, и надъ оными не одинъ разъ торжествовало.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Прошло около двухъ лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ перваго выпуска „Соврем. малор. этнографіи“. Одинъ изъ дѣятелей этнографіи, сочиненія которыхъ были нами разобраны, И. И. Манжура скончался. П. В. Ивановъ и Я. П. Новицкій дали новые цѣнные сборники—первый продолженіе разработаннаго нами сборника малорусскихъ легендъ (нап. въ Этногр. Обозр. 1892 и 1894 д.), второй—сборникъ малорусскихъ, преимущественно историческихъ пѣсенъ (изданъ въ VI т. Сборника харьк. истор.-фил. общ. 1894 г.). Послѣ Манжуры осталось еще три сборника: небольшой сборникъ сказокъ и прислові̆й (нап. въ VI т. Сборн. харьк. ист.-фил. общ. 1894 г.), обширный сборникъ пѣсенъ, большею частью впрочемъ извѣстныхъ (принадлежитъ харьк. ист.-фил. обществу, предположенъ къ изданію по частямъ) и сборникъ народныхъ циничныхъ разсказовъ, неудобный для печати, мѣстонахожденіе котораго неизвѣстно.

Настоящій выпускъ составляетъ продолженіе перваго. Въ него войдутъ этнографическія статьи и сборники, русскіе и польскіе. Послѣдніе не такъ многочисленны и не такъ важны, чтобы выдѣлять ихъ въ особый выпускъ, какъ первоначально я предполагалъ. Польскіе сборники даютъ лишь сырой матеріалъ: мы посвятимъ имъ двѣ или три главы въ видѣ библіографическаго обзора.

П. И. Житецкій.

Въ III т. „Исторіи русской этнографіи“ *А. Н. Пыпина* (стр. 375—376) находится біографія Пав. Игн. Житецкаго и краткій обзоръ его историко-литературныхъ и филологическихъ трудовъ. Въ исторіи изученія малорусскаго языка сочиненія г. Ж. имѣютъ важное значеніе; но собственно къ этнографіи они не относятся. Исключеніе можно сдѣлать лишь для послѣдняго труда г. Ж. о думахъ. Этотъ трудъ прежде всего историко-литературный; но и для этнографіи онъ не лишенъ значенія.

„Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ“ печатались по частямъ въ „Кіев. Старинѣ“ 1892 г., причемъ трудно было услѣдить за ходомъ мысли автора, и отдѣльныя части казались безсвязными. Въ 1893 г. „Мысли“ вышли отдѣльной книгой (въ 249 стр.) съ посвященіемъ памяти А. А. Котляревскаго, и въ такомъ видѣ сочиненіе производитъ хорошее впечатлѣніе. Сочиненіе это, несомнѣнно, стоило автору многихъ лѣтъ труда и тщательныхъ размышленій, и потому, естественно, мы должны отнестись къ нему съ надлежащей внимательностью. Настоящая наша статья предупреждена цѣлымъ рядомъ краткихъ журнальныхъ критическихъ замѣтокъ, изъ которыхъ наиболѣе характерными представляются слѣдующія:

Проф. *Соболевскій* во II кн. „Живой Старины“ 1893 г. напечаталъ очень краткую (въ 4 странички) и въ тоже время очень высокомѣрную по тону замѣтку, въ которой утверждаетъ, что „единственное достоинство этихъ мыслей (основное положеніе г. Ж, о связи думъ съ школьной наукой)—ихъ новизна“. Критикъ, очевидно, „новизну“ считаетъ какимъ-то недостаткомъ, точно для всякаго ученаго обязательны проторенные и избитые пути. Далѣе критикъ развязно принимаетъ думы подъ свое покровительство: „Мы надѣемся защитить отъ него думы, говоритъ г. Соболевскій, и освободить отъ возведеннаго на нихъ обвиненія въ тѣсной связи ихъ съ виршами“ (Жив. Стар. стр. 250). Г. Соболевскій напрасно беретъ на себя роль защитника въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нѣтъ подсудимаго. Въ дѣйствительности, г. Житецкій даетъ думамъ важную историческую постановку

и признаетъ за ними высокое значеніе памятниковъ совмѣстнаго творчества старинной малорусской интеллигенціи и народа. Забота г. Соболевскаго объ отдѣленіи въ пѣсняхъ народности отъ литературныхъ вліяній, будто-бы принижающихъ народное творчество, отзывается чѣмъ-то ужъ слишкомъ устарѣлымъ.

Послѣ „критики" г. Соболевскаго пріятно остановиться на краткой, но достаточно содержательной рецензіи г. *Ягича* въ Archiv für. slav. Fhilol. XV Heft 4 стр. 613—614). Рецензентъ находитъ, что „Мысли" прекрасно написаны (das hübsch beschribene Buch) что авторъ—„основательный знатокъ малорусской исторіи и народной словесности" (gründlicher Kenner des kleinrussischen Volksthum, namentlich der Volksdichtung in ihrem Suzammenhange mit der Geschichte und den culturelleg Einflüssen), добавляетъ, что книга написана съ одушевленіемъ (sehr anziehend mit einem gewissen poetischen Schwung geschribenen Werke) и въ частности одобряетъ мысль г. Ж. о связи думъ со школьной наукой (ein hübscher Gedanke).

Съ Ягичемъ сходится *А. Н. Пыпинъ* въ небольшой, но мѣткой и содержательной рецензіи въ VI кн. „Вѣстника Европы" 1893 г. И г. Пыпинъ признаетъ научныя заслуги г. Ж., называетъ его изслѣдованія „замѣчательными" и въ частности о „Мысляхъ" говоритъ, что это изслѣдованіе даетъ много любопытнѣйшихъ указаній, важныхъ именно тѣмъ, что кромѣ особенностей формы, они опираются на фактахъ старой малорусской книжной рѣчи и литературы".

Нѣсколько спеціальныхъ замѣтокъ о малорусскихъ думахъ, по поводу сочиненія г. Житецкаго, будетъ сдѣлано нами въ другомъ мѣстѣ. Въ настоящей статьѣ ограничиваемся краткими замѣтками, насколько это необходимо для полноты общаго обзора современной малорусской этнографіи.

Первая глава названа: «строй рѣчи и поэтическій стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ" (стр. 1—38). Изученіе формальной стороны малорусской народной поэзіи, въ частности думъ, почти непочатое поле; одинъ Потебня (а за нимъ отчасти и г. Нейманъ) работалъ въ этой трудной области; все, что сдѣлано Потебней въ этомъ направленіи, весьма цѣнно въ науч-

номъ отношеніи; въ особенности цѣнны его обширныя замѣчанія о размѣрѣ малорусскихъ пѣсенъ, преимущественно колядокъ, и о запѣвахъ. Г. Житецкій выдѣлилъ для спеціальнаго изслѣдованія думы. Онъ говоритъ о неравномѣрности и подвижности стиховъ въ думахъ, обиліи глагольныхъ риѳмъ, слитныхъ предложеній и синонимическихъ глаголовъ. Выборъ темы очень удачный; къ сожалѣнію, г. Житецкій обходитъ молчаніемъ такія важныя формальныя стороны, какъ повторенія, сравненія, общія мѣста, излюбленные тропы и фигуры. При опредѣленіи формальныхъ особенностей думъ не обращено вниманія на сродныя и сходныя явленія въ славянскомъ эпосѣ [1]). Наконецъ, авторъ не выдерживаетъ формальной стороны изслѣдованія и въ концѣ главы переходитъ отъ поэтическаго стиля къ фактическому содержанію думъ. Кое-какія мелочи представляются несовсѣмъ ясными или недостаточно обоснованными въ научномъ отношеніи; такъ, примѣръ „проклятій“ въ думѣ на стр. 21 мнѣ представляется неудачнымъ. Здѣсь простое порицаніе вѣры бусурманской; проклятіе имѣетъ своеобразный характеръ; встрѣчается оно изрѣдка и въ думахъ, напр., въ думѣ про вдову и трехъ ея сыновей и въ думѣ про Коновченка. Что касается до архаизмовъ въ лексическомъ составѣ думъ, то авторъ говоритъ о нихъ лишь мимоходомъ, и эта сторона думъ требуетъ спеціальной филологической разработки. Желательно видѣть болѣе цѣльный и болѣе подробный подборъ эпитетовъ; если бы малорусскіе эпитеты въ думахъ были сопоставлены и сличены съ сербскими и болгарскими, въ такомъ случаѣ они получили-бы весьма цѣнное научное освѣщеніе, и отчетливо опредѣлилось-бы, насколько они національны и насколько общенародны. Въ концѣ главы авторъ высказываетъ нѣсколько остроумныхъ замѣчаній о присутствіи въ думахъ книжныхъ церковно-славянскихъ элементовъ рѣчи, причемъ указываетъ на признаки школьныхъ вліяній въ языкѣ и стилѣ думъ. Какъ бы переходомъ къ послѣдующимъ главамъ служитъ слѣдующее основательное замѣ-

---

[1]) Автору, повидимому, неизвѣстны цѣнные труды по этой части Миклошича и Зимы.

чаніе г. Житецкаго, подтверждаемое не только думами, но еще въ большей степени колядками. „Въ старинной Малороссіи было живое общеніе между школой и народомъ. Много перекрестныхъ путей шло отъ народа къ школѣ и обратно; много людей двигалось по этимъ путямъ, внося въ школу народное міровоззрѣніе и вынося изъ нея научные пріемы мысли и рѣчи“. Авторъ допускаетъ вліяніе школьной прозы на языкъ думъ и, обратно, вліяніе поэтическаго стиля думъ на школьную рѣчь.

Гораздо интереснѣе слѣдующія двѣ главы—о странствующихъ школьникахъ въ старинной Малороссіи и о старинныхъ малорусскихъ виршахъ. Эти двѣ главы тѣсно связаны между собой и составляютъ какъ бы цѣлое самостоятельное изслѣдованіе, любопытное по основной идеѣ о взаимодѣйствіи школьныхъ виршъ и народныхъ пѣсенъ. Здѣсь много драгоцѣнныхъ фактическихъ данныхъ, извлеченныхъ отчасти изъ богатыхъ матеріаловъ въ „Кіев. Старинѣ“, отчасти изъ рукописныхъ матеріаловъ, хранящихся въ Императорской публ. библ., архивѣ Е. Н. Скаржинской, въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музеѣ и въ кіево-михайловскомъ монастырѣ.

Во II гл. г. Ж. говоритъ о главныхъ составителяхъ виршей—странствующихъ школьникахъ и мандрованныхъ дьякахъ-пиворѣзахъ, объ отношеніи ихъ къ народу и, обратно, народа къ пиворѣзамъ. Въ III обширной главѣ авторъ говоритъ о нравоучительныхъ, нравоописательныхъ и историческихъ виршахъ. Изъ виршей нравоучительнаго содержанія отмѣчены вирши о смерти, страшномъ судѣ, правдѣ и кривдѣ; въ видѣ отдѣльнаго экскурса говорится о значеніи матери въ малорусской народной словесности и приведена дума о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ; связь этой думы съ виршами представляется сомнительной. Въ отдѣлѣ виршъ нравоописательныхъ разсмотрѣны рождественскія, воскресенскія и интермедіи, съ историко-бытовыми замѣтками о роляхъ крестьянина, козака и запорожца въ вертепной драмѣ. Въ отдѣлѣ историческихъ виршей отмѣчены „острожскій ламентъ“, Duma kozackaia“ и нѣкот. др.

Г. Житецкій разсматриваетъ вирши, какъ памятники самостоятельные и оригинальные, и часто даетъ къ нимъ историко-

бытовое коментаріи. Многое въ книгѣ г. Ж. получитъ совсѣмъ другое освѣщеніе, если принять во вниманіе, что и для малорусскихъ виршъ были свои западные образцы и оригиналы— мистеріи, легенды, пѣсни вагантовъ.

Нельзя не пожалѣть, что авторъ не сгруппировалъ всѣхъ данныхъ относительно главныхъ мотивовъ нравоучительныхъ виршъ. Подборъ извѣстныхъ варіантовъ хотя бы одного мотива, напримѣръ, о томъ, чѣмъ душа согрѣшила, далъ бы точку опоры будущимъ изслѣдователямъ опредѣлить основной характеръ и частныя детали по сравненію пѣсенъ этого разряда у разныхъ народовъ.

Мнѣ представляется нѣсколько опаснымъ дѣлать бытовыя пріуроченія пѣсни „Нема въ свити правды", въ томъ смыслѣ, что „къ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ пѣвецъ на основаніи наблюденій надъ жизнью отцовъ и дѣтей (стр. 68). Можетъ быть такъ, и можетъ быть иначе; никакіе прочные выводы не могутъ быть сдѣланы до подбора матеріала, опредѣленія литературныхъ источниковъ пѣсни, вообще до обстоятельнаго, по возможности сравнительнаго литературнаго ея изученія. Къ тому же матеріалъ въ значительномъ количествѣ уже подобранъ въ концѣ „Политичныхъ писенъ украин. народа", и изслѣдованіе поставлено на твердую почву въ трудахъ акад. *Веселовскаго* и г. *Мочульскаго* (въ диссертаціи о Голубиной книгѣ).

Сочиненіе г. Ж. должно поднять вирши въ глазахъ людей науки, не только въ научномъ отношеніи—г. Ж. даетъ для этого новую точку зрѣнія, по сближенію виршей съ народными пѣснями,—но и въ отношеніи художественномъ; г. Ж. приводитъ изъ неизданныхъ виршей весьма поэтическіе отрывки. Авторъ мѣстами называетъ вирши и псальмы „трогательными" и даже „глубоко-трогательными", по поводу одной замѣчаетъ, что ее нельзя ни слушать, ни даже читать равнодушно. Дѣйствительно, между псальмами есть художественныя, и нѣтъ ничего удивительнаго, что лучшіе люди старой Малороссіи дорожили ими. Поэты-мыслители иногда сходятся и подаютъ другъ другу руки, не смотря на вѣковые промежутки времени, на большое различіе въ національномъ положеніи. Никто не станетъ утвер-

ждать, что *Пушкинъ* изучалъ малорусскія вирши XVII в., что онъ черпалъ что-либо изъ этого схоластическаго, забытаго, давно изсякшаго литературнаго источника. Ни заимствованія, ни вліянія не было; а совпаденіе вышло, и, что въ особенности любопытно, совпаденіе вышло между лучшими виршами и лучшими Пушкинскими стихотвореніями, что, вѣроятно, обусловлено извѣстной высотой художественнаго творчества. Въ малорусской виршѣ поэтъ жалуется, что онъ, проживая на чужбинѣ, „якъ орелъ понадъ моремъ повитремъ носытся"; т. е. ему негдѣ опуститься, негдѣ отдохнуть, и гибель грозитъ при малѣйшемъ упадкѣ силъ—прекрасный образъ горемыки на чужбинѣ, безъ поддержки рода-племени. У Пушкина „вскормленный на волѣ орелъ молодой" зоветъ изъ темницы узника туда, „гдѣ синѣютъ широкіе края". Далѣе Пушкинъ вспоминалъ объ орлѣ, когда говорилъ о толпѣ холодной, которая была своего рода чужбиной, о той толпѣ, надъ которой онъ, какъ орелъ носился. Возьмемъ далѣе слѣдующій отрывокъ:

Годи вамъ шумиты, зелены луги!
Годи млиты сердцю моему съ несносной туги!
Якъ цвиты прекрасніи скоро одцвитають,
То такъ насъ молодыи лита скоро покидають...
Віють витры въ степу—запрету не мають:
Идутъ мысли въ день и нощи—спокою не дають.

Послѣдній образъ геніальный; для созданія его требовалось большое художественное дарованіе. Сравнимъ этотъ образъ съ слѣдующимъ превосходнымъ стихомъ Пушкина:

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуетъ степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ подвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ. . . .
. . . .
Затѣмъ, что вѣтру (и орлу,
И сердцу дѣвы) *нѣтъ закона.*

Кромѣ художественныхъ чертъ, въ виршахъ разбросано много мѣткихъ бытовыхъ и историческихъ подробностей (см. стр. 81, 89, 97, 131—136).

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что старинная вирша о пекельномъ Маркѣ (стр. 98) представляетъ простую передѣлку

весьма распространенной сказки о томъ, какъ солдатъ (мужикъ) разогналъ чертей въ аду. Объ этомъ мотивѣ см. „*Кіев. Стар.*“ 1886, VI. 445, Zbiór Wiadomosci VIII, 301, *Добровольскаго*, Смолен. сборн. I, 285, *Аѳанасьевъ* IV, 494, *Караджича* (Приповѣдки) 301, братенская сказка въ Κρυπτάδια II 77.

Г. Ж., отмѣчая вліяніе виршъ на думы, между прочимъ останавливается на вертепѣ, но лишь на второй, бытовой его части. На первой части вертепа авторъ не останавливается, считая ее драматизированнымъ воспроизведеніемъ рождественскихъ виршъ. Есть еще одна сторона, совсѣмъ не отмѣченная г. Житецкимъ, это обратное вліяніе драмъ на вирши, доходящее даже до вырожденія мистеріи въ вирши.

Глава IV—„отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ“—мнѣ представляется неясной. Я не нахожу никакой внутренней связи между пѣснями о матери невольницѣ и думой о Марусѣ Богуславкѣ, между думами о Ѳедорѣ Безродномъ и думами объ Ивасѣ Коновченкѣ. Авторъ говоритъ, что творцы думъ пользовались готовымъ пѣсеннымъ матеріаломъ. Замѣчаніе это приложимо ко всѣмъ крупнымъ произведеніямъ народной словесности, напр., колядкамъ. Въ думахъ личное творчество обнаруживается сильнѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой отрасли словесности, именно въ зависимости отъ сильнаго вліянія интеллигенціи, въ частности школы. Есть пѣсни (именно свадебныя), которыя всецѣло держатся на обрядовой традиціи. Авторъ говоритъ: „то, что въ пѣсняхъ является въ видѣ намека, въ видѣ отдѣльныхъ указаній на тѣ или другія состоянія страдающихъ людей, выступаетъ въ думахъ, какъ цѣльная картина, пропитанная, такъ сказать, влагою невысохшихъ слезъ, или же поднятая на высоту для всенароднаго созерцанія козацкой славы“ (138). Здѣсь пѣснямъ дано слишкомъ рѣзкое противопоставленіе думамъ. Есть пѣсни, по силѣ чувства, по яркости образовъ, ничуть не уступающія думамъ—таковы многія пѣсни балладныя и семейно-родственныя. Мнѣ кажется, что о мотивахъ можно говорить въ томъ только смыслѣ, въ какомъ говорилъ о нихъ *Потебня* во II т. „Объясн. малор. пѣсенъ“, т. е. какъ объ отдѣльныхъ простѣйшихъ эле-

ментахъ, напр., похвальба, неповиновеніе матери, способы погребенія, обращенія къ коню, къ бандурѣ и т. д. Говорить же объ отраженіи пѣсенъ въ думахъ невозможно по той причинѣ, что мы ничего не знаемъ о характерѣ и составѣ малорусскихъ пѣсенъ XVI и XVII вѣковъ; въ сравненіе вводятся пѣсни, записанныя въ текущемъ столѣтіи, неизвѣстнаго происхожденія, не подвергавшіяся научному изученію. Уважаемый авторъ на стр. 143—144 ссылается, напр., на пѣсни о смерти козака и вводитъ ихъ въ разрядъ думъ о порубанныхъ козакахъ. Я позволю себѣ здѣсь сослаться на свою попытку сравнительно литературнаго изученія этихъ пѣсенъ въ 1 кн. *Этногр. Обозр. 1893 г.*, причемъ мнѣ пришлось прійти къ діаметрально противоположнымъ выводамъ, въ смыслѣ историко-бытоваго и національнаго характера этихъ пѣсенъ. На мой взглядъ, эти пѣсни стоятъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ малорусскаго эпоса.

Пятая глава—„творцы и пѣвцы думъ" состоитъ изъ отдѣльныхъ экскурсовъ, трудно поддающихся обобщенію. По крайней мѣрѣ, первый экскурсъ—„идея матери вдовы въ виршахъ, пѣсняхъ и думахъ"—выходитъ изъ рамокъ изслѣдованія. Авторъ творцами думъ считаетъ „шпитальныхъ старцивъ". Трудно согласиться съ этимъ мнѣніемъ: въ думахъ столько силы, жизни, опытности, что создать ихъ не могли шпитальные старики, по свидѣтельству Загоровскаго (†1580), „особы убогіе а здоровья неспособнаго люди", какими они оставались всегда, вплоть до настоящаго времени, по даннымъ историческихъ актовъ. Иниціатива въ созданіи думъ могла принадлежать и „старцямъ", но не шпитальнымъ, а былевымъ каликамъ-перехожимъ, странствующимъ бѣднякамъ воинамъ-пѣвцамъ.

Послѣдняя глава (VI) состоитъ изъ старинной записи думъ, по рукописи начала текущаго вѣка, принадлежавшей А. А. Котляревскому, съ перечисленіемъ варіантовъ. Всѣхъ пѣсенъ въ рукописи 16; изъ нихъ три думы (атаманъ Матіашъ, вдова Ивана Сирка и разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ) ранѣе извѣстны были въ небольшихъ извлеченіяхъ Костомарова въ „Русской Мысли". Подстрочныя указанія варіантовъ несовсѣмъ полны. Такъ, оставлены въ сторонѣ варіанты думъ въ польскихъ этно-

графическихъ сборникахъ, и кое-какіе изъ русскихъ источниковъ, напр. вар. думы объ Алексѣѣ Поповичѣ въ „Кіев. Стар." 1885 г. II 215.

При всемъ томъ „Мысли" г. Ж. составляютъ цѣнный вкладъ въ научную литературу о малорусскихъ думахъ.

В. П. Милорадовичъ.

Имя В. П. Милорадовича не встрѣчается въ „Ист. рус. этн." г. Пыпина, и это вполнѣ естественно, такъ какъ первый этнографическій трудъ г. М.—сборникъ свадебныхъ пѣсенъ— напечатанъ въ Кіев. Стар. 1890 г. подъ иниціалами В. М., и полную подпись автора мы находимъ впервые лишь въ 1893 г., притомъ въ такомъ малодоступномъ органѣ печати, какъ Полтавскія Губ. Вѣдомости. Г. Милорадовичъ принадлежитъ къ числу мѣстныхъ этнографовъ, непосредственно черпающихъ изъ народныхъ устъ; это этнографъ Лубенщины, точнѣе сѣверной части лубенскаго уѣзда. Этнографическія записи г. М. отличаются подробностью, обиліемъ интересныхъ мелочей, а изложеніе ихъ въ печати искусной группировкой. Эти достоинства обусловлены крупнымъ образовательнымъ цензомъ автора и его хорошимъ личнымъ знакомствомъ съ народомъ.

Василій Петровичъ Милорадовичъ родился въ 1845 году, дѣтство провелъ въ х. Пручаяхъ прилукскаго уѣзда, въ верстѣ отъ Сокиренецъ, подъ впечатлѣніемъ думъ Остапа Вересая, „Записокъ о южной Руси" Кулиша и затѣмъ „Основы". Въ 1869 г. онъ окончилъ курсъ наукъ въ харьковскомъ университетѣ кандидатомъ юридическихъ наукъ, былъ нѣкоторое время помощникомъ присяжнаго повѣреннаго при полтавскомъ окружномъ судѣ, съ 1875 г. мировымъ судьей въ лубенскомъ уѣздѣ и оставался въ этой должности до 1890 г.—до закрытія мировыхъ учрежденій съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ. Что г. М. не только хорошо ознакомился съ крестьянами, но пользовался съ ихъ стороны уваженіемъ и любовью, видно изъ благодарственнаго адреса, поднесеннаго ему при выходѣ въ отставку жителями м. Лукомья. Одно время г. М. испол-

нялъ должность предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, до избранія въ послѣднюю должность М. Т. Симонова (Номиса).

„*Свадебныя пѣсни въ лубенскомъ у. полтавской губ.*" напечатаны въ приложеніи къ 7, 8 и 9 кн. „Кіев. Стар." 1890 г. Всѣхъ пѣсенъ 259 №№, цифра крупная, сравнительно съ другими сборниками. Записаны пѣсни въ сѣверной части лубенскаго у., преимущественно въ м. Снѣтинѣ и въ окрестныхъ селахъ—мѣстности, неизслѣдованной въ этнографическомъ отношеніи. Пѣсни распредѣлены въ порядкѣ свадебнаго ритуала: сватовство, гильце и т. д. Языкъ совершенно чистый, правильный. Есть довольно большія пѣсни (напр. №№ 39, 67, 237). Вообще, по величинѣ и художественности свадебныя пѣсни, собранныя г. М., заслуживаютъ вниманія. Весьма нѣжными и своеобразными представляются пѣсни подъ №№ 64, 66, 82, 84, 104, 105, 112, 163, 242.

Статья „*Рождественскія святки въ сѣверной части лубенскаго уѣзда*" напечатана въ 42, 43, и 44 №№ Полтав. Губерн. Вѣдом. 1893 г. и потомъ вышла въ отдѣльныхъ оттискахъ. Описанію рождественскихъ праздниковъ въ южной части лубенскаго уѣзда по рѣкѣ Оржицѣ посвящено нѣсколько писемъ *Номиса* въ „Основѣ" 1861 г. Статья г. М. относится къ сѣверной Лубенщинѣ и трактуетъ о святкахъ гораздо подробнѣе, чѣмъ о томъ трактовалось въ живыхъ, но слишкомъ малочисленныхъ письмахъ Номиса. Статья г. М. раздѣлена на слѣдующія небольшія главы: Святвечиръ, Риздво, Колядки, Меланки, Щедривки, Гаданія, Новый годъ, Голодный святвеверъ и Ордань. Въ главѣ о святвечерѣ отмѣчено семейное значеніе празднества и въ частности поминальный его характеръ. Кутью оставляютъ и для умершихъ. По любопытному народному вѣрованію, „на стѣнѣ бываютъ видны смутныя отраженія маленькихъ, какъ куклы, тѣней, спускающихся къ столу". Въ силу такого повѣрья набожные люди проводятъ ночь подъ Рождество въ чтеніи молитвъ. Въ главѣ о Риздвѣ говорится о праздничныхъ кушаньяхъ и внѣшнихъ пріемахъ колядованія, въ частности 2—3 слова объ искаженіяхъ колядокъ, искаженіяхъ, любопытныхъ для изучающаго народную этимологію (вм. Назаретъ—лазаретъ);

но замѣчаніе автора, что Вифлеемъ передѣлывается въ „прекрасный клеетъ", вѣроятно, ошибочно, въ виду того, что такому искаженію гораздо скорѣе могло подвергнуться слово Назаретъ. Въ слѣдующей затѣмъ главѣ приведено 14 колядокъ на извѣстные мотивы о переписи городовъ, взятіи въ дань красной дѣвицы, о райскихъ пташкахъ, о строеніи церкви волохами (подробно разобраны во II т. „Объясненій" *Потебни*). Авторъ указываетъ на сходныя колядки въ сб. Чубинскаго и Антоновича и Драгоманова. Вообще, всѣ колядки г. М. очень древняго склада и принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ этого рода народной словесности. Одна колядка представляетъ сокращеніе и передѣлку думы про Ивася Коновченка. Есть и новые мотивы, напр., любопытный мотивъ о дѣвицѣ и косаряхъ. Въ главѣ о Меланкѣ находится интересное сообщеніе о мѣстныхъ переряживаніяхъ и разыгрываніи фарса объ ухаживаніи стараго волокиты за дѣвицей. Въ слѣдующей затѣмъ главѣ приведено 11 щедровокъ, съ своеобразной передѣлкой евангельскихъ повѣствованій; съ любопытными народно-психологическими и бытовыми подробностями (напр. о причинахъ неудовольствія дочери на родителей за подарки), между прочимъ, одинъ сравнительно не важный варіантъ стиха о грѣшной душѣ. Въ главѣ о гаданіяхъ подъ новый годъ большею частью говорится о гаданіяхъ, отличныхъ отъ описанныхъ у Чубинскаго. Въ послѣдней маленькой главѣ находится замѣтка о гаданіи по полету птицъ (о гаданіи по полету птицъ см. *Сумцова*, Культурн. переживанія § 127).

Вообще записи г. М. отличаются такими интересными въ научномъ отношеніи подробностями, что нельзя не пожелать продолженія ихъ, тѣмъ болѣе, что, судя по изданнымъ матеріаламъ, въ народной словесности малоруссовъ лубенскаго уѣзда еще хранятся любопытные отзвуки старины.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Колядки религіозно-апокрифическаго содержанія.

Рождество Христово, а равно и другіе связанные съ нимъ религіозные сюжеты занимаютъ мысль народа въ праздникъ, посвященный этому событію. Такія событія, какъ рожденіе Спасителя, поклоненіе волхвовъ, избіеніе младенцевъ, бѣгство въ Египетъ и др. воспроизводятся очень часто въ колядкахъ, но не въ точныхъ формахъ евангельскаго повѣствованія, а видоизмѣненныя по требованію народно-поэтическаго созерцанія, или же подъ вліяніемъ апокрифовъ. Послѣдніе вообще очень легко и охотно воспринимаются народомъ, благодаря тому, что въ нихъ Священная исторія пополнена фактами народнаго міровоззрѣнія.

Мнѣ удалось собрать нѣсколько интересныхъ колядокъ, трактующихъ религіозные сюжеты, но по даннымъ апокрифическихъ сказаній. Въ нижеприведенныхъ колядкахъ, почти во всѣхъ, мы встрѣчаемся съ странной формой соединенія нѣсколькихъ апокрифовъ съ примѣсью народнаго творчества.

Колядка I.

Ой учера извечера Богъ народывъ,
Шо который небо и землю сотворывъ.
Породыла Дѣва Марія Иеуса Христа;
Породывши, въ шовкови пелюшки сповыла,
Въ золоти яселка вложила.—
Десь узялось схода сонця три волы,
Вси три жъ воны одлымъ духомъ дыхалы.
Десь узялысь схода сонця три цари;
Вси три жъ воны одну раду радылы,

Чимъ це дытя дарыты.
А першій царь святымъ миромъ мирувавъ,
А другій царь златомъ-сриблом дарувавъ,
А третій царь золотую квитку въ ручки давъ.
Тожъ не квитка, тожъ перщій день Рожество—
Всёму миру хрещеному радисно.
(С. Молодецкое, уманск. уѣзда).

Эта колядка соединила сказанія о Рождествѣ Христовомъ съ поклоненіемъ волхвовъ. Эпизодъ о появленіи трехъ волхвовъ заимствованъ изъ апокрифа, легшаго въ основаніе стариннаго малорусскаго „*Казаня на Рождество Христово*", изданнаго Ом. Калитовскимъ, стр. 13 [1]). Поклоненіе же волхвовъ передается согласно съ „Сказаніемъ Афродитіана" (Порфирьевъ. „Апокрифич. сказ. о новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ", 151—155). „*Шовкови пелюшки*" и „*Золоти яселька*"—элементы народнаго творчества. „Квитка—першій день Рожество—это олицетвореніе праздника, встрѣчающееся и въ другихъ колядкахъ (Чубинск. III, 451, № 80).

Настоящая колядка полнѣе варіантовъ Чубинскаго (III, 355, № 83, 84); Головацкаго же колядка (ч. III, 23, № 40) только вначалѣ касается Рождества Х—ва, а затѣмъ переходитъ къ другому событію, нареченію имени царями.

Колядка о чудесахъ, бывшихъ при рожденіи Христа.

II.

Зъ нового нарождения Божого Сына,
Его же днесь породыла Дѣва - Марія;
Гоже намъ Христосъ народывся зъ Дивы, зъ Панны.
Нихто же того не дознае Божой тайны;
Нихто же того не дознавъ:
Тилько два знало..
Малее дитя новорожденне
Воздухомъ крыли.
Просиивалы три ангелы зъ небесъ летячи,
Темнои ночи, ясном звизды.
Христа глядючи.

[1]) Сумцовъ. „Очерки исторіи южно-русскихъ апокрифовъ, сказаній и пѣсенъ", стр 65.

И въ городи Іерусалыми
Тамъ дыво стало:
Малее дытя новорожденне
Свитъ осіяло.
Осіяло небо-землю, малыи дыты;
Днесь показало всякее древо разныи квиты.
Ой на Архангела Гавріила рики облылы.
А въ Рождестви Христовимъ сады зацвилы. —
Ой кланяйтесь люды царю й Богу,
Вдаряйте ныэькій поклонъ Ёму додолу!
(С. Молодецкое, уманск. у.)

Наша колядка послѣ 6-го стиха имѣетъ пропускъ, который пополняется варіантомъ Чубинскаго, III, 368, № 92 А.

„Нихто того не дознае
Зъ Божой тайны!
Якъ дознало два ангелы,
Зъ неба летячи
Темнои ночи, яснои звизды,
Христа глядячи“.

Чудеса, о которыхъ говорится въ концѣ колядки, могутъ быть названы чудесами только по отношенію къ нашей, русской природѣ; о такихъ именно чудесахъ въ изданной апокрифической литературѣ не упоминается. Но, пожалуй, источникомъ для этихъ колядскихъ чудесъ могло послужить слѣдующее мѣсто въ „Четьихъ-Минеяхъ“ Макарія: Сотворишася же и чудеса велія по вселенней во время Рождества Христова. Въ самый бо той часъ, въ оньже чистотою запечатлѣнная дѣвическая врата Господь нашъ пройде, абіе источникъ воды въ той же пещерѣ истече отъ камене... а въ земли іудейстѣй винограды Енгаддстіи прозябоша зимѣ сущей“ „(Чет. Мин“. Макарія, изд. Синода 1880 г. 25 дек. стр. 167 на обор.).

Колядка соединяетъ нареченіе имени съ бѣгствомъ во Египетъ

III

Ой въ Русалыми, у Вифлееми.
Грай, море, грай!
Радуйся, земле,
Сынъ Божій народывся!
Пресвята Дѣва тамъ Христа мала;
Грай, море, грай!

Радуйся, земле,
Сынъ Божій народывся!
Въ ризы его вповивала.
(Припѣвъ).
Тамъ вси святи по-за стилъ силы.
(Припѣвъ).
Взялы пысаты, взялы читаты,
(Прип.)
Далы оны (и)мя святого Петра.
(Прип.)
Пресвятая Дѣва того мя не хотѣла.
(Прип.)
Взялы читаты, взялы пысаты,
(Прип.)
Яке Ему мя даты.
(Прип.)
Далы воны мя святого Павла.
(Припѣвъ повторяется за каждымъ стихомъ).
Пресвята Дѣва того мя не хотила.
Взялы пысаты, взялы читаты,
Яко Ему мя дати.
Далы воны мя Исуса Христа.
Пресвята Дѣва то мя злюбыла.
До престолу прыступыла,
Прыступыла—въ ризы завыла,
Занесла Его въ церквы-косцелы.—
Ягипски сыны Христа глядилы:
„Пресвятая Дѣва, десь Христа дѣла?"
Занесла-мъ Его въ высоки горы.
Ягипски сыны горы скопалы,
Горы скопалы, Христа не взялы.
„Пресвятая Дѣва, десь Христа дила?"
Занесла-мъ Его въ скалы высоки.
Ягипски сыны скалы злупалы.
Скалы злупалы, Христа не взялы.
„Пресвятая Дѣва, десь Христа дила?"
Занесла-мъ Его въ лисы густыи.
Ягипски сыны лисы зрубалы,
Лисы зрубалы, Христа не взялы.
„Пресвятая Дѣва, десь Христа дила?"
Занесла-мъ Его въ травы шовкови.
Ягипски сыны травы скосылы,
Травы скосылы, Христа не взялы.
„Пресвята Дѣва, десь Христа дила?"
Занесла-мъ Его въ церквы-косцелы.

Ягипски сыны въ церквахъ вынайшлы,
Въ церквахъ вынайшли, на муки взялы.
(С. Рыхта, каменецкаго уѣзда).

Въ первой части просто сказалось народное творчество. По замѣчанію А. Потебни, „Святые судятъ имя Христу, какъ судится доля". (Обз. поэтич. мотивовъ колядокъ и щедровокъ. Р. Ф. В. 1887 г. № 1, 33).

Вторая половина имѣетъ въ виду апокрифъ—бѣгство во Египетъ. Эта колядка чаще раздѣляется на двѣ: 1) на нареченіе имени и 2) преслѣдованіе Христа: варіанты ея довольно многочисленны. (См. Чубинск. III, 333, № 62 А; Головацк. II, 12 № 16; 13, № 19; 39, № 59; 27, № 37, III, 23, № 30; 102, № 2; II, 25, № 35; 26, № 36; III, 25, № 32; 112, № 5).

Колядка IV.

Розиграй, Давиде,
Богъ изъ тебѣ прійде,—
Отъ Сигона до Корона
Сынъ Маріинъ прійде.
Вдарте, струны, смило,
Веселыся, Диво:
Сынъ Маріинъ возлюбленный
Взялъ на себе тило.
Есынъ изумывся,
Що Богъ народывся,
Зоставывши престолъ въ неби,
На землю явывся.
Гиродъ—царъ проклятый
Ставъ барзо рыдаты;
Винъ же думавъ, що Богъ прыйшовъ царство отбераты.—
Гироде-враже,
Всяке тее скаже,
Що Ирода Виѳліимъ
На викъ виковъ зваже.—
Ката выплендрують,
Смерть дытяти готують;
На гори, на Коліи
Дитокъ презентують.
Духи обступылы,
Бога прогнивылы,
14 тысячъ дитокъ выгубылы.
Тамъ матка стояла,

Зъ жалю умливала;
Вона своихъ чотырохъ сынивъ
Смерти дожидала.
Мы благодаримо,
Дары прыносимо,
Рожденому, безсмертному
Поклинъ ударимо!

(с. Молодецкое, уманск. у.).

Колядка V.

Шо то е въ свити за предывна новына,
Що Дива Марія сына родыла.
Она Ёго породыла,
Она Ёго увидыла Пречиста Дива.
Ёсипъ старушикъ при жлоби стоить,
Для Исуса Христа пелены строить,
А Марія сповывае
И до себе прыгортае:
„Сусе, сыне мій!"
Ангельскіе хоры слычно загралы,
Новорожденному поклонъ отдалы
И рожденному у яслахъ
Богу едыному... есть миръ на земли.
Ишло три крулевны съ подарункамы;
Шла предъ нымы звизда облакамы.
Войшовъ Иродъ тай пытае,
Ще й до себе завертае:
— „Куды-жъ вы йдете?"
— Ой мы йдемо до Исуса Христа,
Дороги подарки мы Ёму несемо.
— „Ой прошу-жъ васъ—исходить
И до мене повернить, идучи съ пути."
— Мы жъ тамъ булы, поклонъ отдалы,
До царя Ирода мы повerталы.
Насъ ангелъ провожае,
Отъ Исуса повертае на инчую путь.
А Иродъ сомлывый дуже сумувавъ;
Взявъ свое войско стройно оготувавъ,
Казавъ дитки убываты
Кровъ невынну пролываты,
Христа шукаты.
Иродъ проклятый дитей убывае;
Несчасливи матки плачутъ и рыдаютъ;
— „Ой, дытынко моя мыла!
Що-жъ ты злого наробыла,
Печале моя!"

(Балта, подольск. у.)

Колядки №№ 4 и 5 имѣютъ сходство съ галицко-русскимъ апокрифомъ-пѣснею, изданной Калитовскимъ, стр. 22—25.

(См. варіанты у Чубинск. III, 328, № 56, 374, № 98 А; 378, № 101, 102, 103).

Колядка VI.

На Осіяньски гори церква стоить;
Въ тыи церкви три гроба лежить.
Аллилуя, аллилуя, Господи, помылуй
Три гроба лежить.
(Припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).
Въ першимъ гроби самъ Господь лежить;
(Припѣвъ).
Въ другомъ гроби Дива-Марія;
Въ третимъ гроби отець Мыколай.
Надъ Господомъ свичи палають;
Надъ Дивою-Маріею ангелы поють;
Надъ Мыколаемъ кныги читають,
Кныги читають, правды шукають.
Не найшлы правды, та найшлы крывду:
Сынъ на батька руку здыймае,
А братъ на брата камень готуе;
Сусида на сусида яму копае.
Сегодня копавъ, завтра самъ упавъ.
Шо теперка есть за новына
Шо (у) Рождеству Христовому
Рожа зацвила;
Съ тои рожи пташка злетила
Та полетила по-пидъ небеса,
Взялы небеса растворылыся,
Мы Рождеству поклоныдыся!

(С. Молоденкое, уманск. у.).

Колядка VII.

Дива Марія по пидъ гору шла;
Аминь, аминь, аллилуя,
По-пидъ гору шла;
(Припѣвъ послѣ каждаго стиха).
Здыбало іи два-три жидова:
— „Дива-Марія, де Христа дила?“
— Занесла Его въ густыи лозы.
Лозы зрубалы, Христа не найшлы.
— „Дива-Марія, де Христа дила?“

— Занесла Его въ Чорное море.
Пишла жидова море вылывать,
Христа доставать.
Море заграло—жидивъ забрало.
А Исусъ Христосъ на Сіяньски гори;
На ти гори церковка стоить,
А въ ти церковци три престола стоять;
А на тыхъ престолахъ три гроба лежать
Въ первымъ гроби Иванъ Крестытель,
А въ другомъ гроби Сусъ Христосъ лежить,
А въ третимъ гроби Божа-Маты.
Надъ Иваномъ Хрестытелемъ кныги читають,
А надъ Дивою-Маріею свички палають,
А надъ Сусомъ Христомъ рожа зацвила;
А съ тои рожи вылетивъ пташокъ;
Полетивъ же той пташичокъ по-пидъ небеса.
Ему небеса растворылыся;
Ему вси святыи поклоныlыся.

(Балта)

Три гроба колядокъ, по замѣчанію проф. Сумцова, есть народная переработка апокрифическаго сказанія о трехъ крестныхъ древахъ. (Сумцовъ. „Очеркъ ю. р. ап. сказаній“, 86, 87).

„Кривды“ колядки VI имѣютъ сходство съ выраженіемъ апокрифа: „О горе тому, иже свадитъ дворъ з дворомъ или сусѣда с сусѣдомъ и брата з братомъ [1])“.

„Пташокъ“, который летитъ въ небеса, по замѣчанію галицкой колядки, есть Сынъ Божій: „Не е то пташокъ, лемъ самъ милый Господь.“ (Головацк. II, 7, № 9).

Колядка VIII.

На Рождество по вечери
Шовъ Господь зъ вечори;
Ишовъ Господь дорогою,
Здыбавъ дивку зъ водою.
Дай, дивко, воды пыты,
Сластны уста закропиты.
— „Не дамъ воды напытыся,
Бо це вода не чиста,
Накрапала зъ клыну лыста
Зъ клыну лысть накрапала,

---

[1]) Тихонравовъ. Памятн. отреченн. р. лит. „Епистолія о недѣлѣ“, 320.

А зъ быстрыхъ рикъ настикала."
— Ты, дивко, сама нечиста:
Ця вода пречиста;
Бо ты сына породыла,
У ціи води утопыла.
— Стала дивка—остовпила,
Зъ плечей видра упустыла.
— „Чикай, дивко, не лякайся,
Иды до церкви—сповидайся,
За вси грихи признавайся....
Сами звоны зазвонылысь,
Сами врата растворылысь,
Сами свичи засвитылысь,
Сами кныги розложылысь.
Тылько дивка въ храмъ вступыла,
Сыра земля розступылась.
Гришна дивка провалылась.
Святый Петре, святый Павле,
Берить ключи пекельни,
Пускайте души спасенни,
Тылько тои не пускайте,
Що въ недилю рано ила,
А въ пъятныцю писень пила,
А въ суботу не вмывалась,
Отцю й неньци не укоралась.

(С. Молодецкое,уманск. у.).

Эта колядка представляетъ изъ себя художественно народную переработку Евангельскаго сказанія о Самарянкѣ, и сведеніе въ одно апокрифовъ объ іерействѣ І. Христа, „Хожденія Богородицы по мукамъ" и "Листа Небеснаго".

Мотивъ изъ „Хожденія Богородицы по мукамъ" варьируется въ двухъ щедривкахъ.

Щедривка I.

Ой сивъ Христосъ та вечераты.
Щедрый вечиръ!
Добрый вечиръ!
(Припѣвъ послѣ кажд. стиха).
Пийшла до Ёго та Божая Маты:
— „Отдай, Сыну, та раиськіи ключи
Одымкнуты рай и пекло,
Выпускаты грышни души;
Тилько не выпускаты иднои души,

Що отця и матирь та налаяла,
Не налаяла, а подумала.

(Балта).

Щедривка II.

Ой на ричци на Ордани;
 Щедрый вечиръ!
 Святый вечиръ!
Тамъ Марія рызы прала;

(Прип.).

Суса Христа сповывала.
Прыйшовъ до Неи Сынъ Іи:
— „Ой дай, Ненько, пекельныи ключи
Выпускаты гришни души;
Тилько тои не выпустыты,
Що въ недилю рано ила,
А въ пъятныцю писни пила,
Въ суботу не вмывалась,
Рано неньци не кланялась.

(Балта).

Колядка IX.

Пасли пастыри вивци на гори,
Зобачилы Матирь-Божу на скали.
 Спасы Боже!
На той скали стопку знаты,
Де стояла Божа Маты.

(Прип.).

Тамъ воду беруть,
Всимъ вирнымъ дають
 Спасы, Боже!
(Волынск. г. около Почаева. Сообщила Н. И. Лашкова).

Колядка опоэтизировала появленіе извѣстнаго почаевскаго источника; а, можетъ быть, въ содержаніе ея вошло апокрифическое сказаніе о Рождествѣ Христа. „Ноги Богородицы погрузились въ камень, „яко у тѣсто; позналъ бо и камень безумный на себѣ Творца своего... И ту до днесь лежитъ той камень, а въ немъ стопи ногъ пр. Богородицы, и тамъ теперь опочивокъ страннымъ и изъ-подъ того камня истекла керныця, пречудная, и вода ея есть бѣла, яко млеко, и сладка, яко медъ... и тутъ стоитъ церковь во имя ея святое.“ (Калитовскій, 12 [1]).

---

[1]) Сумцовъ. Очеркъ ю.-р. апокриф. сказ. 65.

Колядка X.

Стоитъ береза тонка, высока,
Лыстомъ широка.
Ой, Дай-Боже!
На ти березі сывъ сокилъ сыдыть;
(Прип.)
Ой сыдыть же винъ та далеко выдыть;
Ой выдыть же винъ на мори корабля;
На тимъ корабли Панна Марія
Шила кошулю своему крулю:
Коло комира мисяць та зора;
Коло пазушки золоти ланцушки;
Коло рукавцивъ—разни пташечки;
Коло пелыны туры-гуланы.
Мисяць та зора будутъ свитыты,
Золоти ланцушки будутъ бражчаты,
Разни пташечки будутъ спиваты,
Туры-гуланы будутъ гуляты
(С. Молодецкое, уманск. у.).

Въ этой поэтической колядкѣ сочетался и апокрифъ объ искусномъ тканьѣ Богородицы (Первоевангеліе Іакова, гл. X), и сказаніе, передаваемое І. Голятовскимъ въ „Небѣ Новомъ", гл. 8, что Пр. Дѣва соткала Іисусу одежду; одежда эта росла съ возрастомъ Іисуса [1])".

Рубашка вышита искуснымъ узоромъ, который буквально живетъ и играетъ передъ нами:

„Мисяць та зора будутъ свитыты,
Золоти ланцушки будутъ бражчаты,
Разни пташечки будутъ спиваты,
Туры-гуланы будутъ гуляты."

Этотъ пріемъ народнаго живописанія есть остатокъ того первобытнаго времени, когда слово и возникающій изъ него образъ еще отождествлялись. Это тотъ же пріемъ, которымъ изображенъ *щитъ Ахиллеса.*

Хр. Ящуржинскій.

[1]) Сумцовъ. Очеркъ ю-р. апокриф. ск. 160.

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ӨЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.[1]).

Въ 1813-мъ году мать, утомясь завѣдываніемъ чужимъ хозяйствомъ и благодаря притѣсненіямъ нѣкоторыхъ недоброжелателей, перешла со всѣмъ семействомъ въ свой домъ. Между тѣмъ назначенное матери графомъ за службу въ видѣ пенсіи и на половину не выполнялось. Здѣсь матери по хозяйству помогала дочь ея Настасія. Мать прикупила еще три огорода, сѣнокосъ и поля на всѣ три руки, наняла двухъ батраковъ и начала заниматься хлѣбопашествомъ. Трофимъ, ея прежній распорядитель, вышелъ на свое хозяйство. Черезъ пять лѣтъ у матери уже было обширное хозяйство, особенно много было рогатаго скота: коровъ, воловъ лучшей породы на два плуга, много овецъ, которыхъ она продавала по пятидесяти штукъ одновременно, помню, помѣщику Ивану Товстолѣсу. Когда я уже окончилъ ученіе и сдѣлался священникомъ, то, бывая у дяди по женѣ о. Трофима Эсманскаго, вмѣстѣ съ нимъ бывалъ и у его прихожанина, помѣщика Товстолѣса. Онъ между разговоромъ шутилъ: да я вашу мать очень хорошо помню; она моя овечья сваха: у нея я купилъ для развода пятьдесятъ штукъ; нѣсколько лѣтъ онѣ хорошо велись, а послѣ случилась болѣзнь, и онѣ всѣ повыгибли. Въ нашей мѣстности это періодически бываетъ; вслѣдствіе этого и крестьяне, хотя и имѣютъ боль-

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1895 г., № 1.

шую нужду въ разводѣ, часто подвергаются лишенію ихъ, а это бываетъ оттого, что годами на травѣ бываютъ пагубныя росы.

Учить насъ ходилъ на домъ одинъ изъ экономическихъ писарей, Ильинецъ, парень скромный и обладавшій хорошимъ почеркомъ. Онъ передалъ намъ, что въ экономіи получено извѣстіе, что молодой графъ Андрей Ильичъ Безбородко умеръ за границей въ Польшѣ и что, по завѣщанію, тѣло его привезутъ для погребенія въ Домницкій монастырь. Мать отправилась по дѣламъ къ управляющему, вслѣдствіе неполученія полностью провизіи и денегъ, назначенныхъ по службѣ, и тамъ узнала, что дѣйствительно молодой графъ умеръ въ чинѣ полковника, командуя козачьимъ полкомъ. Вѣроятно, онъ только числился командиромъ: по своему болѣзненному состоянію и идіотизму онъ не могъ самъ управлять, но, конечно, имѣлъ тогда право, по рангу отца. Тѣло его, не помню, какъ скоро, было перевезено, какъ говорятъ, въ оловянномъ гробѣ въ Домницу и здѣсь въ Соборной церкви Рождества Богородицы было погребено на лѣвой сторонѣ. Здѣсь вверху находится икона св. Андрея Первозваннаго, предъ которою горитъ во время богослуженія неугасаемая лампада, а внизу вдѣлана въ стѣну позлащенная таблица съ черными словами, означающими годъ рожденія, службу, чины, годъ, число и мѣсто смерти: онъ умеръ въ мѣстечкѣ Заркахъ въ Польшѣ. По предписанію изъ Петербурга, погребеніе было устроено на иждивеніе Стольнинской экономіи. Оно было великолѣпно: было приказано, чтобы при погребеніи присутствовали всѣ люди стольнинской экономіи, бывшіе близкими къ графу, а также управляющіе экономіями черниговской и полтавской губерній. Говорятъ, болѣе недѣли шло приготовленіе. Въ издержкахъ, нужныхъ на угощеніе, не было остановки. Изъ Стольнаго привозились вина, которыхъ послѣ выѣзда графа тамъ оставалось большое количество, и все, что было нужно, ибо со смертію графа кончилась и угасла фамилія Безбородка. Главными распорядителями здѣсь были Милорадовичъ, Богунъ и стольнинскій управляющій Роговичъ. Окончивши погребальную церемонію и угостивши великолѣпно все духовенство, архимандритовъ, протоіереевъ, іереевъ, монаховъ,

причты, а также дворянство и весь стекшійся по сему случаю людъ и раздавши духовенству приличные графскому достоинству подарки и награды, распорядители возвратились въ Стольное, а вмѣстѣ съ ними и большая часть высокопоставленныхъ гостей. Здѣсь Милорадовичъ объявилъ, что онъ и князь Викторъ Павловичъ Кочубей назначены графомъ Ильей Андреевичемъ опекунами надъ малороссійскими экономіями, а помощникомъ ихъ—главноуправляющій. При этомъ онъ сказалъ, что едва-ли уже графъ пріѣдетъ въ Стольное, по причинѣ разстройства здоровья, и что теперь по всѣмъ дѣламъ должно обращаться къ главноуправляющему. Когда изъ Стольнаго отбыли всѣ гости, Милорадовичъ и Богунъ стали провѣрять все имущество, и контора дня три дѣлала опись всему наличному имуществу, подъ предсѣдательствомъ Богуна и Роговича. Составлены были новыя росписанія объ оставшихся служителяхъ, объ увольненіи большей половины прежняго штата и о назначеніи имъ пособія. По приказанію Милорадовича, матери моей было назначено пособіе, въ родѣ пенсіи, состоявшее изъ достаточнаго количества провизіи для нея съ семействомъ и 50 рублей.

Въ экономіи докторомъ по прежнему остался Гаврило Васильевичъ Самарскій. За нимъ въ назначенные дни или въ экстренныхъ случаяхъ отправлялись изъ экономіи лошади.

При отъѣздѣ Милорадовичъ по секрету объявилъ моей матери, что графъ опасно боленъ и что на выздоровленіе его нѣтъ надежды.

Послѣ сего въ графскомъ домѣ послѣдовали большія перемѣны: парадныя ворота были забиты, служеніе въ дворцовой церкви прекратилось, священникъ Даніилъ Игнатовичъ умеръ; входъ въ садъ запрещенъ, всѣ фортки и ворота забиты; не стало прежнихъ франтовски одѣтыхъ камердинеровъ, лакеевъ и кучеровъ, которые теперь стали похаживать въ бекешахъ, а другіе и въ свиткахъ, изысканнѣе только пошитыхъ.

Насъ стали приготовлять къ отправкѣ въ Макошинъ къ какой-то золотошвеѣ, живущей въ прежде бывшемъ монастырѣ. Не знаю, по какимъ соображеніямъ и меня отправили вмѣстѣ съ сестрами Анастасіей и Маврой. По пріѣздѣ туда насъ по-

мѣстили въ занимаемомъ ею маленькомъ домикѣ съ маленькой кухней. Была тутъ же учителька по имени Ирина Ивановна, изъ дворянъ, поступившая сюда изъ упраздненнаго Кербитовскаго монастыря. Это была женщина лѣтъ 30, небольшаго роста, довольно приличная изъ себя, сильно нахрамывавшая на одну ногу. Мы приняты были ею съ особеннымъ благоволеніемъ. Вскорѣ еще прибыли изъ Стольнаго двѣ дѣвочки Марченковыхъ, и еще двѣ дѣвочки. Кромѣ того ходили еще двѣ макошинскія поповны, дочери свящ. Артемія Крестинскаго, дѣвочки очень красивыя, и родственникъ ихъ Троцкій. Ученіе наше было такое: поутру поучивши насъ читать, она заставляла дѣвочекъ шить сначала заполочью утиральникъ по сдѣланнымъ узорамъ, а намъ—мальчикамъ—задавала уроки читать или линеила тетради и заставляла писать, а сама уходила къ священнику Платону Иверскому, недавно посвященому, и молодой его попадьѣ, гдѣ часто оставалась обѣдать, отколь присылала прислугу, и намъ давали обѣдать. Послѣ обѣда мы бѣгали по огромному цвинтарю, ибо дворъ поповъ былъ подалѣе отъ цвинтаря, ловили мотылей, драли воробьевъ и прочихъ птицъ, сбирали подъ церковью воскъ, бѣлый, зеленый и желтый, дѣлали крестики и усыпали ихъ блестящими крылышками букашекъ. Здѣсь было нѣсколько деревъ, на которыхъ не дозрѣвало ни одно яблочко, ни одна грушка. Когда мнѣ лѣтъ черезъ пятьдесятъ пришлось священникомъ наблюдать оный приходъ Макошинскій, я нашелъ церковь почти въ томъ же состояніи; новинку составлялъ только подведенный каменный фундаментъ. Изъ прежнихъ, кажется, 20-ти деревъ стоятъ еще три большія груши, такъ что я на память рвалъ съ нихъ уцѣлѣвшіе плоды и даже натрусивши принесъ въ квартиру. Груши эти, полежавши дня три, оказались отличны.

Церковь сія знаменовалась чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, въ полъ-аршина вышиною и болѣе полторы четверти шириною, въ прекрасной серебряной ризѣ, украшенной вѣнцомъ съ алмазными каменьями. По преданію, къ ней изъ дальнихъ губерній пріѣзжали богомольцы, особенно женщины, несчастныя

въ семейной жизни отъ своихъ мужей. Еще въ то время, когда мы учились, пріѣзжали изъ курской, полтавской губерній и другихъ въ богатыхъ экипажахъ и останавливались у священника Иверскаго. Въ то время онъ жилъ богато и роскошно. Впослѣдствіи, лишившись жены, онъ распьянствовался, но по его богатству и уму онъ былъ членомъ сосницкаго духовнаго правленія. Его двѣ дочки, вышедшія замужъ, сдѣлавшись священницами, унаслѣдовали его страсть. Онѣ были весьма красивыя женщины.

По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, за нами присылали лошадей и брали насъ въ экономическій дворецъ. Зимою здѣсь для насъ отапливали комнаты, въ коихъ постоянно никто не жилъ, но которыя существовали только для пріѣзда управляющаго, ревизоровъ, а также для исправника или засѣдателя, если случались судныя дѣла.

Насъ поили чаемъ, готовили обѣдъ. Чего особенно обильно здѣсь было, такъ это свѣжей рыбы, т. к. вблизи Десна, свои озера, невода и крестьяне. Къ тому же и домашней птицы было довольно. Приставленная для присмотра за нами женщина водила насъ въ церковь, находившуюся близъ самаго дворца надъ Десной или, правильнѣй сказать, надъ лиманомъ, прорѣзавшимся отъ Десны. Въ этой церкви священствовалъ Артемій Крестинскій, дѣдъ нынѣшнихъ Крестинскихъ. Впослѣдствіи оставлена была одна церковь, и Крестинскій перешелъ въ Величковку, на родовой приходъ отца. Зимою, помню, въ амбарахъ стояли старыя лодки, часто наполненныя большою рыбой, наловленной для продажи. Я мало гдѣ видѣлъ крупную рыбу такой величины: лещовъ, щукъ, судаковъ, окуней и пр.

Въ понедѣльникъ насъ рано отвозили въ школу съ провизіею, и мы занимались самымъ ничтожнымъ ученіемъ; только дѣвицы постоянно шили въ пяльцахъ.

Церковь здѣшняя, Покровская, богата ризницею, собственно разными шитыми золотомъ ризами и подризниками; богата также и сосудами серебряными, собственно потому, что здѣсь былъ женскій монастырь, славившійся по чудотворному образу. Благодаря прежнему богомольному ихъ служенію и

увеличенію разсказовъ о чудодѣйственной силѣ иконы, сюда стекалась масса богомольцевъ. Видно, здѣсь были пожертвованія отъ высокопоставленныхъ лицъ. Такъ, на одной изъ лжицъ отчеканены слова: „за упокой убіенной княгини Софіи". Тоже значится на чашѣ и дискосѣ. О какой княгинѣ здѣсь говорится, неизвѣстно. Здѣсь есть крестики около иконы съ мощами. Въ прежніе годы въ монастыряхъ было въ обычаѣ доставать св. мощи для привлеченія народа. Здѣсь невдалекѣ отъ Макошина существовалъ, ближе къ селенію Слободкѣ, верстахъ въ четырехъ отъ Макошина, Макошинскій монастырь съ каменными постройками—церковью и колокольней, въ которомъ жилъ патріархъ Паисій, возвратившійся впослѣдствіи въ Грецію. Здѣсь нынѣ находятся только груды кирпичей и прочаго мусора. Мѣсто это очень живописно. Развалины эти были куплены за безцѣнокъ для строившагося въ Сосницѣ каменнаго тюремнаго замка.

Церковь Макошинская, находящаяся отъ берега Десны на разстояніи четверти версты, по архитектурѣ довольно красива, съ тремя высокими куполами, въ два яруса. Надъ женскимъ предѣломъ хоры, гдѣ во время многолюдія поютъ дьячки; напѣвъ хорошій отъ прилива лицъ, воспитывавшихся въ Мѣнскомъ училищѣ, изъ котораго чаще всего бываютъ головы, писаря и засѣдатели; а также старосты и совѣстные судьи. Другую достопримѣчательность этой Покровской церкви составляетъ картина на холстѣ во всю стѣну въ предѣлѣ женскомъ, изображающая страшный судъ или пришествіе Спасителя судить живыхъ и мертвыхъ. Подобную картину я видѣлъ въ Лаврской большой церкви, въ лѣвомъ предѣлѣ, только писанную просто на стѣнѣ. Приходящіе богомольцы часто останавливаются передъ нею, и дьячокъ или другой какой-нибудь письмакъ разсказываетъ имъ по своему, какъ понимаетъ. Здѣсь была колокольня огромная, хотя тоже деревянная. Во второмъ ярусѣ оной была небольшая церковь во имя Рождества св. Іоанна пророка Предтечи и знаменитый колоколъ болѣе ста пудовъ. Это все остатки монастыря, умѣвшаго стяжать громкую славу. Колокольня сія сгорѣла во время грозы около 30-го года сего столѣтія. Въ колокольнѣ и въ церкви тамошней все сгорѣло. Здѣсь 24-го іюня собирается

на площади близъ колокольни незначительный торгъ, къ вечеру оканчивающійся пьянствомъ и кострами, горящими ближе къ Деснѣ, гдѣ большое пространство.

Знаменательное событіе нашей школы. Учителька наша вмѣстѣ съ попадьей уѣхала въ Рыхлы на богомолье. Изъ Стольнаго намъ прислали большихъ грушъ. Вся наша школа на общемъ совѣтѣ рѣшила, что и мы будемъ говѣть; меня назначили священникомъ. Изъ грушъ, бывшихъ въ то время достаточно мягкими, надавили цѣлую сахарницу соку вмѣсто вина. Послѣ обѣда мы стали приготовляться къ исповѣди въ комнатѣ, спальнѣ учительки. Мнѣ сдѣлали эпитрахиль изъ шитыхъ рушниковъ и поочередно подходили ко мнѣ къ исповѣди. Настасія исправляла должность дьячка, зажигала и тушила свѣчи, курила ладономъ. Послѣ исповѣди уже всѣ положили не ѣсть. Это было въ концѣ августа. На завтра поутру устроили мнѣ ризы изъ платковъ, надѣли длинную рубашку вмѣсто подризника, эпитрахиль сдѣлали изъ шитаго рушника. Настасія и прочіе читали и пѣли. Во время моего приготовленія къ причастію двери были затворены или закрыты платкомъ.

Наконецъ, двери отворились, и я вышелъ съ моею чашею, произнося подсказанныя мнѣ слова: „Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите". Всѣ подходили по очереди, и я вливалъ имъ въ ротъ по три ложечки. Затѣмъ они запивали, а послѣ того раздѣвали меня и поздравляли другъ друга съ принятіемъ тайнъ.

Чего только дѣтство не выдумаетъ, но оно крѣпко запечатлѣвается.

Мы пробыли болѣе года въ Макошинѣ. Къ Рождеству за нами изъ экономіи прибыла кибитка зимняя, и мы на праздникъ отправились въ Стольное, вѣроятно, въ концѣ 1813 года. Пробывши праздники, я больше уже не возвращался въ Макошинъ.

Въ домъ отца Василія Воронкевича прибыли его родственники четыре мальчика Воронкевичи, сироты, бывшіе до того на воспитаніи въ деревнѣ Рогозкахъ въ домѣ тоже родственника опекуна Тимоновича. Здѣсь, въ Стольномъ, договоренъ былъ учитель изъ Березнаго, Щербацкій, не окончившій семинаріи, къ

которому и я былъ зачисленъ въ число учениковъ. Отсель уже начинается моя наука для поступленія въ уѣздное училище. Таковое ученіе происходило въ домѣ Воронкевича въ отдѣльной комнатѣ. Здѣсь приготовлены были книжки, нужныя для поступленія въ уѣздное училище, но мнѣ по нимъ весьма трудно было учиться послѣ славянскихъ книгъ. Воронкевичи то были уже нѣсколько подготовлены, особенно старшіе, Андрей и Василій. Помню, долго была темна вода во облацѣхъ воздушныхъ, пока немного не пріучился къ реформѣ и новому порядку науки, что называлось тогда „заправлять для поступленія" въ уѣздное духовное училище. Они, Воронкевичи, воспитывались въ такомъ домѣ, гдѣ были гувернеры и гувернантки. Благодаря этому они отлично танцовали, а Андрей порядочно игралъ на скрипкѣ. Мнѣ пришлось быть съ ними года четыре неразлучнымъ по наукѣ и квартирѣ. Пробывши въ Стольномъ до каникулъ, мы выѣхали въ началѣ іюля въ Березное, въ собственный ихъ, Воронкевичей, домъ. Они были тамошніе жители. Отецъ ихъ былъ военный штабъ-лѣкарь Михаилъ Воронкевичъ, оставившій года за три предъ симъ ихъ сиротами, такъ какъ и мать ихъ вскорѣ умерла. У нихъ была еще сестра Марія Михайловна, тоже поступившая отъ Тимоновича къ о. Василію Воронкевичу и вышедшая впослѣдствіи замужъ за Николая Ивановича Симентовскаго въ Волосковцы и нынѣ уже вдова. Надобно сказать, что въ живыхъ отъ всѣхъ четырехъ Воронкевичей и ихъ сестры не осталось ни роду, ни племени, а также угасъ богатый по состоянію родъ Тимоновичей въ Рогозкахъ, и имѣніе продано съ аукціона за казенные и частные долги. Его купилъ Василенко, нынѣ умершій и оставившій капиталъ и состояніе тысячъ на сто какому-то племяннику.

По прибытіи въ Березное мы помѣстились въ домикѣ, уже довольно старомъ, состоящемъ комнатъ изъ трехъ и кухни. Тутъ уже къ намъ договоренъ былъ учитель изъ философіи, тамошній священническій сынъ Николай Петровичъ Гордіевскій, изъ хорошихъ студентовъ. Онъ перешелъ и жить къ намъ, потому что по окончаніи каникулъ онъ обязанъ былъ уже устроить въ Черниговѣ квартиру и оставаться домашнимъ нашимъ учите-

лемъ, потому что и Воронкевичи всѣ поступили въ духовное училище. Мы обязаны были поутру входить въ его спальню, гдѣ онъ, сидя или полулежа на кровати, выслушивалъ наши уроки. У него всегда былъ большой запасъ грушъ и яблокъ, и онъ при неудачномъ отвѣтѣ или повтореніи разъясненія и незнаніи бросалъ огрызками яблока или груши въ лобъ, и это иногда продолжалось не менѣе часа, послѣ чего онъ отпускалъ насъ снѣдать или побѣгать по саду, который былъ обширенъ, но старъ. Было два сада. Когда стали поспѣвать яблоки, установился такой порядокъ, что кто раньше встанетъ, тотъ соберетъ найлучшія. Каждый складывалъ свою добычу на горѣ въ особый рядъ, готовя запасы къ Чернигову. Я имѣлъ равную часть въ сборѣ, но когда пришлось приготовлять яблоки къ отправкѣ въ Черниговъ, они изъ моей кучи взяли львиную часть, оставивъ мнѣ что похуже.

Въ этомъ году умеръ старый графъ Илья Андреевичъ. Извѣстіе это было прискорбно для матери. Экономія отказалась выдавать матери положенное графомъ жалованье, лишивъ ея и провизіи, кромѣ положенной на дѣтей, да и ту стала выдавать въ уменьшенномъ размѣрѣ.

Многихъ брала зависть, что у матери идетъ хорошо хозяйство и имѣются деньги, по тогдашнему времени рѣдкія, большія. Она имѣла, по ея словамъ, около пяти тысячъ ассигнаціями. Мать успѣла уже пріобрѣсть дней 30 поля и много имѣла уже въ залогѣ: она дала (не разобрано) тысячу рублей ассигн. подъ залогъ полей; это былъ крючокъ, занимавшій у разныхъ темныхъ личностей, жилъ въ Стольномъ на широкую ногу, породнился съ одной изъ лучшихъ фамилій, женившись на дочери Ивана Ивановича Даниловича, маіора-помѣщика,—Анастасіи, славившейся добротой и красотою. Вслѣдствіе его развратной жизни, ея супружество было несчастливо; она вскорѣ умерла, оставивъ малолѣтняго сына, который оказался золотушнымъ и, будучи оставленъ безъ воспитанія, умеръ лѣтъ двадцати. Дядьки его Даниловичи, раздѣливъ имѣніе, тоже зазнавшись съ казной, позалагали имѣніе, и оно перешло въ разныя руки, особенно къ родственнику Григорію Петровичу Даниловичу, нынѣ же къ

внукамъ его по дочери—Шевелямъ. Одинъ изъ нихъ, старшій, Григорій Ивановичъ Даниловичъ удержалъ въ порядкѣ имѣніе, получивъ часть въ Степановкѣ, и, женившись въ Кисилевкѣ на Александрѣ Федоровнѣ Ковтуновой, имѣлъ двухъ сыновей и трехъ дочерей. Онъ рано умеръ, жена же его увеличила хозяйство, и сыновей по праву воспитала въ кадетскихъ корпусахъ. Одинъ изъ нихъ, младшій, Григорій, нынѣ генералъ-лейтенантъ и директоръ какого-то военнаго корпуса или училища [1]). Старшій померъ, оставивъ вдову и пять дѣтей.

Въ семъ годѣ войска возвращались изъ за границы, послѣ разгрома Наполеоновской арміи и его замысловъ.

Въ Стольномъ квартировала рота 36-го Егерскаго полка; командиръ оной штабсъ-капитанъ Евдокимъ Іовлевъ сынъ Лазаревъ сталъ ѣзжать въ домъ матери и, наконецъ, свататься. Мать по совѣту нѣкоторыхъ личностей рѣшилась выйти за него замужъ. Эта ея ошибка разстроила ея семейное счастіе. Сначала жизнь была сносна. Онъ любилъ вездѣ побывать и чаще всего въ гостяхъ, нужно было и къ себѣ почаще приглашать и угощать. Да и вообще тогдашніе Стольнинскіе паны вели въ то время жизнь разгульную, а это было на руку отчиму. Хозяйство стало приходить въ упадокъ, а расходы были не по доходамъ; деньги въ годъ, въ два улетучились и оставались только на долгахъ, особенно у пановъ, съ которыхъ почти не было надежды получить. Между тѣмъ отчимъ сталъ жестоко обращаться съ матерью, нерѣдко бить и тиранить безъ милосердія. Маленькая дѣвочка Елизавета, пріѣхавшая съ нимъ, уже двухъ лѣтъ, была почти заброшена. Порядочная прислуга отъ его жестокостей не могла удержаться. Жизнь была самая плачевная. Только тогда и миръ, когда онъ назоветъ гостей. Онъ требовалъ, чтобы всего было достаточно, особенно, чтобы хорошая была попойка, а для пунша хорошій спиртъ, въ которомъ тогда не было недостатка, такъ какъ въ Стольномъ было болѣе де-

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Григорій Григорьевичъ Даниловичъ, воспитатель Императора Николая II и Наслѣдника-Цесаревича Георгія Александровича, въ то время, когда писались эти воспоминанія, состоялъ директоромъ петербургской 2-й военной гимназіи.

сяти винокуренъ. Пьянство въ селеніяхъ было въ высшей степени распространено: кварта горѣлки стоила восемь грошей, нынѣшнихъ четыре копѣйки серебромъ.

Послѣ каникулъ 1814 года изъ Березного я выѣхалъ съ Воронкевичами въ Черниговъ. Первая квартира нанята была учителемъ за мостомъ Краснымъ, съ базару, по большой улицѣ, близъ церкви Богоявленія [1]), на правой сторонѣ, въ самомъ концѣ узкой улицы, у дворянки старухи Настасіи Маляревской. Насъ всего было человѣкъ семь, а учитель восьмой: два мальчика было изъ его родни. Насъ два оставались въ квартирѣ и приготовлялись для поступленія въ инфиму. Учитель Гордіевскій поутру задавалъ намъ урокъ и, пришедши изъ класса, выслушивалъ. Затѣмъ приносили тарелки и ложки, и мы садились за обѣдъ, помнится, не скудный, потому что говядины было довольно и приготовленіе было хорошее; въ постные дни—рыба, а вечеромъ борщъ и гречневая каша съ саломъ или масломъ. Учитель нашъ былъ уже послѣдній годъ въ „философіи", лѣтъ 25-ти. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ и занимался съ учениками старательно. Я, помню, тамъ былъ меньше всѣхъ, и потому нерѣдко случалось терпѣть обиды отъ всѣхъ; притомъ я былъ слабаго здоровья, отъ чего сдѣлался боязливъ и трусливъ, а это имѣло вліяніе на мое дальнѣйшее развитіе, хотя, къ счастію, я еще находился подъ лучшею защитою учителя, какъ скромный и боязливый мальчикъ.—Цѣлый годъ прошелъ въ квартирномъ ученіи. По обычаю мы ѣздили на Рождество и Воскресеніе домой, и я изъ Березного отправлялся въ Стольное. Меня очень всѣ жалѣли, даже отчимъ дѣлался тихимъ человѣкомъ. Онъ былъ толковый человѣкъ, хотя изъ сдаточныхъ, но былъ грамотенъ, писалъ хорошимъ почеркомъ, умѣлъ разсказывать повѣсти и сказки весьма отчетливо. Вообще въ бытность мою дома онъ дѣлался сноснымъ заставлялъ дѣлать меня ариѳметическія задачи или читать книгу и, правда, никогда пальцемъ меня не тронулъ.—Надобно сказать, что тогда весьма много поженилося изъ сего полка, почти

---

[1]) Нынѣ здѣсь церковь каменная во имя Николая.

во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ войска имѣли квартированіе. Всѣ они были люди разгульные. Многіе изъ нихъ пріѣзжали гостить, и дня по три, по четыре гостили у насъ и по Стольнинскимъ дворянамъ. Потомъ отчимъ съ матерью отправлялись взаимно гостить, а мы съ сестрами хозяйствовали, какъ умѣли. Иногда приходили къ сестрамъ ихъ подруги и приглашали насъ. Мы тогда отправлялись гостить. Самое угощеніе состояло изъ чая, всегда зеленаго, въ родѣ желтенькой водицы, чуть-чуть сладкаго, котораго давали по чашечкѣ, много по двѣ; затѣмъ угощали орѣхами собственнаго сбора, правда, спѣлыми и хорошо высушенными, не уступающими каленымъ, а также пряничными орѣшками, медовымъ вареньемъ, пастилой медовой. О сахарѣ тогда и рѣчи не было: угощеніе составляли варенный медъ и пиво, имѣвшіе тогда цѣну шесть гривенъ, нынѣшнія 15 копѣекъ сер., за двойное ведро, а кварта восемь копѣекъ, нынѣшнія двѣ копѣйки, а часто и хорошая наливка. О винѣ и помину не было.

Играли въ жмурки, въ жгута, иногда плясали, кто какъ умѣлъ.

Хожденіе въ церковь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ было безусловное, необходимое; впрочемъ, я нерѣдко освобождался по слабости здоровья; а когда и бывалъ, то для этого запрягали лошадь, которая привозила и отвозила меня изъ церкви.

Съ крещенія отправляли насъ въ Черниговъ съ нагруженною разными харчами повозкою. Мнѣ давали, кромѣ харчевыхъ, денегъ на мой расходъ, но я боялся держать у себя деньги, а все отдавалъ учителю, а онъ покупалъ поутру сбитень, стаканъ или два, самъ расплачивался. Если же у меня были деньги, то ихъ непремѣнно уворовывали.

Такъ цѣлый годъ до каникулъ продолжалось мое ученіе въ квартирѣ. Погостивши во время каникулъ недѣлю въ Стольномъ, я опять пріѣзжалъ къ Воронкевичамъ въ Березное, гдѣ тотъ же учитель занимался съ нами. Въ это время всѣмъ распоряжалась сестра ихъ Марія, а учитель уже не жилъ въ домѣ, а только приходилъ каждое утро изъ дому своего. Домъ его былъ за базаромъ, возлѣ моста на Черниговъ, близъ Золо-

таря. Здѣсь онъ обѣдалъ, а послѣ обѣда заставлялъ писать и дѣлать латинскія сочиненія, т. е., написавши цѣлую рѣчь и поставивши на верху слова въ именительномъ падежѣ, заставлялъ составлять рѣчь латинскую, согласно русской.

Дома въ Стольномъ я нашелъ большую перемѣну. Клуня, наполнявшаяся прежде хлѣбомъ, теперь на половину была пуста, въ хозяйствѣ всего уменьшилось, скота рабочаго почти на половину. Жизнь семейная была въ сильномъ разстройствѣ. Одно только удовольствіе и было погулять въ своемъ саду или же отправиться въ графскій садъ, гдѣ иногда я проводилъ цѣлый день, часто заходилъ къ Страховскому, который былъ старше меня года на три. Съ нимъ мы гуляли въ саду, гдѣ ловили удками рыбу въ тамошней рѣкѣ. Рыба шибко хваталась на крючки. Попадались на крючки караси, небольшіе: самые большіе были въ ладонь. Во время купанья на берегу мы ловили руками карасей, въ печерахъ же линовъ въ полфунта, фунтъ и болѣе и тогда отправлялись къ намъ въ домъ, гдѣ въ саду готовили уху и жаркое изъ пойманной рыбы. Вечеромъ составляли совѣтъ и на другой день съ разсвѣтомъ отправлялись въ лѣсъ его же, Страховскаго, за орѣхами и грибами, которыхъ много приносили домой и тамъ жарили. Компанія наша состояла изъ его, Страховскаго, сестры его Стефаниды Федоровны, двухъ моихъ сестеръ и меня. Здѣсь невдалекѣ былъ и нашъ хуторъ, именуемый Лазебный. Впослѣдствіи онъ былъ проданъ, такъ какъ изъ него пользы никакой не получалось. Эти лѣса находились верстахъ въ шести отъ Стольнаго по блистовской дорогѣ. При заходѣ солнца мы возвращались домой и заходили въ домъ Страховскихъ, такъ какъ они жили по дорогѣ; отъ нихъ же до нашего дома было еще съ версту. Здѣсь мы были угощаемы. Они были довольно богатые люди и имѣли семей десять крестьянъ. Изъ ихъ семейства дѣвица Стефанида была очень добрая дѣвка, очень набожная и бывшая въ большой дружбѣ съ моей сестрой Анастасіей. Онѣ съ каждою весной отправлялись пѣшкомъ на богомолье въ Кіевъ и другіе тамошніе пограничные монастыри, проходили по мѣсяцу и болѣе, а на другое лѣто отправлялись въ Рыхловскій монастырь, а

оттоль въ курскую губернію, въ Софроніеву пустынь и Ильинскую, заходили въ Петропавловскій глуховскій монастырь. Таковое путешествіе продолжалось до двухъ мѣсяцевъ.

Стефанида Страховская умерла дѣвицею лѣтъ 23-хъ. Она была очень добронравна. Ея братъ былъ характера немного развратнаго, очень даровитъ, но рано пристрастился къ горячимъ напиткамъ и вольной жизни. Онъ впослѣдствіи женился значительно позже меня въ Березномъ, но не отличался доброю жизнію и умеръ въ раннихъ лѣтахъ, оставивъ сына и дочь. Первый убитъ въ нижнемъ чинѣ подъ Севастополемъ, а дочь вышла замужъ за чиновника. Братъ же его Михаилъ, совершенно похожій на умершую сестру Стефаниду, не окончилъ гимназіи, а изъ третьяго класса поступилъ въ Черниговѣ на службу въ губернское правленіе. Вскорѣ онъ отправился въ Петербургъ, а нынѣ служитъ вице-губернаторомъ въ Петрозаводскѣ, куда вызвалъ на службу и зятя своего года два назадъ. Неизвѣстно, какъ онъ тамъ служитъ, но здѣсь онъ, бывши становымъ, сильно пьянствовалъ.—Михайло Федоровичъ Страховскій человѣкъ семейный, но семья его живетъ здѣсь. Когда онъ пишетъ въ Стольное, то всегда передаетъ мнѣ поклонъ. Я съ нимъ больше сошелся, когда онъ пріѣзжалъ изъ Петербурга. Онъ имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника и два ордена. Онъ изъ Стольнаго пріѣзжалъ во время проѣзда преосвящ. Павла. Преосвященный пригласилъ его въ свою карету. Послѣ обѣда у меня и выѣзда Преосвященнаго онъ прожилъ еще дня два.

Послѣ каникулъ, вѣроятно въ 1816 году, я отправился прежнимъ порядкомъ на Березное, откуда вмѣстѣ съ Воронкевичами и учителемъ Гордіевскимъ отправились въ Черниговъ на прежнюю квартиру къ Маляревской, въ уличкѣ близъ церкви Богоявленія, нынѣ каменной Николаевской съ училищнымъ церковнымъ каменнымъ домомъ и прочими службами. Прежде это была убогая деревянная церковь; нынѣшняя же церковь составилась изъ двухъ приходовъ, Николая и Богоявленія. Въ сію церковь по близости мы ходили по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ на богослуженіе. Весьма припоминается мнѣ здѣшній причтъ—священникъ Василій Яроцкій, жившій на углу противъ

церкви, гдѣ нынѣ домъ и аптека Завурвальда; діаконъ Перевозчиковъ, сосѣдъ нашъ по квартирѣ, оба слабенькіе: первый гнусилъ, а второй козлегласовалъ. Изъ прихожанъ помню учителя гимназіи, впослѣдствіи директора оной, Василія Гавриловича Самарскаго. Онъ былъ высокаго роста, уже не молодыхъ лѣтъ, и всегда ходилъ съ большою тростью. Жена его была подобна ему по росту. Онъ любилъ въ каждое служеніе читать изъ книги поученія, въ которыя мы вслушивались не столько для наученія, сколько для скопировки его произношенія и жестовъ. Помню, онъ читалъ проповѣдь въ недѣлю разслабленнаго человѣка: „не имамъ человѣка да ввержетъ мя во купель и инъ прежде меня слазитъ въ оную“... Мы же копировали у себя на квартирѣ: „чловѣчицу имамъ подобную мнѣ по тѣлу и душѣ, съ апетитомъ слушающую мои поученія и чуть не плачущую отъ умиленія“.

Онъ былъ родной братъ березнинского доктора Самарскаго; впослѣдствіи онъ былъ мнѣ полезенъ, о чемъ будетъ сказано ниже.

При поступленіи моемъ въ черниговское духовное уѣздное училище учителемъ латинскаго языка и русской грамматики былъ у насъ Василій Григорьевичъ Левчаковскій, впослѣдствіи родственникъ. Моя теща, Есманская Параскевья Яковлевна, урожденная Левчаковская, синявскаго священника дочь. Яковъ и Григорій Левчаковскіе были ея родные братья. Послѣдній былъ священникомъ въ Носовкѣ. Не знаю, какъ они попали въ священники; отецъ ихъ былъ крестьянинъ Скоропадскаго, и они урожевцы и жители его селенія Чепелева, сосницкаго уѣзда. Третій братъ, меньшій, Стефанъ остался въ крестьянствѣ. Въ то время, какъ я уже былъ священникомъ, онъ, бывая въ торгу въ Синявкѣ, постоянно заѣзжалъ къ отцу Петру Прокоповичу, а послѣ сталъ и у насъ бывать. Онъ былъ уже въ преклонномъ возрастѣ, полагаю, лѣтъ семидесяти, но здороваго сложенія. Уже послѣ его смерти заѣзжалъ иногда его сынъ и привозилъ свои деревянныя издѣлія: ведра, дижки, боченки. Онъ совсѣмъ не былъ похожъ на отца по крѣпости и тѣлосложенію. Они были люди очень бѣдные, жили только рукодѣліемъ, чѣмъ и кормились.—

Помню, что я старался учиться, но былъ хилаго здоровья, запуганъ семейною обстановкою вслѣдствіе отчима и непорядочной его жизни.—При поступленіи Левчаковскій замѣтилъ мое стараніе и въ одно время, когда послѣ обѣда мы въ его присутствіи въ классѣ дѣлали упражненія, онъ, просмотрѣвши мое упражненіе, приказалъ переписать почище и поразборчивѣе, самъ мнѣ починилъ перо и полинеилъ; когда же я подалъ, онъ сверху написалъ: „de loco et eratis Domini Shelechovsky", а посмотрѣвши его задачу или упражненіе, написалъ: „Cura melius", меня же посадилъ на его мѣсто девятымъ на первой партіи и отдалъ мнѣ erat'у. По греческому языку и прочимъ предметамъ былъ у насъ Янчевскій. Они оба послѣ преобразованія поѣхали въ кіевскую духовную академію. Янчевскій уже послѣ выбытія моего былъ профессоромъ въ Черниговѣ, а Левчаковскій выбылъ изъ духовнаго званія и былъ при Кишиневскомъ главномъ начальникѣ правителемъ канцеляріи. Впослѣдствіи женился на дворянской дочери Каменицкой въ с. Мринахъ нѣжинскаго уѣзда, гдѣ имѣлъ порядочное состояніе. Онъ тамъ умеръ въ чинѣ коллежскаго асессора.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КЪ ЮЖНОРУССКИМЪ ПѢСНЯМЪ.

(МАТЕРІАЛЫ ПО ЭТНОГРАФІИ ЮЖНОРУССОВЪ).

Пѣсни народа составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ, въ которыхъ проявляются заразъ и творческія способности народнаго духа, и его самосознаніе. Высказанный въ пѣсняхъ взглядъ на извѣстную историческую личность или событіе, на отношеніе своего народа къ другимъ народамъ, на свое собственное положеніе въ семьѣ, въ обществѣ, на свои собственныя чувства и т. п., обнаруживаетъ предъ нами глубочайшіе извивы и движенія народнаго самосознанія въ данный періодъ времени. Форма пѣсни, ея слогъ, слова, выраженія, обороты, ея голосъ—то размашистый, широкій, свободный, игривый, то скомканный, утлый, какъ бы болѣзненный,—такое или иное сочетаніе голоса со словами—обнаруживаютъ творческій духъ народа. Отсюда слѣдуетъ, что для этнографа содержаніе пѣсни и выраженіе ея въ словахъ, какъ свидѣтельствующія и о самосознаніи и творчествѣ народа, несравненно важнѣе ея голоса, свидѣтельствующаго только о творческихъ способностяхъ народнаго духа. Истина эта—сознательно или безсознательно, неизвѣстно—повліяла на нашу этнографію въ томъ смыслѣ, что она и при собираніи пѣсеннаго матеріала, и при его обработкѣ почти все свое вниманіе обратила на содержаніе и словесную форму пѣсни; голосъ же пѣсенъ какъ-бы игнорировался ею. Взамѣнъ этого голосъ народныхъ пѣсенъ отнесенъ былъ къ области музыки, а эта послѣдняя если и оперировала его, то, ра-

зумѣется, оперировала съ точки зрѣнія музыки, а не этнографіи. Но, само собою понятно, такое отдѣленіе голоса отъ словъ, во-первыхъ, неестественно. Голосъ составляетъ нѣчто такое тѣсное со словами, что самое названіе *пѣсня* получила отъ *пѣнія*. Отнимите вы отъ пѣсни голосъ, то есть ея пѣніе, и вы не будете имѣть права назвать ее пѣснею: это будетъ стихотвореніе. А много ли намъ извѣстно *народныхъ* стихотвореній? Гомеръ, начиная свои безсмертныя поэмы (которыя въ сущности суть то же, что и наши былины или думы), обращается къ Музѣ съ словомъ *воспой*, чѣмъ ясно выражена мысль, что эти поэмы пѣлись, что онѣ собственно говоря—пѣсни. Не то же ли и у насъ на Руси? Наши великорусскія были и духовные стихи, которые въ дѣтствѣ представлялись намъ какъ простыя, мертвыя народныя стихотворенія, впослѣдствіи оказались живыми пѣснями, и какими дивными! А малорусскую думу можно ли представить себѣ безъ пѣнія?

Во-вторыхъ, игнорированіе голоса пѣсенъ этнографомъ и ненаучно. Устраняя цѣлую область предметовъ (голосъ) отъ своего изслѣдованія, этнографъ лишается цѣлаго ряда фактовъ, могущихъ такъ или иначе способствовать разъясненію даннаго вопроса. Возьмемъ, напримѣръ, сличеніе варіантовъ извѣстной пѣсни (съ голосомъ), записанной въ одномъ и томъ же племени, съ варіантами сосѣднихъ племенъ, сосѣднихъ народовъ, сосѣднихъ расъ. Сличеніе можетъ обнаружить фактъ самостоятельности или зависимости въ области поэзіи и пѣнія, а въ случаѣ зависимости укажетъ степень ея и посредство въ передачѣ; сличеніе можетъ обнаружить фактъ сходства или различія въ выраженіи впечатлѣнія по поводу одного и того же событія у различныхъ народовъ; можетъ обнаружить фактъ высокой даровитости или убожества даннаго народа: его мощь, широту, свободу, мягкость, нѣжность, или противоположныя качества и т. д. Иногда одно слово, одинъ голосовой переливъ можетъ раскрыть предъ этнографомъ цѣлую картину изъ физіономіи даннаго народа.—Кромѣ нѣкоторыхъ мелкихъ статей по народной русской музыкѣ, у насъ существуетъ, какъ извѣстно, капитальное изслѣдованіе *П. Сокальскаго: Русская народная музыка* (ве-

ликорусская и малорусская). Въ этомъ трудѣ авторъ касается нѣкоторыхъ изъ указанныхъ сейчасъ нами вопросовъ: напр. изученіе мелодіи русской народной пѣсни даетъ ему возможность видѣть, что въ отношеніи музыкальнаго творчества русскій народъ стоитъ въ весьма близкой и, можно сказать, непосредственной связи съ тѣмъ „азіатскимъ востокомъ, который служилъ колыбелью арійскаго племени“ (индоперсы) [1]) и т. п. Тѣмъ не менѣе и этотъ авторъ, имѣя въ виду русскую музыку собственно въ ея *мелодическомъ* и *ритмическомъ* строеніи, этнографическихъ вопросовъ касается только слегка, мимоходомъ. „Разъясненіе такихъ вопросовъ подвинется впередъ только тогда, говоритъ онъ, когда начнетъ разрабатываться сравнительная музыкальная этнографія... Но такой науки пока еще нѣтъ, да и матеріалы для нея пока еще находятся въ зародышѣ, ибо они не подвергались научной критикѣ и часто не отличаются достовѣрностію [2])“. Но если такой науки и вообще не существуетъ, то тѣмъ труднѣе ея происхожденіе у насъ, въ Россіи, гдѣ такъ рѣдко встрѣчаются и просто музыканты, а музыканты-этнографы и подавно.

Указанное выше игнорированіе голоса нашихъ пѣсенъ, очевидно, происходило не по другимъ причинамъ, а именно по отсутствію у нашихъ этнографовъ спеціальной музыкальной подготовки. Послѣднее обстоятельство сказалось даже въ накопленіи сырого пѣсеннаго матеріала. Если сравнить количество изданнаго текста пѣсенъ съ количествомъ записанныхъ напѣвовъ ихъ, то—не смотря даже на довольно увеличившійся въ послѣдніе годы притокъ нотныхъ изданій (имѣемъ въ виду главнымъ образомъ южнорусскія пѣсни)—окажется между ними громадная разница. Да и изъ обнародованнаго голосоваго матеріала многое, издаваясь не съ научными цѣлями и познаніями, подвергалось въ угоду „красотѣ“, законченности формы, аранжировкѣ и т. п., различнаго рода „исправленіямъ“; а посему и не всегда можетъ служить надлежащимъ матеріаломъ для этно-

---

[1]) Глава XVI.

[2]) Страница 158.

графа. Съ этой точки зрѣнія всякая точная и буквальная запись пѣсенъ съ напѣвами, или однихъ напѣвовъ на прежде собранныя пѣсни, (какъ напр. *А. Рубца: 216 народныхъ украинскихъ пѣсенъ*), несравненно желательнѣе и цѣннѣе въ научномъ отношеніи, чѣмъ различныя роскошныя 3 и 4-хъ голосныя изданія съ аккомпаниментомъ (въ родѣ: *В. Соколовъ. 25 малорусск. пѣсенъ на 4 голоса.* Москва). Съ этой же точки зрѣнія, полагаемъ, не лишними окажутся и наши записи, приводимыя ниже.

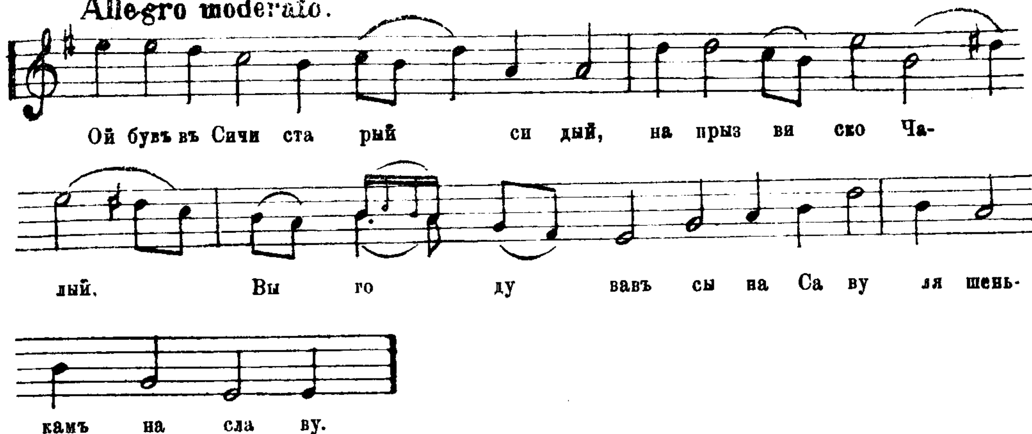
Но прежде чѣмъ приводить самыя пѣсни, сдѣлаемъ нѣсколько техническихъ замѣчаній относительно выраженія напѣва пѣсенъ въ нотахъ. Дѣло касается *размѣра* и *такта* въ народныхъ пѣсняхъ. Кому приходилось транспонировать русскую народную пѣсню (великорусскую или южнорусскую) съ голоса на ноты, тотъ не могъ не замѣтить, что она не поддается тому симметричному расчисленію на такты, какое мы видимъ въ европейской музыкѣ. Въ то время какъ въ послѣдней разъ опредѣлившійся размѣръ выдерживается до конца и такты выдѣляются сами собою, въ русской народной пѣснѣ не только предполагаемый размѣръ часто не выдерживается и такты спутываются, но и опредѣлить-то самый размѣръ и выдѣлить такты иногда бываетъ очень трудно, а иногда просто не возможно. Не взирая на это, наши музыканты (даже нѣкоторые изъ записныхъ), укладывая напѣвъ на ноты, стремились во что бы то ни стало одѣть его въ формы нѣмецкаго покроя. Но такъ какъ это не легко было сдѣлать, ибо пѣсня не поддавалась добровольно, то нерѣдко приходилось насильно въ одномъ мѣстѣ вырѣзывать, въ другомъ прибавлять, въ третьемъ разглаживать и т. п. Наконецъ, пѣсня была одѣта. Что же оказалось? Оказалось, что форма, въ которую облекли нашу пѣсню, пришлась ей не по нутру, что... мы сами себя не познали.

Дѣло въ томъ, что позднѣйшіе самостоятельные труды надъ нашей пѣсней (Сѣровъ, Арнольдъ, Ларошъ, Сокальскій) показали, что народная русская музыка создалась внѣ вліянія эллино-римской цивилизаціи, что она—самостоятельный стволъ отъ общаго корня, колыбели человѣчества въ Азіи, что она еще только на пути развитія (Сокальскій „Русская музыка)“. Посему то, что

свойственно европейской музыкѣ, нельзя примѣнять (по крайней мѣрѣ всегда) къ русской народной музыкѣ. Такъ точно и въ данномъ случаѣ. Сопоставляя замѣчаніе Потебни, что „единственный народный метръ есть полустишіе", съ своими изслѣдованіями, Сокальскій находитъ, что и „истинный *народный тактъ* есть *полустихъ*" (ibid, стр. 280). Отсюда „самое правильное было бы укладывать пѣсню въ ноты и тактъ, отдѣляя тактовыми черточками одно полустишіе отъ другого. Никогда не слѣдуетъ забывать, что внося въ русскую пѣсню наши тактовыя черточки, мы вносили въ народную пѣсню и наши, ей чуждые, акценты" (ibid).

Вполнѣ раздѣляя этотъ взглядъ, мы постарались примѣнить его къ нашимъ записямъ пѣсенъ. При этомъ обнаружилось два явленія: а) и великорусская и южнорусская пѣсня не всегда чужды формъ современной европейской музыки въ видѣ размѣра и такта; б) южнорусская пѣсня чаще приближается къ нимъ, чѣмъ великорусская. Первое, очевидно, объясняется тѣмъ, что русская музыка не только древнѣе такта, но и современна ему (Сокальскій. Ibid.); слѣдовательно, если пѣсни болѣе древняго происхожденія должны имѣть по преимуществу тактъ въ видѣ полустишія, то въ пѣсняхъ болѣе поздняго происхожденія естественно встрѣтить размѣръ и тактъ въ современномъ европейскомъ смыслѣ. Второе явленіе объясняется вообще изъ большаго (сравнительно съ великорусской) сходства южнорусской музыки съ западноевропейской (достаточно указать на *вводный тонъ*, *хроматизмъ* и *мажоръ* въ народной малорусской музыкѣ).

Изъ приводимыхъ ниже пѣсенъ № 1 раздѣленъ у насъ оп полустишію, хотя въ немъ ясно проглядываетъ обычный размѣръ въ $^{3}/_{4}$. Точно также № 3 можно легко уложить въ размѣръ $^{2}/_{4}$, № 4—въ размѣръ $^{3}/_{8}$, № 5 (если первыя три ноты вынести за тактъ)—въ $^{5}/_{4}$, № 6 (если вынести за тактъ первыя двѣ ноты)—въ $^{7}/_{4}$. Въ №№ 9 и 10 дѣленіе на полустишіе не примѣнимо. Что касается №№ 2, 7, 8 и 11-го, то они не укладываются ни въ одинъ изъ извѣстныхъ намъ размѣровъ обычной европейской музыки и могутъ быть раздѣлены только по полустишіямъ.

1. Дума про Савву Чалаго.

Чы бачышъ ты, старый сидый, а що Сава робыть?
Де піймае козаченька, та въ кандалахъ водыть!
Чы не можешъ ты, старый сидый, Савы препыныты
Щобъ переставъ козаченькивъ въ кандалахъ водыты?
Чы не можешъ ты, старый сидый, Сави що сказаты,
Щобъ переставъ Сава панокъ козакивъ грабуваты?
Ой бувъ Сава въ Немырови *въ царя на обиди*,
Та й не знавъ же козакъ Сава объ своей обиди.
Прыихавъ а панъ Сава одъ царя до дому,
Та пытается челяденькивъ, чы все добре въ дому?
— Усе добре, усе добре, тилько одно страшно:
Выглядають гайдамаки изъ-за горы часто.
— Нехай воны выглядають,—я ихъ не боюся:
Есть у мене ясна зброя—одъ ихъ одыбьюся.
Сыдыть Сава конець стола, та й лыстоньки пыше,
А Савыха у лыжечку дытыну колыше.
Сыдыть Сава конецъ стола, та й лысты чытае,
А вже Гнатко зъ Кравчыною двери одчыняе.
— Здоровъ, Сава, здоровъ, пане! Якъ ты прожываешъ?
Издалека гостей маешъ—чымъ ты ихъ вытаешъ?
— А чымъ же васъ, мылы браття, буду угощаты?
Жена сына породыла —буду въ кумы браты.
Не прійшлы мы, пане Саво, до тебе кумоваты,
А прійшлы мы до тебе съ плечъ голову зняты!
— Ой пиды, хлопче, пиды, малый, та вточи горилки:

Нехай выпью за здоровья до своеи жинки.
Иды, хлопче, иды малый, та накопай меду
Тяжко мени на серденьку, мабудь я не буду:
Якъ кынувсь а панъ Сава до своеи зброи,—
Оглянулысь—а головка доли.
Сыдыть Савыха у лыжечку, сыльно проклинае:
Бодай же вы, гайдамаки, на вики пропалы!
Що вы мого пана Саву изъ свита зогналы!

Дума про Савву Чалаго, судя по количеству существующихъ варіантовъ ея, принадлежитъ къ наиболѣе любимымъ и распространеннымъ въ народѣ думамъ. Намъ извѣстны, кромѣ приведеннаго сейчасъ, слѣдующіе варіанты ея: Максимовичъ, Сборникъ Украинскихъ пѣсенъ. Москв. 1834 г. стр. 90 № 14; Закревскій, Избранныя малор. и галицк. пѣсни и думы. М. 1860 г.; Чубинскій, Труды этн. эксп. V, Ш, № 53; Головацкій, Галицкія пѣсни. Ш, I, стр. 9—10 №№ 7 и 8; Головацк. I, стр. 18 № 14; Лисенко, Украинскія пѣсни, вып. II, № 3 стр. 8; Коципинскій, Писни думки etc. Кіевъ. 1885 г. ч. II, стр. 24 № 61; Рубецъ, Сборникъ малорусскихъ пѣсенъ въ количествѣ 100 (пять выпусковъ=1 томъ), стр. 140 № 89. Напѣвъ думы помѣщенъ у гг. Лисенко (ibid.), Коципинскаго (ibid.), Рубца (ibid. и въ Сборник. „216 украинскихъ напѣвовъ“, № 73). Чтобы выяснить взаимоотношеніе этихъ варіантовъ, намъ кажется, слѣдуетъ сопоставить ихъ содержаніе съ дѣйствительнымъ историческимъ фактомъ. Какъ извѣстно, Савва Чаленко или Чалый, малороссъ, родомъ изъ села Молопишъ (надъ Днѣстромъ), служилъ сначала поручикомъ милиціи мѣст. Рашкова въ отрядѣ Верлана, дѣйствовавшемъ въ духѣ народнаго возстанія противъ поляковъ. Затѣмъ онъ измѣнилъ народу, принявъ въ 1736 г. присягу на вѣрность рѣчи посполитой, сдѣланъ былъ затѣмъ полковникомъ и сталъ, уже обратно, нападать, грабить и вѣшать народъ. Эта измѣна вызвала протестъ и месть въ народѣ, хотя долго не находилось достойнаго храбреца для выполненія послѣдней. Наконецъ вызвался „Медвѣдовскаго куреня козакъ“ Игнатъ Голый. Захвативши съ собой Кравчину и другихъ товарищей, онъ, въ ночь подъ Рождество 1741 г., ворвался въ

собственное село Саввы—Степашки и умертвилъ его [1]). Тоже самое приблизительно передаютъ и указанные нами варіанты думы о Саввѣ. Общія черты почти всѣхъ варіантовъ это—дружба Саввы съ ляхами и пиръ („обидъ") въ Немировѣ, „обдираніе" и „разбиваніе" имъ церквей и „козаченькивъ" и, наконецъ, съ различнаго рода подробностями, смерть его отъ Игната Голаго „зъ Кравчиною". Какой изъ этихъ варіантовъ послужилъ прототипомъ для прочихъ, рѣшать не беремся, такъ какъ это дѣло требуетъ спеціальнаго изслѣдователя. Мы только замѣтимъ, что въ варіантѣ г. Максимовича находится и довольно большой прологъ, который въ другихъ варіантахъ или сокращается (какъ и въ нашемъ), или совершенно отсутствуетъ. Нашъ варіантъ—несжатый, но достаточно содержательный. „Ой бувъ Сава въ Немырови *въ царя* на обиди" (ст. 9. У Чубинск.: въ „ляховъ". Ср. также ст. 11)—очевидно, анахронизмъ. Мелодія нашего варіанта, имѣя нѣкоторое сходство въ общемъ съ мелодіею, помѣщенною у Рубца („100 пѣсенъ") и Лисенко, отличается эпическою величавостью и чисто народнымъ характеромъ. И текстъ и мелодія записаны нами въ Добруджѣ отъ „бабки" X.

---

2. Ой Боже нашъ, Боже нашъ (Черноморская).

Andante, con animato.

Ой Бо же нашъ, Бо же нашъ, ой Бо же нашъ ми ло сты вый!

ten.

Що мы по ро ды лысь, ай у сви ти не ща слы ви?

3. А що мы служилы и въ поли и на мори,
Теперъ осталыся нишi й наги, босы й голы!
5. Та мы-жъ думалы, щобъ намъ земли заслужыты,
А щобъ у вольности та хочъ вика дожыты.

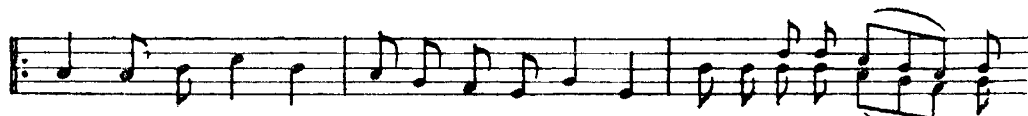
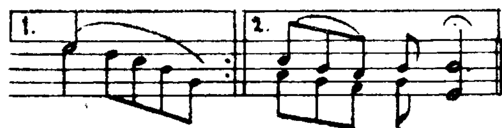
---

[1]) См. Кіевск. Стар. 87 г. № 11: Савва Чаленко, д-ра Антонія I. См. также Кіевск. Стар. 91 г. № 10: С. Чаленко и Игнатъ Голый, Щербины.

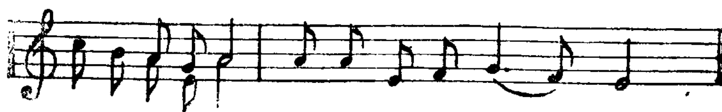
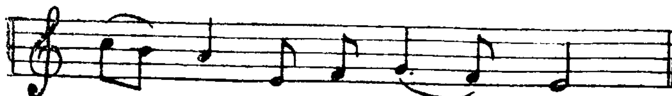
Дарувавъ намъ *царь* землю одъ Днистра та до Богу,
А граныцею по Бендерську дорогу.
Дарувавъ намъ *царь* землю, а теперъ одбырае,
А насъ, запорожцивъ, на Кубань высылае.
Ой ходимо, братьця, на Кубань ричку жыты,
Та будемо жыты, та Бога хвалыты;
Тамъ будемо жыты и рыбу ловыты,
Черкесына, якъ зайця, по горамъ гоныты.

---

3. Ой тысяча симсотъ (Черноморская).

Moderato.

Бувай же здорова, Днипръ рика мутная!
Пидемо въ Кубань, кращои напъемся [1]);
Бувайте здорови, вси курини наши—
Тутъ вамъ безъ насъ повалыться!
Тамъ будемо пыты, тамъ будемъ гуляты
И рыбу ловыты [2]);
А старого черкаса, превражого сына,
Будемъ по скалахъ гоныты.

---

1) 5-й стихъ поется такъ:

2) 9-й стихъ поется такъ:

Указанныя двѣ пѣсни одна другую дополняютъ. Послѣ разоренія Новой Сѣчи (въ 1775 г.) генер. Текеліемъ, запорожцы, оставшись въ неопредѣленномъ положеніи, разсѣялись по селеніямъ и городамъ Малороссіи. Между тѣмъ новообразованная Потемкинымъ Новороссійская провинція требовала охраны со стороны татаръ и турокъ, особенно въ виду приближавшейся войны съ послѣдними (1787—91 гг.). Въ виду этого Потемкинъ поручилъ запорожскимъ вожакамъ (Сидору Бѣлому, Антону Головатому, Захарію Чепѣгѣ и др.) организовать новое запорожское войско, которое и было скомплектовано въ 1787 г. подъ названіемъ „войска вѣрныхъ козаковъ [1])". Въ награду за отличную храбрость, обнаруженную запорожцами въ открывшейся русско-турецкой войнѣ, Потемкинъ (пожалованный въ это время „гетманомъ черноморскихъ екатеринославскихъ козачьихъ войскъ") назначилъ имъ, съ разрѣшенія Императрицы, въ 1790 г. для поселенія „привольныя мѣста" между рр. Бугомъ и Днѣстромъ и отъ себя подарилъ еще болѣе привольную (главнымъ образомъ рыбной ловлей) „округу Еникольскую съ Таманомъ". Не смотря на военное время, запорожцы въ томъ же 1790 г. стали селиться между рр. Днѣстромъ и Бугомъ и за два года успѣли образовать вокругъ Слободзеи до 25 селеній [2]). Объ этомъ именно фактѣ назначенія земли и поселенія на ней запорожцевъ говоритъ первая половина пѣсни „Ой Боже нашъ". Но положеніе запорожцевъ на этой землѣ было тягостно и непрочно, особенно послѣ смерти Потемкина (1791 г.), и они отправили къ Императрицѣ депутацію съ просьбой поселиться на пожалованныхъ имъ Потемкинымъ земляхъ на Тамани. Отвѣтомъ на это прошеніе были двѣ Высочайшія грамоты—отъ 30 іюня и 1 іюля 1792 г., разрѣшившія запорожцамъ перебираться на Кубань [3]). Въ томъ же году запорожцы стали селиться,

---

[1]) Щербина. Кубанское козач. войско. Вор. 88. Стр. 37. См. также Исторію Самоуправл. у Кубанск. коз. Егоже. Кіевск. Стар. 1884, 1—4.

[2]) Щербина. Куб. коз. войско стр. 45—46. См. также: Задунайская сѣчь Кондратовича, Кіев. Стар. 1883, 1.

[3]) Щербина. Куб. коз. войско. Стр. 49. См. также: Матеріалы для историч. Запорож., Кіев Стар. 1882 г. № 8.

и вскорѣ окончательно устроились, въ мѣстахъ, въ которыхъ они когда-то жили, гораздо раньше „руйнования Сичи“ (какъ это видно изъ указа Елизаветы Петровны отъ 11-го іюля 1745 г. [1]).

Эти грамоты Императрицы Екатерины II и послѣдующее затѣмъ переселеніе запорожцевъ на Кубань изображаетъ пѣсня „Ой тысяча симсотъ“ и конецъ пѣсни „Ой Боже нашъ“. Какъ видно, наши варіанты заключаютъ въ себѣ нѣкоторые анахронизмы. Прежде всего грѣшитъ противъ истины выраженіе пѣсни „Ой Боже нашъ“—„дарувавъ намъ царь землю“ (ст. 7): естественнѣе было бы ожидать „царыця“ (какъ въ пѣснѣ „про Руйнования Сичи) или „батько“, „гетьманъ“ (Потемкинъ). Въ приводимомъ г. Кондратовичемъ въ „Кіевск. Стар.“ 1883 г. 1 кн. варіантѣ разсматриваемой пѣсни, этотъ вопросъ обходится употребленіемъ безличнаго выраженія: „дарувалы жъ намъ землю“. Подобный же анахронизмъ составляетъ 1-й стихъ второй пѣсни: „указъ одъ царыци“ вышелъ, какъ мы замѣтили, не „1795 г.“, а 1792 г. Записанный г. Кондратовичемъ варіантъ ея (Кіевск. Стар. 83 г. № 1) ошибается только на одинъ годъ („1791 г.“).

Кромѣ варіанта къ пѣснѣ „Ой Боже нашъ“, записаннаго г. Кондратовичемъ, мы нашли еще одинъ варіантъ у Чубинск. V, III, № 6. Замѣчательно, что послѣдній имѣетъ чисто бытовой характеръ, безъ всякихъ историческихъ указаній. Это даетъ намъ возможность заключить, что варіантъ Чубинскаго—самый древній, и что онъ послужилъ канвой, которой воспользовались Черноморцы для своего настоящаго положенія. Равнымъ образомъ, думается намъ, какъ нашъ, такъ и г. Кондратовича варіантъ пѣсни „Ой 1795 року“—не первичной формаціи. Можно полагать, что прецедентомъ обоихъ этихъ варіантовъ послужила пѣсня, составленная, на тотъ же случай, Антономъ Головатымъ: *Ой годи намъ журытыся, пора перестаты* [2]). Мелодіи обѣихъ пѣсенъ „Ой Боже нашъ“ и „Ой 1795 року“ (голосовыхъ варіантовъ къ нимъ мы не нашли) полны глубокой гру-

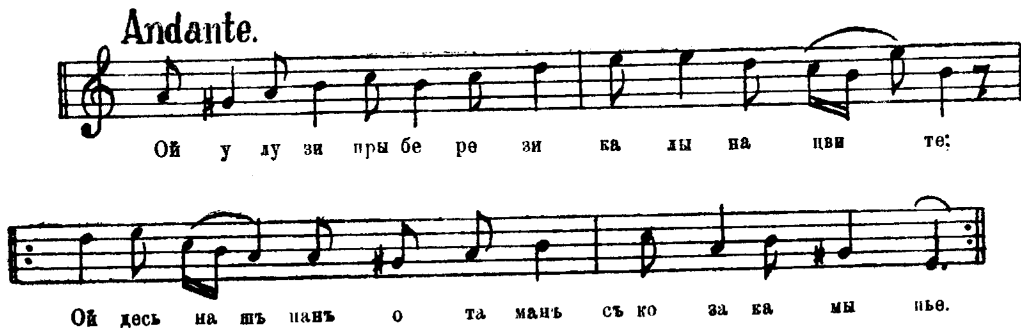
---

[1]) Эварницкій. Истор. Запор. коз. 1892 г. стр. 20.

[2]) См. Максимовичъ. Сборн. Укр. пѣсенъ 1834 г. стр. 133 № 50. См. также: Закревскій. Избранн. малор. и гал. п. 1860 г. стр. 22 № 16 („Черноморця“).

сти и лиризма. Текстъ и напѣвъ первой пѣсни записаны нами въ Добруджѣ отъ „бабки“ Х.; а текстъ и мелодія второй—отъ знатока-собирателя пѣсенъ и т. п. произведеній старины, Л. С. Мацѣевича, преподавателя Одесской дух. семинаріи, который слыхалъ эту пѣсню въ Кіевской губерніи.

---

4. Ой у лузи при березі („Про голоту“. Козацкая, бытовая):

Ой и пье винъ горилочку и солодкый медъ;—
Позволь, батьку отамане, известы наметъ. (2).
Якъ извелы козаченькы голубый наметъ,
Посідалы у намети, пьють солодкый медъ. (2).
Которыи богатіи, то у намети силы;
А убоги сиромахы та не посмилы.
А убоги сиромахы та не посмилы [1]):
Взялы кварту, а другу жарту, та й на дощи силы.
А багачъ иде, а дукарь иде, тай посмихаеться:
За що цяя голотонька напываеться?
Ой якъ гукнувъ панъ отаманъ на козакы:
Берыть, берыть цего багача тай на кулакы!
Одынъ бере, та за чубъ веде, а другый дула бье:
Не йды, не йды ты, багачу, де голота пье!

Пѣсня эта представляетъ характерную бытовую картину изъ древней украинской козацкой жизни. Мы нашли три варіанта ея у Чубинск. (Труды, V, стр, 955 № 41) и два у г. Лисенко (Украин. п. вып. IV № 6, А и Аа, съ напѣвомъ), начи-

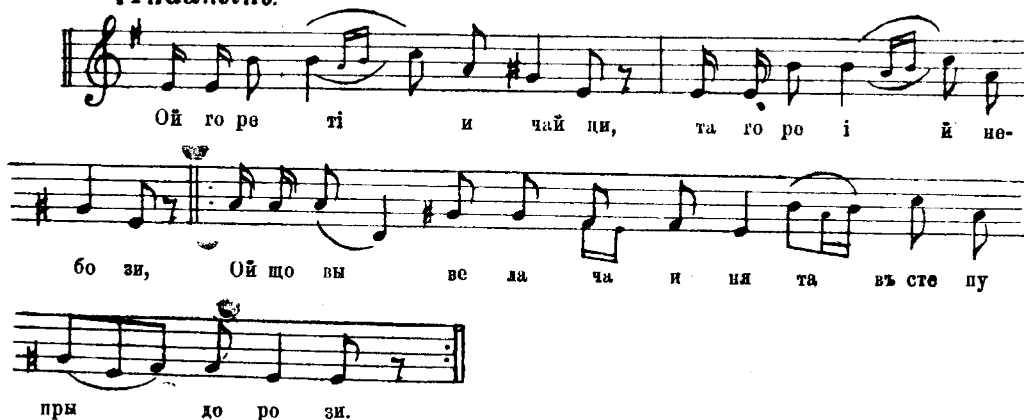
---

[1]) Это повтореніе вызвано напѣвомъ пѣсни.

нающихся приблизительно такъ: „темна хмара наступыла, ставъ дощыкъ иты“. Мелодія варіанта г. Лисенко (А, Аа и Б) имѣетъ сходство съ нашей только въ общемъ узорѣ. И текстъ и напѣвъ нашей пѣсни записаны нами въ Добруджѣ отъ упомянутой „бабки“.

---

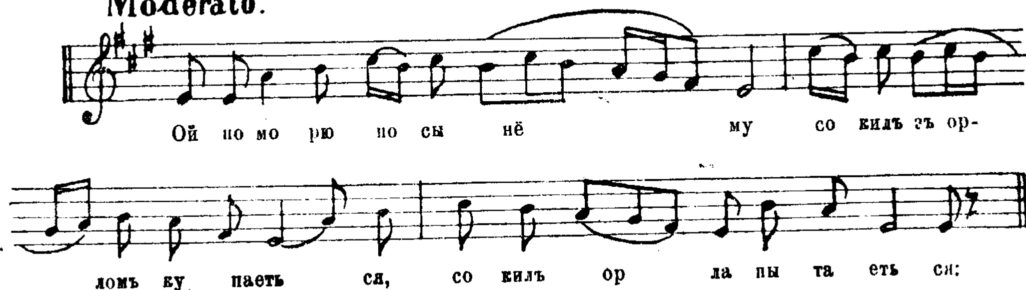
5. **Писня про Чайку.** (Чумацкая).



А тамъ чумаки ишлы, та чаичку зигналы,
А маленькіи чаинята зъ собою забралы.
А прылетила чайка зъ далекого краю,
Та травыченьку прогортае, чаинятъ шукае.
Та траву прогортае, чаинятъ шукае:
Ой тутъ булы чаинята, а теперъ немае.
И траву прогортае, и въ дорогу бьеться,
А сыдыть чумакъ на важныци, зъ чаичкы сміеться.
Ой вы, чумаченькы, та вирне товарыство!
Та возьмить мене изъ собою: буду вамъ слугою.
Та буду волы пасты, та буду прыгоняты,
Та вернить мои чаинята, бо я ихня маты.
— Та годи тоби, чайко, та шукать дитей въ роси,
Бо чумакы чаинята поварылы въ каши.
— Та бодай тіи чумакы та въ Крымъ не сходылы,
Що воны жъ мои чаинята въ каши поварылы!
Та бодай тіи чумакы на викы пропалы,
Що воны жъ мои чаинята изъ свита зогналы!

Эта прекрасная высокохудожественная народная пѣсня чрезвычайно распространена среди живущихъ въ Добруджѣ малороссовъ (гдѣ мы и записали ее отъ той же старушки X.). Можно сказать, ни одна „вечеринка", въ которой участвуютъ женщины, не проходитъ безъ того, чтобы эта пѣсня не исполнялась хоромъ (въ унисонъ), вызывая слезы у присутствующихъ. Довольно полные и близкіе къ нашему варіанты (два) ея помѣщены въ Сборникѣ Чумацкихъ пѣсенъ г. Рудченко (Кіевъ 1874 г.) и (одинъ—отдаленный и не полный) у г. Лисенко (Сборн. пѣсенъ ч. Ш, № 8). Мелодія пѣсни, кромѣ записанной нами, приведена еще у г. Лисенко (ibid.); но сходства между ними нѣтъ, если не считать общей канвы. Настоящую пѣсню про чайку, народную и чисто бытовую, не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это приходилось встрѣчать, съ другою, болѣе распространенною въ Южной Руси, пѣснею про Чайку же (*Ой бида бида чайци небози... Кыгы, кыгы...*), которая (пѣсня) будто бы изображаетъ, подъ видомъ чайки, Малороссію, и сочиненіе которой приписывается различнымъ лицамъ [1]).

---

6. Ой по морю по сынему (про Мыхайла?.)

Чы бувъ ты, орле, на Вкраини,
Чы чувъ ты, орле, объ *новыни?* (2)
Чы чувъ, орле, ту новыну,

---

[1]) A propos. Въ виду тѣхъ недоумѣній, которыя возбуждаетъ эта послѣдняя пѣсня (см. Кіевск. Стар. 1891, № 12 стр. 482), считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь о ней нѣсколько словъ. Закревскій (Избран. малор. и гал. п. и д. 1860 г. стр. 37 № 37) въ примѣчаніи къ этой пѣснѣ говоритъ слѣдующее. „Наивно изображаемая въ этой пѣснѣ участь бѣдной чайки... есть аллегорическое подобіе Украины, нахо-

Що йдуть ляшкы та на войну? (2).
Ой не чувъ я, тилько бачывъ,
Що йдуть ляшкы на тры шляшкы,
А *гусары* на чотыри,
А москали степы вкрылы,
А козакы уси горы, (2).
А козаченькы горы вкрылы,
Шабелькамы заяснылы,
Шапочкамы закрасылы.
А попереду кинь турецькый,
На коныку сынъ отецькый: (2).
Въ правомъ боци свича горыть,
А зъ ливого ричка бижыть; (2).
Горыть свича восковая,
Бижыть ричка кровавая, (2).
А по тій ричци орда скаче,
А по сынови маты плаче. (2).
Та не плачъ, маты, не журыся,
Бо вже твій сынъ оженывся, (2).

дившейся въ XVI и XVII стол. такъ сказать на распутіи между тремя сильными державами - Россіей, Польшею и Турціей... Князь Цертелевъ, а за нимъ и г. Максимовичъ приписываютъ сочиненіе ея Хмельницкому. Но это едва ли справедливо: доказательствъ нѣтъ, а на одно увѣреніе полагаться нельзя... Знаменитый панъ Кониссій въ своей Исторіи Руссовъ (стр. 201) приписываетъ ее Гетм. Мазепѣ...; но онъ объ этомъ обстоятельствѣ повѣствуетъ только съ разсказовъ. Трудолюбивый Бантышъ-Каменскій говоритъ, что пѣсня о Чайкѣ сочинена послѣднимъ кошевымъ Запорожскимъ Петромъ Кальнашемъ. Но ссылки тоже нѣтъ. Впрочемъ, сіе указаніе, судя по слогу пѣсни, есть самое вѣроятное".—Коципинскій въ своемъ сборникѣ (Писни, думки etc. Кіев. 85 г.) дѣлаетъ такое примѣчаніе къ разсматриваемой пѣснѣ: „старожилы въ Батуринѣ приписываютъ ее Мазепѣ". Наконецъ, Н. Костомаровъ въ монографіи „Богданъ Хмельницкій" опять приписываетъ ее Богдану Хмельницкому, хотя и не категорически. „Вѣроятно въ эти грустныя минуты, говоритъ онъ, гетманъ поэтъ создалъ ту печальную аллегорическую пѣсню, въ которой подъ видомъ бѣдной чайки, обижаемой двумя птенцами, плачущей за дѣтей своихъ, выражена такъ поэтически судьба современной Южной Руси, если только правда, что эта пѣсня сочинена лицомъ, а не создана народомъ" (т. III, стр. 241).—Въ виду такого разногласія мнѣній относительно происхожденія разсматриваемой пѣсни, мнѣній и бездоказательныхъ, и другъ друга взаимно уничтожающихъ, слѣдуетъ — за отсутствіемъ болѣе точныхъ данныхъ—или согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ Закревскаго, или признать ее произведеніемъ неизвѣстнаго творца.

Та взявъ соби паняночку—
Въ чистомъ поли земляночку (2).
Безъ дверець и безъ виконця.
Лежыть твій сынъ проты сонця, (2)
Та на кублынку головою,
Прыкрывъ лычко муравою. (2).

Варіантовъ этой пѣсни обнародовано уже довольно много. Укажемъ извѣстные намъ: Максимовичъ, сборн. 1834 г. стр. 149 № 14; Закревскій, Избран. думы стр. 85 № 121; Чубинскій, V, III стр. 22; Головацкій, III, I стр. 7 № 5; I, стр. 98; II, стр. 600; Метлинскій, стр. 447; Лисенко, вып. IV, стр. 12 № 4; Рубецъ, Сбор. 100 пѣс. (5 вып. 1 т.) стр. 22 № 11. Одни изъ этихъ варіантовъ начинаются, подобно нашему, словами: „Ой по морю" (Чубинск.); другіе—словами: *Вôдкôль ѣдешь* [1]) (Максимов., Закревскій, Головац. и друг.). Одни изъ нихъ, подобно нашему, сохраняютъ неопредѣленный характеръ, т. е. представляютъ одну изъ картинъ украинской жизни эпохи Богдана Хмельницкаго или послѣдующей за нимъ (Чубин.); другіе же пріурочиваются къ имени *Михайла* (Максим. Закревск., Головацк. и др.). Въ послѣднемъ случаѣ козакомъ убитымъ является Михайло (ст. 6), все дѣйствіе совершается *на Дунаи* (ст. 4) и (въ ст. 10) участвуютъ въ дѣлѣ, кромѣ другихъ, и *татары*. Какой варіантъ лежитъ въ основѣ всѣхъ варіантовъ этой пѣсни—тотъ ли, который представляетъ общую картину козацкой жизни и который затѣмъ былъ пріуроченъ къ частному событію? или обратно: пѣсня про Михайла съ теченіемъ времени обратилась въ общую пѣсню? Кого нужно разумѣть здѣсь подъ именемъ Михайла? Имѣетъ ли разсматриваемая пѣсня какое-либо историческое значеніе? Рѣшить всѣ эти вопросы на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя у насъ подъ руками, мы не въ состояніи.—Пѣсня (съ напѣвомъ) записана въ Добруджѣ отъ той же старушки.

---

[1]) Въ данномъ случаѣ Закревскій и Головацкій слѣдуютъ орфографіи Максимовича, у котораго, ê, и, ô, ѣ=и (і).

7. **У Одеси на базари.** (Семейная-шуточная).

Allegro moderato.

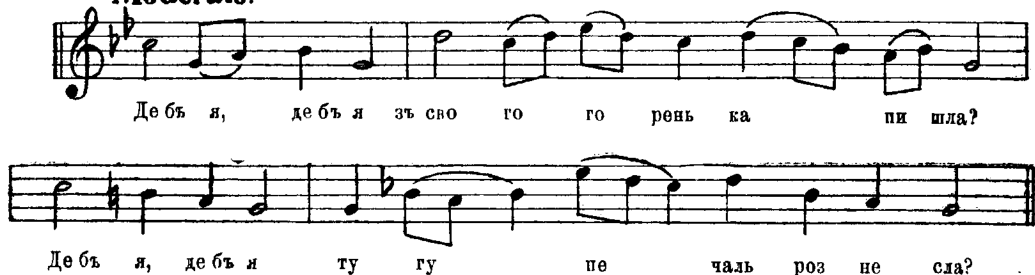
У О де си на ба за ри жин кы му жей
про да ва лы, А я сво го на лы га ла, тай до воза
пры вя за ла, Тай ста ла я, по ду ма ла.

А чы ёго та продаты,
А чы ёго проминяты?
Чы за волы половіи,
Чы за кони вороніи,
Чы за тіи червоньчыкы
Золотіи?
Изъ волыкамы—гоныться,
А зъ коныкамы—водыться,
А зъ червоньчыкамы—носыться:
А мій мылый
Чорнобрывый
Мини знадобыться!
Винъ набре, винъ насіе,
Винъ намеле, напетлює,
Обернуться й поцилуе,
Винъ намеле, напетлює,
Обернуться й поцилуе,—
Такъ годыться!

Только одинъ варіантъ этой пѣсни (текста) мы нашли у Чубинск. V, II, стр. 529 № 130, при чемъ вмѣсто „у Одеси" тамъ стоитъ „у Кыеви". Очевидно Украинская пѣсня занесена была на югъ и здѣсь подверглась измѣненію. Мелодія ея ги-

рива и не лишена изящества. Записана пѣсня въ Добруджѣ отъ той же старушки.

---

8. Де бъ я, де бъ я.

Ой пиду я у зелевый садъ гулять,—
Слышу й выжу, про мня люды говорять.
Полно, полно, зли ворогы, говорыть:
Сама знаю, що въ досади треба жыть.
Ночъ прыходыть—я слезамы пролежу;
День наступыть—я въ досади прохожу.
Полно, полно, зли ворогы, досаждать:
Сама знаю, що зъ досады помирать.
Ой пиду я на ярмарокъ на торжокъ,
Та й куплю а бумажечкы лыстокъ.
Та куплю я лыстъ бумагу гербову,
Та й спышу я всю досадоньку свою, (2)
Та й одышлю у *Россію* у *Москву*.
Ой хто ціи дрибны лысты прочыта,
Той усю мою досадоньку узна.

Эта пѣсня—если судить по ея содержанію—принадлежитъ къ числу пѣсенъ позднѣйшей формаціи: фабричный (или солдатскій) духъ такъ и вѣетъ отъ нея. Если же разсматривать ее со стороны языка, то она, несомнѣнно, пѣсня русская; и малороссы, значитъ, недавно переняли ее, если не успѣли вполнѣ переработать ея языкъ. Тоже нужно сказать и относительно мелодіи ея (характерный хроматизмъ вначалѣ II періода—не намъ принадлежитъ: старушка иногда пѣла съ хроматизмомъ и первый тактъ).

На основаніи 15-го стиха пѣсни можно заключать, что украинскіе жители Добруджи (гдѣ записана эта пѣсня отъ упомянутой старухи) переняли ее или отъ живущихъ тамъ русскихъ раскольниковъ, или отъ русскихъ солдатъ въ войну 1877—78 г.г.

---

9. Гандзю моя, Гандзю. (Гаевка).

Ad libitum. Moderato.

Ганд зю мо я, Ганд зю, ще бе ту шы чко, Повѣдзь ми

Allegro.

прав ды, мо я ду ши чко ши чка: Я. ки въ те бѣ та безъ ме не

Moderato

го сти бу лы, го сти бу лы? И ванъ бувъ зъ Кра ко

Allegro.

ва, ку че ря вый Мар(ы) ко зъ видъ Льво ва, А Мы хай ло / Мо е сердце

Прыдыбайло, / сподобало (зъ Гай во ро на, зъ Гай во ро на.

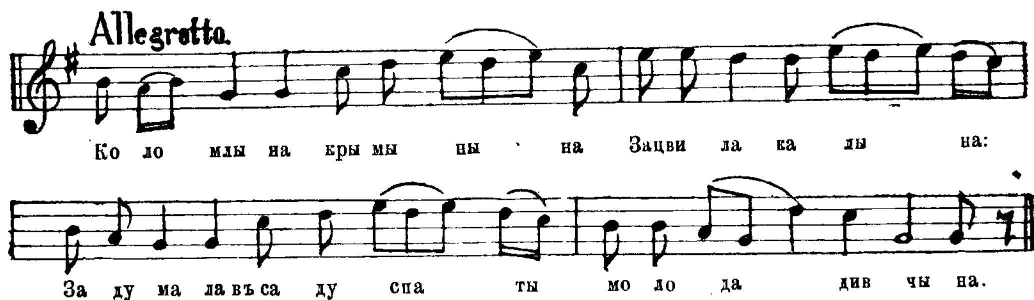
Гандзю моя, Гандзю,
Щебетушычко!
Повѣдзь ми правды, (2)
Моя душычко: (2)
А що въ тебе та безъ мене
Гости илы? (2)
Иванъ ивъ—свыныну
Кучерявый Мар(ы)ко—курятыну.

А Мыхайло-Прыдыбайло,
Мое серце сподобало,
Изо мною, молодою,—
Рыбу лыныну (2)
Гандзю моя и т. д.
А що въ тебе та безъ мене
Гости пылы? (2)
Иванъ пывъ—пывыще,
Кучерявый Марко—горилыще,
А Мыхайло-Прыдыбайло,
Мое серце сподобало,
Изо мною, молодою,
Медъ-вино пывъ (2).
— Гандзю моя и т. д.
А де-жъ въ тебе та безъ мене
Гости спалы? (2)
— Иванъ спавъ—на земли,
Кучерявый Марко—въ соломи,
А Мыхайло-Прыдыбайло,
Мое серце сподобало,
Изо мною, молодою,—
Въ перынп. (2).
— Гандзю моя и т. д.
Якъ видъ тебе та безъ мене
Гости пишлы? (2)
— Иванъ шовъ граючы,
Кучерявый Марко—скачучы,
А Мыхайло-Црыдыбайло,
Мое серце сподобало,
А видъ мене, молодои,—
Плачучы. (2).

Мы нашли только одинъ варіантъ настоящей пѣсни (текста) у Головацкаго (III, II стр. 179), въ числѣ собранныхъ имъ гаевокъ (веснянокъ) жолновск. уѣзда (Ср. также сходную съ ней по идеѣ у Булгаковскаго: Записки Импер. Р. Географ. общ. по отд. этногр. т. XIII, вып. II, Пинчуки. Этногр. сборн., стр. 123 № 24). Можно полагать, что вар. Гловацкаго и есть основной вар. этой пѣсни, а нашъ—представляетъ малорусскую

передѣлку ея. Мелодія ея оч. оригинальна и не лишена извѣстнаго рода элегантности. И текстъ и мелодія записаны нами отъ упоминавшагося уже Л. С. Мацѣевича, который слыхалъ ее въ 1868 г. въ Кіевск. губ., въ селѣ Кашперовкѣ, отъ 80 лѣтняго старика.

---

10. Коло млына. (Веснянка).

Задумала въ саду спаты
Помежъ яблунькамы,
Всю ниченьку розмовляты
Съ тымы панычамы.

***

Ой дай мини, моя маты,
Вышыту сорочку:
Грають хлопци на дудочку
Въ вышневимъ садочку.

***

Ой дай мини, моя маты,
Ружевую бынду,
Не зачиняй, мамцю, двери,
Бо я скоро прыйду.

***

Чужа дочка невисточка
Сыдыть на лавонци:
Ой не пускай, маты, дочкы:
Дочка любыть хлопцивъ.

***

Ой бодай ты, невисточко,
Зъ лавоньки не встала,
Шо на мою дытыноньку
Неславоньку склала.

Варіантовъ этой пѣсни мы не встрѣчали. Судя по содержанію и напѣву ея—она принадлежитъ къ числу веснянокъ. Она любезно была передана намъ г. Т. С. Вышинскимъ, учителемъ пѣнія въ Одессѣ, который записалъ ее въ уманскомъ уѣздѣ.

---

11. Ой дежъ ты бывалъ? (Шутливая).

Ad libitum.

Ой дежъ ты бы валъ, па не то ва ры шу? Ой дежъ ты бывалъ па не то ва ры шу?

Allegro.

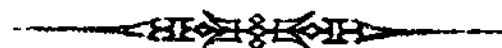
Въ Ва рша ви на справи, серце Ма ры сю. серце Ма ры сю.

А що ты тамъ робывъ, пане товарышу? (2).
— Пывъ, гулявъ, въ карты гравъ, серце Марысю. (2).
— Може тебе тамъ былы, пане товарышу? (2).
— Охъ былы, охъ былы, серце Марысю! (2)
— А чымъ же тебе былы, пане товарышу? (2)
— Кулакамы пидъ бокамы, серце Марысю! (2)
— А може ты боленъ, пане товарышу?
— Ой боленъ, ой боленъ, серце Марысю!

— А може ты помрешъ, пане товарышу?
— Ой помру, ой помру, серце Марысю!
— Якъ по тоби дзвоныть, пане товарышу?
— Дзинь-дзинь дзинь! бомъ-бомъ-бомъ! серце Марысю.
— Якъ по тоби плакать, пане товарышу?
— Ой-ой-ой! охъ-охъ-охъ! серце Марысю!
— А дежъ тебе поховать, пане товарышу?
— У костели подъ престоломъ, серце Марысю.
— Якъ же тебе помынать, пане товарышу?
Стаканамы, бутылкамы, серце Марысю?

Варіанты этой пѣсни (текста) помѣщены у Шейна (Матеріалы для изуч. быт. и яз. р. н. СЗ. кр. т. I, ч. I № 628. См. въ Сборн. русск. яз. и слов. Импер. ак. н. т. 41) и Головацкаго (т. I, стр. 83 № 39 и т. III, I стр. 491 № 23). Полагаемъ, что относительнымъ прототипомъ указаннаго вар. послужилъ варіантъ Шейна, записанный въ Изабелинской волости Гродненской губ. Нашъ вар. представляетъ пѣсню въ бѣглой малорусской передачѣ, съ удержаніемъ многихъ бѣлорусскихъ выраженій и оборотовъ. И текстъ и мелодія пѣсни записаны нами въ Добруджѣ отъ псаломщика Т. Мелодію ея мы часто встрѣчали въ солдатскихъ пѣсняхъ; но такъ какъ въ тоже время намъ удалось слышать эту пѣсню съ подобнымъ же напѣвомъ отъ бѣлорусса, то полагаемъ, что приведенная здѣсь нами мелодія составляетъ оригинальный напѣвъ пѣсни.

В. Быстровъ.



ПАМЯТИ ГЕОРГІЯ КОНИССКАГО.

(1717—1795).

Въ столѣтнюю годовщину смерти Георгія Конисскаго (13-го февраля настоящаго года) мы считаемъ найболѣе умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о нравственномъ складѣ его понятій, насколько они выразились въ литературныхъ произведеніяхъ его.

Въ тотъ самый годъ, когда поступилъ онъ въ кіевскую академію (1728), появилась въ ней драма подъ заглавіемъ: „Милость Божія, Украину чрезъ Богдана Хмельницкаго... свободившая“. Въ драмѣ этой Хмельницкій говоритъ длинную рѣчь, въ которой изображаетъ идеальныя черты козака. По его мнѣнію, козакъ долженъ искать не богатства, а славы, долженъ вести жизнь умѣренную и простую, долженъ любить свою-же младшую братію, не отнимая у нея хуторовъ, млиновъ, лѣсовъ и т. п. Безъ сомнѣнія, автору драмы были очень хорошо из-

вѣстны всѣ эти уклоненія отъ идеала, и онъ хотѣлъ-бы удалить ихъ изъ дѣйствительной жизни авторитетнымъ именемъ Богдана Хмельницкаго.

Но время брало свое...

Чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и настойчивѣе старшина козацкая „выдирала" земли у посполитыхъ и козаковъ, добиваясь всѣми правдами или, лучше сказать, неправдами закрѣпощенія, какъ посполитаго люда, такъ и низшихъ слоевъ козачества. Сидя на своихъ „урядахъ", т. е. занимая извѣстныя должности, она имѣла въ своихъ рукахъ всѣ средства производить на эти слои рѣшительное давленіе, которое часто доводило болѣе бѣдныхъ козаковъ до того, что они отказывались отъ всѣхъ козацкихъ правъ, предпочитая имъ положеніе *подданныхъ*. Съ другой стороны, еще со временъ Петра Великаго все козацкое сословіе обременено было многими тягостями: козаковъ отправ-

ляли тысячами на *канальскія работы,* употребляли ихъ для постройки крѣпостей, для проведенія линій, при чемъ они должны были своимъ порядкомъ нести военную службу, участвовать въ военныхъ походахъ, которые не всегда имѣли прямое отношеніе къ непосредственнымъ нуждамъ страны. Не удивительно, что въ средѣ самихъ козаковъ явилось охлажденіе къ военной службѣ; бывали даже случаи уклоненія отъ нея посредствомъ продажи грунтовъ и приписки въ подданство къ „державцамъ". Все это указывало на близость того момента, который неизбѣжно долженъ былъ наступить, т. е. полнаго закрѣпощенія посполитыхъ при Екатеринѣ Второй (1783 г.). Такъ мало по малу перестраивалась жизнь малорусскаго народа на новый ладъ. Старые идеалы ея, которые связаны были съ именемъ козака, борца за народную свободу, утрачивали свою притягательную силу, становились просто непонятными для новыхъ поколѣній, и это ощутительнымъ образомъ обнаружилось въ произведеніяхъ малорусскихъ писателей къ концу первой половины XVIII в. Такъ, въ интерлюдіяхъ, приписываемыхъ Конисскому, вовсе нѣтъ запорожскаго козака, играющаго важную роль въ Вертепной драмѣ,—нѣтъ даже вообще козака, занимающаго не послѣднюю роль въ интерлюдіяхъ Довгалевскаго. Ни Конисскій, ни литературные современники его не указываютъ на нравственныя требованія козацкаго долга, который въ сознаніи козацкой старшины казался уже чѣмъ-то устарѣлымъ и простонароднымъ.

Тѣмъ не менѣе, малорусскіе писатели не отказывались, стоя на почвѣ религіознаго міровоззрѣнія, затрогивать щекотливые вопросы современной имъ жизни. Это мы и видимъ въ драмѣ Конисскаго „Воскресеніе мертвыхъ", написанной имъ, когда онъ въ санѣ іеромонаха былъ уже преподавателемъ піитики въ кіевской академіи (1745—1747 г.)[1]).

---

[1]) Драма напечатана въ Лѣтописяхъ русской литературы Тихонравова кн. VI по рукописи Императ. публичной библіотеки № XIV О. 2.—Время появленія пьесы здѣсь обозначено 1747-мъ годомъ,—въ рукописи же Кіевской Духовной Академіи № 3, 58 пьеса помѣчена 1746-мъ годомъ.

Дидактическая основа драмы заключается въ мысли о вѣчности или, точнѣе говоря, о вѣчномъ воздаяніи въ будущей жизни, но эта мысль развивается въ примѣненіи къ малорусской дѣйствительности. Это любимая тема Георгія Конисскаго. Къ ней нерѣдко обращается онъ и въ лирическихъ произведеніяхъ своихъ. Такъ, въ одномъ изъ нихъ, написанномъ тоже въ молодые годы его жизни, онъ говоритъ:

„Пойди на поле, что можешь узрѣти:
всѣ сѣмена суть землею покриты
влажной и теплой, ради перемѣни
лежатъ разтлѣнни.
Смотри жъ весною, когда солнце блеснетъ,
все тое, аки отъ гроба, воскреснетъ,
стебль, листъ, цвѣтъ и духъ явятся повсюду
невѣстъ откуду.
А какъ будуща вѣна весна станетъ,
все наше племя отъ гроба возстанетъ
невѣстъ откуду, и въ плоть превратится,
и духъ вселится.
И единъ убо вознесется въ славу,
другій на многихъ восприметъ державу,
инымъ хочъ менша да неисказанна
честь будетъ данна.
Будетъ и Лазаръ, лежавій въ гною,
лежать на ложи вѣчнаго покою,
обступятъ его ангели поющи,
не пси гризущи.
Являтся жъ тогда и грѣшници скверни,
смрадни, безличпи, какъ головня черне,
являтся токмо и тотъ часъ исчезнутъ
въ адову бездну [1]).

Въ этомъ стихотвореніи обрисованъ, можно сказать, весь планъ драмы Конисскаго, въ которой встрѣчаются тѣ же поэтическіе символы вѣчности, какъ и въ стихотвореніи. Начинается она размышленіемъ земледѣльца, который выходитъ на свое поле осматривать вешніе всходы.

„Слава Богу", говоритъ онъ, „не дармо весну праціовали,
И долини и горби пашнѣ поровняли,
Не умерло, знать, въ земли зерно анѣмало,
Ба умерло все, да всежъ и поожнвало".

---

[1]) Рукопись Кіевской Духовной Академія № J. III. 83. 3.

Возвращаясь домой, онъ вспоминаетъ слова священника, сказанныя въ церкви, что

и тѣло наше хочай гноемъ станетъ.
но по смерти, якъ зерно, на страшній судъ встанетъ".

Онъ только затрудняется понять,

„где бъ тое тѣло
взялося, которое на порохъ истлѣло".

Встрѣчаетъ онъ на дорогѣ священника и высказываетъ ему свое сомнѣніе. Священникъ поучаетъ его о праведномъ воздаяніи Божіемъ въ будущей жизни добрымъ и злымъ людямъ. Дѣйствіе заканчивается кантомъ, въ которомъ выражается увѣренность, что настанетъ часъ,

„когда всякъ отъ насъ
восприметъ награду
муки чи отраду".

Во второмъ дѣйствіи выступаетъ на сцену нѣкій Гипоменъ, ограбленный Діоктитомъ. Жалуясь въ судѣ на Діоктита, Гипоменъ не нашелъ тамъ правды. Въ очаяніи отъ преслѣдованій Діоктита онъ не знаетъ, гдѣ ему „подѣтись". Діоктитъ приказываетъ слугамъ своимъ бросить Гипомена въ темницу.

„Гвалтъ, панове",кричитъ несчастный Гипоменъ, „люде,
виноватъ ли въ чемъ тебѣ, судъ на тое буде!"

На это Діоктитъ ему отвѣчаетъ,

что „на судѣ и самъ онъ засѣдаетъ".
что „будетъ онъ отъ должности отрѣшеннiй.
Да будутъ судить его единомысленни.
А буди бы сталъ на мене апеллевать вишше,
И въ вишшемъ судѣ маю патроновъ излишше.
Нехай толко кто схощетъ правду защищати,
А сей мой Юда малой (при этомъ Діоктитъ „капшукомъ трусить")
можетъ доказати:
Ослѣплю очи дарми, руци плѣню мздою".

Не желая однако жъ „съ харпакомъ" судиться, Діоктитъ рѣшается избрать простѣйшій путь для уничтоженія своего безсильнаго противника.

„Лучше", говоритъ онъ, „прибію его въ смерть,
а тое самое
За голову заплачу а хочай и вдвое".

Въ третьемъ дѣйствіи „Терпѣніе" проситъ Бога Гипомену „отъ бѣдъ освобожденія", Діоктиту-же „отмщенія", а „Отрада"

обѣщаетъ, что то и другое наступить для нихъ въ будущей жизни. Тамъ, говоритъ она, Богъ

„За лѣсокъ воздастъ прекрасній рай цѣлій,
За млинокъ превисиреняя круги со свѣтили,
За пляцикъ узкій, за домокъ убогій
Отведетъ въ небеснія жилища чертоги".

Въ четвертомъ дѣйствіи избитый и измученный Гипоменъ умираетъ. Хоронятъ его нищіе и, въ благодарность за его щедролюбіе, когда онъ былъ въ счастіи и въ довольствѣ, „высыпаютъ" надъ нимъ „большую могилу". Между тѣмъ, и дни Діоктита уже сочтены. Заболѣлъ онъ отъ пьянства, при чемъ ему кажется, что онъ

„не лишнее выпилъ, по гавсту въ началѣ
водки сердечной з другомъ испили, а далѣй
вина може съ полу ведра, наконецъ сливянки
росхожой не болшъ было какъ по чтири склянки
да се жъ не первина пить и поболшъ пивалось,
теперь мнѣ не вѣдаю что такое сталось:
дайте мнѣ толко водки и мякое ложе,
какъ вишю, а осъ (sic) мнѣ поможе".

Не помогла водка и мягкое ложе. Умеръ Діоктитъ въ страшныхъ мукахъ.

Въ пятомъ дѣйствіи оба противника, подобно Лазарямъ—богатому и убогому, о которыхъ поетъ народная пѣсня, встрѣчаются на томъ свѣтѣ. Горько жалуется Діоктитъ на свою печальную участь:

„Поплывутъ лѣта, аки краткіе годины,
а грѣшникамъ не будетъ въ мукахъ перемѣны.
Протекутъ тисящами и тмами темъ вѣки,
а грѣшніи пребудутъ въ адѣ человѣки.
Не станетъ числа далѣй, забудемъ начатку,
а и тогда не дождемъ мученій остатку".

Въ прологѣ къ своей драмѣ авторъ говоритъ:

„Комѣковъ свойственна должность сицевая,
Еже учить, въ обществѣ нравы представляя".

И дѣйствительно, въ драмѣ Кониcскаго мы узнаемъ нравы того времени, когда на всемъ пространствѣ Малороссіи выступили низменныя рабовладѣльческія страсти, не сдерживаемыя судомъ общественнаго мнѣнія, подорваннаго многими годами политическихъ тревогъ и всякаго рода случайностей. Конечно,

съ современной точки зрѣнія можно было бы многаго пожелать отъ драматическаго произведенія, которое „нравы представляетъ“, но мы не должны забывать, что это была духовная драма псевдоклассическаго строя, предназначенная для представленія въ стѣнахъ школы, которая, впрочемъ, какъ оказывается, вовсе не чуждалась жизни. Говоримъ это въ виду ходячихъ и, сказать правду, одностороннихъ и не продуманныхъ мнѣній о томъ, что въ стариной нашей школѣ господствовала непроглядная тьма схоластики, мѣшавшая ей видѣть то, что происходило въ жизни...

Тѣ же реальныя картины жизни мы видимъ и въ поученіяхъ Конисскаго, написанныхъ тридцать лѣтъ спустя, когда онъ былъ уже архіепископомъ Могилевскимъ. По обыкновенію, онъ связываетъ эти картины съ идеею воскресенія нашего въ будущей жизни. Такъ, въ одномъ изъ поученій въ день Воскресенія Христова (1787 г.) онъ говоритъ: „воскресеніе Христово есть воскресеніе наше... о чемъ, хотя я уже не однажды говорилъ въ радостнѣйшій праздникъ сей, однако и теперь хлѣбъ сей вамъ предложу [1])“. Пересматривая сборникъ поученій Конисскаго, писанныхъ его собственною рукою, мы нашли, что не въ одинъ „радостнѣйшій праздникъ“ Воскресенія Христова онъ является предъ слушателями своими съ хлѣбомъ этимъ „не скучливымъ на всякій день ядущему“. Такъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ день Новаго года (1788 г.), онъ снова возвращается къ развитію мысли о вѣчности, „числа лѣтъ не имѣющей“. Это одно изъ прекрасныхъ поученій, въ которомъ высказаны тѣ самыя мысли, что и въ драмѣ „Воскресеніе Христово“. „Къ вѣчности, говоритъ проповѣдникъ, я рожденъ есмь. Какъ-же стану имѣніе собирать, домы огромные безъ потребы созидать, владѣнія распространять, не имѣя въ томъ нужды убѣдительной, особливо, естли тіе домы созидаю на развалинахъ нищихъ и сиротъ, естли владѣнія мои тягость неудобосносная и разореніе подданнымъ моимъ: принуждаю ихъ мякинами давитися, дабы самъ, продавши хлѣбъ ихъ, пресыщался и упивался въ шумныхъ на всякій день компаніяхъ; пять сотъ у мене собакъ гончихъ, да пять сотъ же и крестьянъ моихъ отъ

[1]) Рукопись Кіевской духовной академіи № J, I, 31.

глада померло. И се ли пріуготовленіе мое къ вѣчности?... Не помышляю о томъ, что въ вѣчности мнѣ будетъ дѣло не съ собаками, но съ подданными моими, что они будутъ мнѣ и судіи и мстители". Въ томъ-же поученіи Конисскій изобличаетъ тѣхъ людей, которые говорятъ: „я другого корени есмь отъ простолюдиновъ", —которые, „сдѣлавшись судьями, защитниками обижденныхъ, пособляютъ обидчикамъ ихъ,—сдѣлавшись воровъ и мошенниковъ истребителями, одно влагалище, одинъ мѣшецъ имѣютъ съ ними".

Таковъ былъ нравственный образъ одного изъ лучшихъ представителей стариннаго образованія нашего. Какъ въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, такъ и подъ конецъ ея, онъ остался вѣренъ самому себѣ, вооружаясь противъ неправды и насилія, защищая обиженныхъ и угнетенныхъ. Не задолго до своей смерти, оглядываясь на свою прошлую жизнь, онъ самъ для себя составилъ надгробную эпитафію, въ которой съ грустною ироніей, свойственной душевному складу украинца, говоритъ о себѣ такъ:

Градъ Нѣжинъ—колыбель, градъ Кіевъ—мой учитель,
А въ тридцать восемь лѣтъ я сдѣлался святитель.
Георгій имя мнѣ, я изъ Конисскихъ дому
И въ жизни былъ коню подобенъ почтовому:
Сея-то падали закрывъ здѣсь грѣшны кости,
Седьмъ сотъ отъ Рождества годъ пятый девяностый".

П. Житецкій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Два неизданныя письма Т. Г. Шевченка.

(Съ сохраненіемъ правописанія подлинника и съ примѣчаніями М. К. Чалаго).

I.

Къ И. М. Сошенку.

Посылаю тоби мій искренный друже де що моеи никчемнои работы. А любій панночци Ганнуси [1]) замись мазурокъ Шопена наши писни. Нехай грае та веспивуе, та нерадыця съ панною валентиною, вона іи доброму не научить [2]).

Напиши мини свій адресъ, и напиши якъ зовуть пани и пана Красковскихъ [3]) и якъ зовуть Чалого и Чалыху. Андріевскому [4]) самъ занесы рисунокъ и гарненько поклонысь йому одъ мене.

Незабувай искренняго твого друга Т. Шевченка.

Адресъ. Въ С.-Петербургъ въ большой морской въ домѣ графа Уварова Его Высокоблагородію Михайлу Матвѣевичу Лазаревскому.

---

[1]) Ганнуся—младшая племянница Сошенка, съ которою Т. Г—чъ познакомился въ Кіевѣ въ августѣ 1859 г.

[2]) „Валентиной“ названа знакомая Сошенкамъ дѣвица Леонтина, которую поэтъ случайно засталъ у нихъ и много съ нею шутилъ, говоря все время по польски. Панская рѣчь въ устахъ плебея Шевченка польнѣ не понравилась: „pan Szewczenko nie zle mówie popolsku, ale w jego mowie zawszejest coś chłopskiego“—выразилась она о немъ. Т. Г—чъ составилъ о ней мнѣніе, какъ о вѣтренной и пустой дѣвицѣ.

[3]) Иванъ Даниловичъ Юскевичъ-Красковскій—учитель 1-й кіевск. гимн. Наканунѣ выѣзда Ш—ка изъ Кіева въ 1859 г. г-жа Красковская весь вечеръ услаждала слухъ его пѣніемъ малорусскихъ пѣсенъ.

[4]) Маркъ Александровичъ Андріевскій—чиновникъ канцеляріи генералъ губернатора. По ходатайству его поэтъ былъ оправданъ отъ гнуснаго доноса черкасскаго исправника Табачникова.

II.

Къ М. К. Чалому [1]).

2 декабря (1860)

Во имя Госнода вибачайте мини за те що я вамъ пишу теперь коротенько ей богу николе. Передайте нидъ росписку Книгареви 100 экз. Кобзаря нехай винъ продае його по 1—50 копі съ вичатомъ 20 процентовъ за комисію—и нехай заплатыть за транспортъ. Низенько кланяюсь вашій жинци, а купно и вамъ. Якъ зайде до васъ братъ варфоломей то привитайте и порадьте що йому зробить съ Присею и Ганнусею [2]).

До мене що день приходыть Орловскій [3]), здаеця зъ його будуть люди. Бувайте здорови нехай вамъ богъ помога на все добре. Щирій вашъ Т. Шевченко.

Чомъ ота сука соха не обизвиця до мене [4])?

Письмо Т. Г. Шевченка. Въ бумагахъ покойнаго одесскаго книгопродавца-издателя Василія Ивановича Бѣлаго встрѣтилось намъ письмо Т. Г. Шевченка, которое В. И. предполагалъ, вѣроятно, напечатать въ

---

[1]) Изъ пяти писемъ, полученныхъ мною въ 1859—61 годахъ отъ покойнаго Т. Г—ча, четыре помѣщены къ іюньской книжкѣ „Основы" за 1862 годъ, пятое нынѣ помѣщаемое въ „Старинѣ" оставалось по сіе время ненапечатаннымъ.

[2]) Дочери В. Г. Шевченка воспитывались сперва въ частномъ пансіонѣ Г—жи Сааръ; а затѣмъ младшая Ганнуся цѣлый годъ училась у жены И. М. Сошенка.

[3]) Упоминаемый здѣсь Орловскій—нашъ кіевскій художникъ—возсоздатель красотъ украинской природы В. Д. Орловскій, бывшій ученикъ 2-й кіевской гимназіи. При отправленіи его въ академію я снабдилъ его письмомъ ко Т. Г—чу. 16 октября 1860 года писалъ я ему: „Рекомендую вамъ, уважаемый Т. Г—чъ, будущаго дѣятеля на поприщѣ русскаго искусства. Желая посвятить всего себя исключительно одной живописи, Орловскій, оставивъ гимназическую нашу премудрость, намѣренъ поступить въ Академію Художествъ. Судя по его работамъ за послѣдніе два года, подъ руководствомъ вашего общаго друга И. М. Сошенка, и по той страсти, съ какою онъ предавался любимымъ занятіямъ, можно надѣяться, что изъ него современемъ выйдетъ замѣчательный художникъ. Соха присоединяетъ и свою просьбу къ моей.

Примите же, дорогой землякъ, этого симпатичнаго юношу подъ свое покровительство, укажите ему дорогу, по которой онъ долженъ идти... и проч.

[4]) Тутъ дѣло идетъ о Сошенкѣ. Въ другомъ письмѣ отъ 4 Января 1861 года, Т. Гр—ичъ увѣдомляетъ меня, что „старе ледащо таки спромоглося на аркушъ паперу та вже такъ його змережавъ що й курци нема де клюнуть. Та такъ по письменному, що я насылу второпавъ.

задуманномъ имъ малорусскомъ сборникѣ; по крайней мѣрѣ, письмо это найдено нами въ числѣ прочихъ матеріаловъ, собранныхъ для этого сборника. Писано оно на листѣ почтовой бумаги большого формата; подпись изображаетъ инициалы имени и фамиліи поэта, но кому именно адресовано, когда и откуда писано—изъ письма не видно. Въ бумагахъ покойнаго В. И. Бѣлаго сохранилась только маленькая замѣтка карандашемъ, что письмо это писано къ другу поэта, Федору Матвѣевичу Лазаревскому. Это отчасти подтверждается и самымъ содержаніемъ письма, въ которомъ поэтъ вспоминаетъ близкихъ адресату «Васыля и Михайла»—по всей вѣроятности, братьевъ его Василія и Михаила Матвѣевичей Лазаревскихъ, упоминаетъ объ Оренбургѣ, гдѣ именно служилъ Ф. М. Лазаревскій, занимая во время ссылки Шевченка довольно видный постъ, и объ оренбургскихъ знакомыхъ и пріятеляхъ: Залецкомъ—вѣроятно Брониславѣ Залѣсскомъ, съ которымъ познакомился и сдружился Т. Г. во время ссылки, и Поспѣловѣ—прапорщикѣ корпуса флотскихъ штурмановъ, участникѣ Аральской экспедиціи подъ начальствомъ лейтенанта Бутакова («Кіев. Ст.» 1893 г. кн. 2 ст. 246), передаетъ поклонъ К. И. Г.—по всей вѣроятности, генералу Карлу Ивановичу Герну, у котораго Т. Г. жилъ въ Оренбургѣ на слободкѣ по возвращеніи съ Аральской экспедиціи. (Чалый—Жизнь Шевченка, ст. 74 и 80), и Костромитинову—также оренбургскому пріятелю. Кто именно упоминаемый въ письмѣ «Старый Татарынъ», съ которымъ въ Малороссіи случилось непріятное приключеніе,—догадаться не можемъ.

Содержаніе письма отчасти указываетъ и на то, когда и откуда писано письмо. Несомнѣнно, что оно писано послѣ 1-й Аральской экспедиціи, въ которой участвовалъ Т. Г., т. е. послѣ 1849 года, такъ какъ поэтъ вспоминаетъ объ Аральскомъ морѣ, какъ объ извѣстномъ ему (погане А. море), а изъ біографіи Шевченка (Чалый, ст. 75) извѣстно, что по возвращеніи Шевченка изъ экспедиціи въ Оренбургъ, онъ вскорѣ сосланъ былъ въ Новопетровское укрѣпленіе, такъ что, по всей вѣроятности, письмо это послано изъ Новопетровска, тѣмъ болѣе, что Т. Г. рекомендуетъ въ письмѣ подателя сотника Ханрова, служившаго именно въ Новопетровскомъ укрѣпленіи. Установивъ такимъ образомъ, хотя приблизительно, время и мѣсто, когда и откуда было послано это письмо, полагаемъ, что оно не лишено нѣкотораго значенія для біографіи незабвеннаго Кобзаря, ибо, не смотря на нѣсколько шутливый тонъ, свойственный поэту даже въ такое злополучное время, какъ во время ареста (Чалый ст. 63 и

65), письмо это содержитъ однакожъ указаніе на то, что поэтъ нашъ во время пребыванія въ Новопетровскомъ укрѣпленіи очень нуждался (обнищахъ до зіла) и жаловался на свою тяжкую жизнь (як бы я сказавъ, що мини тутъ добре, то тяжко збрехавъ бы). Приводимъ это письмо съ сохраненіемъ въ точности орфографіи подлинника.

Г. Одесса. **М. Комаровъ.**

„Что ефто значитъ, что я сегодня именинница? я тебя ждала! ждала! Варила щеколадъ на цельномъ молокѣ, а ты не пришелъ!“

Изъ частнаго письма.

Это значитъ (сиричъ эпиграфъ сей) что я прошедшаго года ждалъ отъ васъ, не то чтобы письма по крайней мѣрѣ добраго слова, и вельми ошибся. Спрашиваю L и Z не видали ли такого и такого? нѣтъ говорятъ, а я было уже и руку протянулъ за письмомъ. Не только не видали и не слыхали! Шо за недобра мати думаю? Чи не вмеръ винъ тамъ думаю. Такъ же ни, бо въ осени вторикъ питаюся у Костромитенова, де кажу такій и такій? Чи не вмеръ кажу часомъ. Та ни! живисинькій и здоровисинькій. Такъ думаю певно розсердывся, а сердиця здаеця нема за що? Та напиши до мене хочъ слово. А тимъ часомъ привитай оцего доброго и благородного сотника Хаирова. Мы знимъ укупи жили два года и не разу не лаялись, а це я думаю притча во языцихъ. Та ще скажи мени чи не бачивъ ты Поспѣлова. Якъ винъ вернувся изъ Раима, и хто такій поихавъ съ пароходами на те погане А. море. Та ще скажи будь ласковъ Залецкому, якъ верниця винъ въ Оренбургъ что все посланное имъ мнѣ, получено съ благодарностью, та якъ побачишъ Костромитенова то поклонись ему гарненько. И старому тому Татаринови шо въ Малороссіи якась наймичка вихтемъ його умыла, за те шо винъ ні хотив тее... помацать. Та ще отъ що. Якъ будешъ писать до Васыля и Михайла то кланяйся имъ, и спитай у Михайла чи пославъ винъ те шо я просивъ до Лизогуба въ Ч. губернію бо я й доси ничогисинько не знаю, а обнищахъ до зіла. Про себе якбы я сказавъ шо мини тутъ добре, то тяжко збрехавъ бы. Нехай тоби оцей добрый чоловикъ про мене роскаже; винъ мене добре знае. Кланяйся доброму К. И. Г. и всимъ хто мене тамъ знае, оставайся здоровъ. Нехай тоби Богъ помогае на все добре. Не забудь написать до Михайла.—Аминь.

2 августа. Ш.

Къ біографіи Т. Г. Шевченка. Въ 1886 г., въ Одессѣ, при посредствѣ одесскаго старожила и литератора *Николая Григор. Тройницкаго*, познакомился я съ *Петромъ Алексьевичемъ Поповымъ*. П. А. Поповъ кончилъ лицей въ 1830 г. (5 вып.). По выходѣ изъ лицея Поповъ былъ секретаремъ сперва въ одесскомъ церзурномъ комитетѣ, а потомъ въ одесскомъ строительномъ комитетѣ. Вышедши въ отставку, жилъ себѣ на югѣ—то въ Одессѣ, то въ Кишиневѣ, то въ Аккерманѣ. Живъ-ли доселѣ—не знаю; но въ Одессѣ его теперь нѣтъ. Бесѣдуя съ П. А. Поповымъ, я узналъ, что онъ знакомъ былъ съ Т. Г. Шевченкомъ, и попросилъ его разсказать, какъ произошло это знакомство. П. А. Поповъ съ удовольствіемъ согласился. По окончаніи нашей бесѣды и свиданія, я поспѣшилъ записать, что у меня осталось въ памяти изъ разсказа Попова о Шевченкѣ—и эту тогдашнюю мою запись считаю не лишнимъ теперь сообщить; авось она пригодится для *біографіи* Шевченка.

«Познакомился я съ Т. Г. Шевченкомъ въ Москвѣ, въ августѣ 1860 г. у *Пурлевскаго*. Пурлевскій былъ агентомъ *Платона Семеренка*—по сахарному заводу, а Шевченко, какъ извѣстно, имѣлъ связи съ Семеренкомъ. Понятно, почему въ Москвѣ Шевченко знакомъ былъ съ Пурлевскимъ и часто ходилъ къ нему.

Я тоже близко знакомъ былъ съ Пурлевскимъ еще изъ Одессы—разсказывалъ П. А. Поповъ—и, будучи въ Москвѣ, частенько навѣщалъ его. Вотъ однажды Пурлевскій и говоритъ мнѣ: приходите завтра обѣдать,—у меня будетъ Шевченко. Я, конечно, былъ радъ этому. Прихожу. Застаю Шевченка. Онъ одѣтъ былъ во что-то въ родѣ пиджака. Мы обѣдали. Въ разговорѣ я между прочимъ сказалъ Шевченку, что едва-ли правдоподобенъ фактъ въ его повѣсти *«Катерина»*,—что будто отецъ и мать прогнали Катерину. Но Шевченко утверждалъ: это—такъ; это—такой былъ случай.—Показывалъ Пурлевскій мнѣ данный ему Шевченкомъ рисунокъ изъ его подневольной жизни: стоитъ Шевченко съ связанными вверху руками, раздѣтый по животъ, а—сзади солдаты бьютъ его розгами съ обѣихъ сторонъ. Подпись: *оттакъ мы, оттакъ насъ!* [1]).

Говорилъ Шевченко, что выраженіе въ концѣ поэмы его *Кавказъ*: «Мій Якове любый»! относится къ *Якову Яковлевичу* [2]) *де-Баль-*

---

[1]) Мы позволяемъ себѣ сомнѣваться въ правдивости этого извѣстія, такъ-какъ по всѣмъ даннымъ можно смѣло утверждать, что Шевченко никогда наказываемъ тѣлесно не былъ. Интересно было бы установить, былъ-ли вообще подобный рисунокъ писанъ Шевченкомъ. Ред.

[2]) Вѣрнѣе—*Петровичу*.

мену. Это былъ молодой человѣкъ, сынъ эмигранта, вышедшаго еще при Александрѣ I. У нихъ было имѣніе въ полтавской губерніи близъ *Сенжаръ*. Въ этомъ семействѣ бывалъ Шевченко. Они его очень любили. «И я горячо любилъ это семейство,—говорилъ Шевченко;—а они считали раемъ, что я у нихъ бываю; живи съ нами постоянно, неразлучно—говорили они. Такъ этотъ молодой человѣкъ де-Бальменъ погибъ на Кавказѣ во время извѣстнаго Воронцовскаго похода на *дарго* въ 1845 г. Шевченко горько оплакивалъ гибель своего молодого друга»....

Больше ничего нѣтъ въ моей записи изъ разсказа П. А. Попова о Шевченкѣ. Объ одномъ жалѣю,—что я всего *одинъ разъ* видѣлся и бесѣдовалъ съ П. А. Поповымъ и поэтому не могъ пополнить и провѣрить записанныхъ мною его воспоминаній о Шевченкѣ дальнѣйшими разспросами...

Сообщ. **Левъ Мацѣевичъ.**

Письмо въ редакцію.

Много лѣтъ назадъ Т. Гр. Шевченко продиктовалъ мнѣ стихотвореніе, заставилъ выучить его наизусть и научилъ, какъ его декламировать. Не помню, называлъ ли онъ автора стихотворенія, но, кажется, нѣтъ; одно помню, что своимъ онъ его не называлъ, да и языкъ, слогъ, стихъ, самая манера, которой написано стихотвореніе, конечно, не его. Однако, чье же оно? Какъ я ни старался узнать это, какъ ни розыскивалъ, было ли оно напечатано, не достигъ никакихъ результатовъ. Можетъ быть, Вы сочли бы полезнымъ его напечатать и тѣмъ вызвать указанія со стороны лицъ болѣе чѣмъ я, свѣдущихъ въ малорусской литературѣ. Стихотвореніе по содержанію заимствовано изъ цикла разсказовъ о Ѳомѣ и Яремѣ, о которомъ была спеціальная статья проф. Аристова.

Хома та Ерема.

Хома зъ Еремою йдучи
Найшовъ часы;
У рукы ихъ тыхенько взявъ
И промовлявъ:
И що воно за штука,
Що стукае та й стука?
Дывыся, пане-бра,
Отце хиба мара?
Та й цокае жъ та й цока,
Побый його морока:
На що воно здалось
И видкиля взялось?

Кому воно въ прыгоди?
Кумедія тай годи!
Визьму тай розибью
Врагову манію.
Хомо, Хомо, дурный есы!
Не бый, а лучше продасы,
Бо то часы.
Це тее, щобъ ты, брате, знавъ,
Що, якъ живитъ и пивень намъ,
Росказуе панамъ,
Колы пора трапезовать,
Колы лягать,
Колы вставать,
Або колы гулять.
Поповичъ нашъ, ученый страхъ!
Росказувавъ, що въ сихъ часахъ,
Якъ у млынахъ,
Або ще й бильше е колисъ—
Не знаю вже, який ихъ бисъ
Туды занисъ!
Часы си срибны, такъ за ныхъ
И грошыкы узять не грихъ
Зъ панивъ дурныхъ
Ходимъ же, братику Хомо,
Отци дзыгары продамо,
А гроши пропьемо!

Ал. Маркевичъ.

Для чего и въ какой обстановкѣ пріѣзжалъ кн. Меншиковъ въ Малороссію въ 1720 году. Въ лѣтописи Самовидца записано: «Свѣтл. кн. Александръ Меншиковъ въ 1719 г. былъ на Украинѣ и въ слободахъ, *со всѣмъ домомъ своимъ*, до которого первѣе въ Шептаки за Десну, зимою, а потомъ въ Гадячъ, по Воскресеніи Господнемъ, ѣздилъ гетманъ Скоропадскій»... Въ другой лѣтописи значится подъ тѣмъ годомъ: «Кн. Ал. Меншиковъ былъ на Украинѣ въ постъ великій, которого гетм. Скоропадскій съ старшиною встрѣчалъ въ Шептакахъ и тамъ пріймовалъ соленнитеръ; оный же Меншиковъ *гостилъ въ Гадячемъ и на многіе его вымысловъ требованія* отвѣтствовалъ гетманъ письменно».... (Сборн. Лѣтоп., изд. Кіевск. Арх. Ком., стр. 54). Бант.-Каменскій (III, 134), указывая тотъ же 1719-й годъ, говоритъ: «*Страсть къ обогащенію привлекла кн. Меншикова въ Малороссію.* Для совѣщанія съ нимъ о драгунскихъ полкахъ, расположенныхъ около Стародуба, Скоропадскій ѣздилъ въ Шептаки и въ

Гадячъ». Эти отрывочныя свѣдѣнія говорятъ, что Меншиковъ пріѣзжалъ въ Малороссію и прожилъ тутъ съ конца 1719 г. до полов. 1720 г., а м. б. и дольше; пріѣзжалъ онъ въ Малороссію, судя по этимъ замѣткамъ, будто бы для разговоровъ о расквартированіи драгунскихъ полковъ, хотя Б.-Каменскій вскользь и называетъ главный мотивъ пріѣзда.—Свѣдѣнія эти требуютъ поясненія, сущность которыхъ заключается въ томъ, что Меншиковъ пріѣхалъ въ Малороссію въ к. 1719 г., потому что весною слѣдующаго года должно было быть начато, согласно царскому указу, «обмежеваніе» отданной Скоропадскимъ Меншикову Почепской волости—дьякомъ Лосевымъ. При этомъ Меншиковъ имѣлъ въ виду, при помощи своихъ прислужниковъ, въ родѣ Гудовича, примежевать къ Почепской волости—сотни Мглинскую и Бакланскую и часть Стародубской... (Опис. Стар. Малор., I, 279). Для исполненія этого намѣренія нужно было на Скоропадскаго оказать извѣстное давленіе, чтобы предупредить мѣстные протесты. Вотъ съ этою то цѣлью и пріѣхалъ въ к. 1719 г. въ Малороссію Меншиковъ, *со всѣмъ домомъ своимъ*; пріѣхалъ онъ сначала въ Шептаки (около Н. Сѣверска), гдѣ былъ встрѣченъ «солленѣтеръ» гетманомъ; за симъ отправился въ Нѣжинъ, гдѣ прожилъ до ѳоминой недѣли 1720 г., когда отправился въ Гадячъ для того, (какъ можно догадываться) чтобы отвлечь сюда гетмана съ старшиной на то время, когда Лосевъ будетъ «обмежовывать» Почепщину.... А въ какой обстановкѣ пріѣхалъ по этому случаю въ Малороссію Меншиковъ, объ этомъ говорятъ слѣдующія свѣдѣнія.

Когда Меншиковъ собрался переѣзжать изъ Нѣжина въ Гадячъ, то объ этомъ былъ извѣщенъ «господарь Гадяцкого замку», которымъ тогда былъ Михайло Турковскій (впослѣдствіи генер. писарь), для приготовленій. Въ чемъ зеключались между прочимъ эти приготовленія, показываетъ слѣдующее письмо Турковскаго къ гетману.

«Ясневелможний премилостивѣйшій мой доброцѣю. Прибывши недавно зъ Нѣжина отъ свѣтлѣйшого князя его мил. г. енерала фелтъ маршала и кавалера Александра Даниловича Меншикова г. примеръ маіоръ Володимерского полку Александеръ Тимофѣевичъ Ржевскій обявилъ мнѣ, же его княжая свѣтлость наступающій свѣтлого Христова воскресенья праздникъ въ Нѣжинѣ отправовати мѣетъ, отколь ѳоминой недѣлѣ намѣренъ прибити зо всѣмъ своимъ штапомъ въ Гадячъ, где по указу велможности вашой на штапъ при его свѣтлости будучій квартери определены суть, также провіанту и фуражу зъ потребу приуготовлено, а особне для квартированя его княжой свѣтлости

дворъ его мил. пана судіи войскового енералного (Чарныша) належите есть очищенный. Зъ нимъ же г. примеръ маіоромъ отправленный передомъ въ Гадячъ, для вареня пива и полпива, двору его свѣтлости пивоваръ прекладалъ такъ пану полковникови (Милорадовичу), яко тежъ и мнѣ, же мѣетъ его свѣтлости указъ приуготовити тридцать варовъ пива и якъ належитъ въ ліодовняхъ спратати, для чего поневажъ солоду приспособити належитъ, того ради по совѣту и согласію зъ паномъ полковникомъ расположилисмо по сотняхъ потребные солоды, хмѣль и бочки пивные собрати. Его жъ княжой свѣтлости указомъ прекладалъ мененный г. маіоръ, жебы всѣ улицы въ Гадячомъ належите были вымощени, на що приуготовленые для оправленя опалого города дубовые палѣ употреблены суть, зъ якихъ немалымъ числомъ людей войсковихъ, яко тежъ и посполитихъ мосты (замощеніе) по улицахъ дѣлаются. О семъ служебничо доносячи велможности вашой, премилостивѣйшого моего пана патрона и добродѣя найнизший подножокъ Михайло Турковский. Зъ замку Гадяцкого. 30 апрѣля, 1720 року».

При этомъ интересномъ письмѣ, показывающемъ, какъ могъ властно распоряжаться въ Малороссіи Меншиковъ, приложенъ слѣдующій за симъ поименный списокъ «штаба» и разнаго рода служителей, которые, въ количествѣ почти ста, сопровождали Меншикова, получая при этомъ «порціоны и раціоны».

Сообщаемые здѣсь документы, въ новѣйшихъ копіяхъ, принадлежатъ къ числу бумагъ М. О. Судьенка.

А. Л.

«Реестръ обрѣтающимся при генералу фелтъ-маршалу, кавалеру, свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу Меншикову штапу и другимъ служителямъ, а именно:

Флигель адьютанты. Федоръ Щербаковъ, Степанъ Несторовъ, порутчикъ Федоръ Коржавинъ, прапорщики—Алексѣй и Семенъ Полчанниковы. *Докторъ.* Балтазаръ Виль. *Лѣкаръ.* Яганъ Шулцъ. *Секретари.* Яковъ Веселовскій. Яганъ Гардвикъ. *Нотаріусъ.* Федоръ Зеленой. *Регистраторъ.* Евдокимъ Ададуровъ. *Канцеляристы.* Данилъ Евстафіевъ. Петръ Барановъ. Андрей Яковлевъ. Дмитрій Карповъ. Дмитрій Спировъ. *Денщики.* Петръ Мизиринъ. Андрей Михайловъ. Терентій Давыдовъ. Андрей Звѣрковъ. Глѣбъ Веревкинъ. Михайло Лодыжинской. Ерофей Самсоновъ. Ларіонъ Выходцовъ. Евтихъ Подчерковъ. Василій Веселовъ. Марта 21 дня 1720 году. Адъютантъ Федоръ Щербаковъ.

Сіи вышеписанніи всѣ получаютъ подлугъ уставу царского величества указанніе порціони по своимъ рангамъ. А сверхъ сихъ офицерскихъ раціоновъ свѣтлѣйшого самого князя его милости прибуло дарованнихъ коней десять зъ лишкомъ, на которихъ указаніи получають раціони.

1720 году, марта 23. Роспись гофъ шкадрона капраломъ и рядовымъ драгунамъ, которіе при его свѣтлости обрѣтаются въ Нѣжинѣ.

Капрали. Іванъ Новогородовъ, Алексѣй Белковъ. *Драгуни.* Никифоръ Козловъ, Андрей Чумичевъ, Никифоръ Константиновъ, Прокофій Кнютинъ, Ефимъ Гриновъ, Ісай Ишинъ, Андрей Ишинъ, Прокофій Помогаевъ, Гаврило Романовъ, Семенъ Малонѣевъ, Володимеръ Кириловъ, Филимонъ Денюкинъ, Савелій Кириловъ, Павелъ Непашевъ, Мина Котящевъ, Василій Поповъ.

Сіи вишеписанніи сами порціони получаютъ безъ раціоновъ.

Імена служителемъ дому его свѣтлости, которіи изобрѣтаются въ походѣ.

При его сѣтлости. Сава Василіевъ, Іванъ Набоковъ, Михайло Тарицынъ, Гаврило Лукинъ, Тихонъ Поляковъ, Иванъ да Евстратъ Копіевы. *При канцеляріи.* Іванъ Соболевскій, Артемій Дубасовъ. *Сторожъ* Емеліанъ Івановъ. *Пѣвчіе.* Іванъ Бориславской, Данило Ежовскій, Астанъ Вороновскій, Григорій Коновецъ, Семенъ Димитріевъ, Яковъ Фоминъ, Петръ Фоминъ, Филипъ Івановъ. *При сребрѣ.* Михайло Ивинской, Дорофей Сирковской. *Пажи.* Давидъ Михайловъ, Іванъ Хвостовъ, Александръ Пробишевской, Михаилъ Хомяковъ, Василій Дурной, Сергѣй Яковлевъ. *Бандуристъ* Кондиревскій. *Хлопци.* Крестьянъ, Яганъ, Гаврилъ. *Французъ* Морель, *танцмейстеръ* Петръ Калмикъ. *Гайдуки.* Василій Оглоблинъ, Трофимъ Малиновъ, Іванъ Восиковъ. *При казенной.* Іванъ Мазай, Федоръ Изволовъ. *Мушики* (мундшенки?) Петръ Струнинъ, Евтихій Подчартковъ. *Портніе.* Антонъ Каширевъ, Фома Сапожниковъ, Михайло Трединъ, Яковъ Гороховъ, Никифоръ Коптевъ, Федоръ Лобиревъ. *При конюшнѣ.* Федоръ Ушковъ, *каретникъ* Федотъ Пахомовъ, *шорникъ* Ефимъ Емельяновъ, Якубъ Турчаниновъ, Фотинъ Шивникъ, Фридрихъ Гантъ, Юрій Боличъ, Семенъ Кривцовъ, Іванъ Хохолъ, Алексѣй Петровъ, Филимонъ Константиновъ, Ларіонъ Быковъ. *Повара. Кухмистръ* Яганъ Мрадишъ, Василій Облоушенокъ, Іванъ Прокофьевъ, Герасимъ Андреевъ, Кузма Борисовъ, Матвѣй Потакинъ, Ілія Федосьевъ, Никита Ісаевъ, Герасимъ Морозовъ, Тихонъ Ладожниковъ, Василій Конюшевъ. *Хлѣбники.* Макаръ Родіоновъ, Алексѣевъ Гуляевъ, Гаврило Садовниковъ.

Скатертники. Денисъ Михайловъ, Никита Васильевъ, Юрій Карелъ, Емельянъ Юріевъ. *Рѣзникъ.* Войцехъ Жижленскій. *Пивовары.* Борисъ Садовниковъ, Обросимъ Семеновъ. *Конфектній майстеръ* Мотисъ Холмъ, при немъ изъ гребціовъ Иванъ Поповъ. *Гребци.* Тимофей Емельяновъ, Василій Тентяковъ, Гаврило Грицкой, Григорій Конищевъ, Алексѣй Цыганъ, Іванъ Круковъ, Иванъ Зубчаниновъ, Прокофій Оковъ, Осипъ Алексѣевичъ Балберъ, Карлъ Бекеръ. *Парукъ махиръ.* Николай зъ учениками.

При г. полковнику Колтовскому два человѣка служителей. Всего 93 человѣка.

Марта 23 дня, 1720 году.

А еще сверхъ сихъ прибуваютъ часто и порціоновъ всѣ требуютъ. Сіи вышписанніи безъ раціоновъ получаютъ».

„Листъ" печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля на сборъ милостыни для выкупа у татаръ плѣнника. «Всѣмъ вобецъ и кождому зособна, хотячому видѣти, албо чтомое слишати, якъ въ духовъномъ чину, преосвящрннимъ архиепископомъ, боголюбивимъ епископомъ, преосвященнѣйшимъ архимандритомъ, всечестнымъ игуменомъ и монастырей строителемъ, пречестнимъ протопопомъ, чернимъ іереомъ, парохіалнимъ и всякой годности церковънимъ особамъ, яко и въ мирскомъ, ясневелможности, велможнимъ, благороднимъ, славетънимъ, его царского пресвѣтлого величества бояромъ, околничимъ, вождамъ войскъ, воеводамъ, столникомъ, полковъникомъ, головамъ, сотникомъ, асауломъ, атаманомъ, такъ же войтомъ, бурмистромъ и всякой кондиціи, титули и годности, такъ стану рицерского, яко и посполитого людемъ, повсюду знайдуючимся, побожнимъ хрестіаномъ, моимъ велце милостивимъ паномъ, стосуючися до листу свѣдочного и причинного святѣйшого господина отца и пастиря нашего Іякова, Божіею милостію архіепископа Константинополского и вселенского патріархи, за нижей менованною особою и я, Іннокентій Гизіель, милостію Божіею архимандрита святія великія чудотворнія Лаври Кіево-Печерскія, молитвы мои и поволнія услуги залецивъши, вношу покорную прозбу мою за оказателкою сего писмени моего учтивою Анною Григориевою, котрая доставъшися при збуреню Канева въ неволю бѣсурманскую зъ сыномъ и сама, зъ волѣ Бога Вседержителя и милосердія побожнихъ православнихъ хрестіанъ, выкуп-

лена одъ оныхъ зоставши на свободѣ и сына подняла на окупъ, которого не маючи отколъ узяти, удается до людскихъ всякихъ милостей, жебручи милосердія и политованія . . . . . кого. Рачъте теди, милость ваша, зичачи собѣ кождий милости у Всемилостивого Творца получити и сію просящую милостынею святою, що кому Господь Богъ подасть до сердца, для высвобожения неволника сына ласкаве вспомогати. Святобливий той учинокъ свободою вѣчною небесною Царъ неба и землѣ милостямъ вашимъ ногородитъ и я узнаную важность причини моей милостивими и поволними услугами моими весполъ зъ дознаваючими милосердія вашего завдячати готовъ естемъ, а для тимъ лѣпшой вѣри рукою власною подписуюся, при звиклой печати монастирской. Писанъ въ монастирѣ Печерскомъ Кіевскомъ, року 1681, септеврия 27. Іннокентій Гизіель, архимандритъ Печерскій». *(Съ подлинника, наход. въ бумагахъ М. О. Судьенка).*

Сообщ. А. Л.

Свидѣтельство современника о Наливайкѣ. Печатаемый ниже отрывокъ заимствованъ изъ историческаго очерка царствованія Сигизмунда III, кн. Станислава-Альбрехта Радзивилла, канцлера вел. кн. Литовскаго, очерка, изданнаго въ переводѣ съ латинскаго Ѳ. Котлубаемъ (Ateneum, 1848 г., № 3). Въ виду скудости и недостовѣрности свѣдѣній о Наливайкѣ, этотъ разсказъ современника имѣетъ немалое значеніе.

«*О козакѣ Наливайкѣ.* Во время отсутствія короля [1]) изъ Польши произошло возстаніе козаковъ. Вождь ихъ назывался Наливайко. Онъ съ собранной чернью разорялъ города, замки и села, вымогая деньги. Пришелъ онъ также и къ Олыкѣ, къ моему отцу. Съ нимъ вели переговоры въ мѣстечкѣ, внѣ замка. Онъ желалъ узнать, почему его не пустили въ замокъ, и когда одинъ изъ дворянъ приводилъ различныя причины, по которымъ это было невозможно, отвѣчалъ: «Вы думаете, что я не былъ въ замкѣ? былъ и даже переодѣтымъ слугой. Вѣдь когда недавно вы возвратились изъ обоза, то отдали подержать верхового коня мужику, несшему дрова въ кухню. Это былъ я, и потому и знаю, что тамъ дѣлается». Всѣ остолбенѣли, пораженные смѣлостью этого человѣка».

«Замойскій поручилъ гетману Жолкѣвскому, въ то время каштеляну Львовскому, собрать войско и усмирить бунтовщиковъ. Узнавъ

---

[1]) Сигизмундъ III.

объ этомъ, Наливайко возвратился на Русь, гдѣ въ ожесточенномъ сраженіи долго и упорно бился съ нашими, пока наконецъ Жолкѣвскій не побѣдилъ и не захватилъ бунтовщика (подъ Дубнами въ 1596 г.), который былъ мученъ въ Варшавѣ разными пытками. Осужденъ онъ былъ также на лишеніе сна, и это наказаніе, какъ онъ признавался, было для него самымъ тяжкимъ. Наконецъ ему была отрублена мечемъ голова, а также и другимъ, сражавшимся подъ его знаменами. Это было началомъ того, что мы видимъ теперь—предвѣстіемъ будущей измѣны козаковъ. И справедливо Рѣчь Посполитая наградила великими почестями Жолкѣвскаго за то, что онъ съ великимъ мужествомъ, при Божьей помощи, покончилъ съ этимъ дѣломъ».

Сообщ. **Е. К.**

Святочная народная драма „Тронъ“ (въ херсонской губ.). Народная драма о царѣ Максимиліанѣ и непокорномъ сынѣ его Адольфѣ широко распространена по всей Россіи и пользуется популярностью болѣе всего, если не ошибаемся, въ военной средѣ. «Царя Максимиліана» представляли матросы во время кругосвѣтнаго путешествія нынѣ царствующаго Государя Императора (о чемъ разсказываетъ кн. Ухтомскій въ I т. своего описанія этого путешествія). Проф. кіевской духовной академіи Н. И. Петровъ сообщаетъ намъ, что «Максимиліана» на его памяти представляли въ началѣ 50-хъ годовъ солдаты въ Макарьевѣ костромской губ. въ казармѣ, а отъ солдатъ переняли ученики тамошняго духовнаго училища. Пьеса эта извѣстна и на югѣ Россіи. Въ «Кіевской Стар.» (1887 года № 12, стр. 798—799) помѣщена была замѣтка о «Царѣ Максимиліанѣ» въ Ковлѣ (волынской губ.); въ ней находимъ свѣдѣніе, что названная пьеса бытуетъ, на ряду съ колядованьемъ и святочнымъ переряживаніемъ, въ средѣ мѣщанъ-парней, что она занесена въ этотъ городъ пришлымъ солдатомъ, и что языкъ ея смѣшанный: великорусско-малорусско-польскій. Н. И. Петровъ обязательно предоставилъ въ наше распоряженіе списокъ «Максимиліана», сдѣланный въ 1864—5 учебн. году студентомъ кіевской академіи Ю. И. Татаровымъ въ черкасскомъ у. кіевск. губ. По этой записи (въ ней воспроизведена и бытовая обстановка, при которой авторъ узналъ о пьесѣ) «Царя Максимиліана» пропагандируетъ въ малорусской средѣ какой-то великороссъ Микифоръ, который при этомъ трунитъ надъ нелѣпымъ, по мнѣнію его,

обычаемъ колядованья у малороссовъ. Вслѣдствіе того, что пьеса передается здѣсь со словъ этого Микифора, она лишена всякаго мѣстнаго колорита, характерныя, по замѣчанію г. Татарова, рѣчи гробокопателя списаны не были по причинѣ быстроты рѣчи при устной ихъ передачѣ. Званіе Микиты по записи неизвѣстно.

Мы имѣли въ своихъ рукахъ послѣдовательно три списка «Царя Максимиліана» изъ херсонской губ..—два изъ александрійскаго и одинъ изъ елисаветградскаго уѣзда. Сходство ихъ по составу дѣйствующихъ лицъ по сюжету и по языку, который всего лучше можно назвать солдатскимъ, съ великорусскими, извѣстными намъ, варіантами, а въ томъ числѣ и съ варіантомъ г. Татарова, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ нашихъ мѣстахъ «Царь Максимиліанъ»—явленіе заносное изъ Великороссіи, по всей видимости—при посредствѣ солдата. Но, подобно тому, какъ и въ Кіевѣ (если судить по замѣчанію о языкѣ тамошняго «Максимиліана»), и въ херсонской губ. «Царь Максимиліанъ» въ нѣкоторой степени подвергся усвоенію господствующей малорусской средой. Въ нашихъ мѣстахъ пьеса эта извѣстна подъ именемъ «Тронъ»; разыгрывается она сельскими парубками на святкахъ въ панскихъ и крестьянскихъ домахъ; мы лично присутствовали на одномъ изъ такихъ представленій въ с. Онофрѣевкѣ александрійскаго у., но внѣшнія подробности его достаточно извѣстны. Въ настоящее время мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи полный списокъ «Трона» изъ м. Ровнаго елисаветгр. у. (запис. со словъ Тихона Веретенникова). Назовемъ дѣйствующихъ лицъ пьесы по нашему списку. Дѣйствіе открываетъ козакъ слѣдующей рѣчью: «Здраствуйте, господа, и послушайте, что я буду говорить про себя. Когда я былъ маленькимъ младенцемъ, я видѣлъ большое чудо: когда ангелы летѣли, слава въ Вышнихъ Богу пѣли, то я этого страху сильно испугался, ото сырой земли на воздухъ приподнялся, и тамъ мене дарили сребромъ и златомъ, но я этого сребра и злата не принимаю,—васъ, господа, всѣхъ съ Рождествомъ Христовымъ поздравляю». Хоръ поетъ: «Рождество Твое Христе Боже». Затѣмъ послѣдовательно, хотя нерѣдко и безъ видимой внутренней связи, въ пьесѣ выступаютъ: царь Иродъ, воинъ, смерть, король Мамай, царь Максимиліанъ, стражъ, царскій сынъ Адольфъ, барышня, пажъ, гробокопатель, еврей Аврумъ, арапъ, лѣкарь и гетманъ. Пьеса не представляетъ собою послѣдовательнаго развитія одной темы, и по этой причинѣ затруднительно передать ея содержаніе; она является рядомъ различныхъ сценъ, связанныхъ часто механически. Сначала центромъ дѣйствія является избіеніе Иродомъ

младенцевъ и его трагическая смерть. Потомъ дѣйствіе сосредоточивается на царѣ Максимиліанѣ (который, къ слову сказать, тотчасъ за смертью Ирода, занимаетъ его престолъ) и на мученической смерти за христіанскую вѣру сына его Адольфа, мужественно отказывающагося поклониться «камерическимъ богамъ» (кумирамъ); при этомъ случаѣ въ качествѣ вводнаго персонала, выступаетъ нѣкая «барышня», которая распѣваемыми ею романсами («Смутны пташки канарейки» и «Прощаюсь ангелъ мой, съ тобою») выражаетъ сочувствіе свое принцу и падаетъ подъ мечемъ Максимиліана. Слѣдуютъ комическія сцены при участіи гробокопателя и жида, о которыхъ подробнѣе скажемъ послѣ; затѣмъ — появленіе арапа, взаимная перебранка между нимъ и Максимиліаномъ; появленіе Мамая, который рекомендуется присутствующей публикѣ слѣдующимъ образомъ: «я не есть русской, я не есть хранцузской, я есть король Мамай; ежели у моемъ царствѣ нѣтъ хлѣба, то мнѣ присылаютъ съ Молдавіи, съ Валахіи Малой, а я съ этого Цареграда сдѣлаю прахъ». Онъ пришелъ на Максимиліана войной и грозно требуетъ даровъ, но также складываетъ свою голову отъ руки Максимиліана. Далѣе—снова комическія сцены между лѣкаремъ и гробокопателемъ; первый изъ нихъ самъ о себѣ говоритъ слѣдующимъ образомъ: «... я есть лѣкарь, всѣми дѣлами аптекарь, лѣчить лѣчу, кровь мечу, чири вырѣзаю и болячки вставляю, ко мнѣ присылаютъ на ногахъ, а я отсылаю на костыляхъ, на тотъ свѣтъ поземски (?!) отсылаю, а съ того свѣта благодарность получаю». Выходъ гетмана и комическіе сцены съ участіемъ царя Максимиліана, жида и старика заканчиваютъ пьесу.

Покончивъ общее ознакомленіе съ содержаніемъ «Трона», обращаемся къ тѣмъ чертамъ, которыя составляютъ мѣстную особенность нашего варіанта и сообщаютъ ему нѣкоторый интересъ. Первая изъ этихъ чертъ—вводныя лица: дидъ-гробокопатель и жидъ, разыгрывающіе сцены, которыя напоминаютъ собою не то подобныя же сцены въ вертепной драмѣ, не то пасхальную кукольную комедію. Они говорятъ уже не солдатской рѣчью, которой изъясняются остальные персонажи «Трона», а малороссійской. Слѣдуетъ сказать правду, что комизмъ этихъ сценъ не высокаго достоинства,—площадной, плоскій и поверхностный. Приведемъ лишь нѣкоторые образцики. Собираясь къ царю, дидъ обращается къ смерти съ просьбой: «стара, давай грибинця причисацця, бо треба до чаря являцця»; смерть отвѣчаетъ: «та на, иды къ бисовому батькови, шобъ тебе перва куля не мынула». Изрѣдка въ рѣчахъ слышатся поговорки, или приказки». Такъ, дидъ

обращается къ Авруму: а иды сюды, табаку змелемъ, понюхаемъ, та раду послухаемъ;» или еще—дидъ говоритъ: «туруру, туруру, натурурукавъ царь три мишки гречанои вовны, та вси три не повны, и завязать ныльзя». Дѣдъ: какъ говорится,—«недочува», да и изъ ума выжилъ, должно быть: царь приказываетъ ему похоронить мертвыя тѣла несчастныхъ жертвъ его жестокости, а дѣдъ плететъ ему нескладицу о пчелахъ и о плугѣ; но дидъ—охотникъ выпить и закусить: «якъ бы чарь бувъ добрый, то давъ бы крючочокъ горилочки а вареничокъ на закуску». Онъ и видомъ подгулялъ немного. Царь говоритъ ему: «Вояка, ты старинушка, хорошъ, такъ чего же у тебя на бокъ носъ скривился?» Дидъ, «Та це, чарю, дивчата любылы, та на бикъ носа скрывылы!» Жидъ рекомендуется публикѣ такъ: «я не есть русской, не есть французской, я есть Нусько корсуньскый»; желая сказать «Ваше Высокоблагородіе», онъ говоритъ «Ваше Полубородіе»; царь Максиміліанъ, въ угоду гетману, вымогаетъ у жида деньги, водку, коней, жену его Хайку и заставляетъ танцовать въ шабашъ; это подаетъ поводъ вывести его скупость и трусливость. Жидъ говоритъ прибаутками: «яки у жида гроши, говоритъ онъ, бувъ одынъ пятакъ, та й той оддавъ Хайци на табакъ», а когда угрожаютъ ему смертью, онъ кричитъ: ой веймиръ... якъ маете жида убывать, мае винъ вамъ уси гроши оддать, у жида грошей... три шкатулкы: въ одній пусто, въ другій густо, въ третій ныма ничого»; когда требуютъ коней, онъ отговаривается такъ: «якы у жида кони? у мого брата Морхы-Лейбы одынъ бувъ кинь, Хайка вела за повидъ, а мій братъ Морхы-Лейба за ребра, а я дыржався за хвистъ, щобъ ны впавъ пидъ мистъ»; нѣсколько ниже онъ говоритъ, что его кони «сами навколишки йиздять»; свою жену жидъ изображаетъ слѣдующими чертами: «яка въ жида Хайка? Хайка вошива, паршива, подъ припечкомъ воши бье» (била?); потомъ напуганный снова, говоритъ о ней иначе: «у жида Хайка хороша, пригожа, убирить іи,—барышня буде». Нѣкоторыя шутки въ пьесѣ непристойны.

Въ «Тронѣ» находимъ не одни романсы, а также нѣсколько малороссійскихъ пѣсенъ. Слабый, едва замѣтный отголосокъ колядокъ или, скорѣе, рождественскихъ виршей слышится въ пѣснѣ, заполняющей промежутокъ времени между приказаніемъ Ирода объ избіеніи младенцевъ и возвращеніемъ посланнаго для этого воина: «Днесь поюще, купно играить (sic) Царь нарожденъ, славы выхвалянить, поюще и суще, слава въ вышнихъ глаголюще (bis), когда Іосифъ обрученъ былъ Дѣвѣ, тогда услышалъ отъ ангела слова: возьми От-

роча и Матерь Его, бѣги во Египетъ отъ проклятого. Царь на осляти во Египетъ подступаетъ, Иродъ войско свое разсылаетъ. Былъ бы убіенъ Царь нарожденъ, отъ Маріи Дѣвы днесь воплощенъ». Въ сценѣ дида съ лѣкаремъ поется уже завѣдомо малороссійская пѣсня: «Гай, гай зелененькій, тимъ я тебе полюбила, що ты молоденькій» и пр., впрочемъ, безъ всякой связи съ ходомъ дѣйствія. Сцена между Максимиліаномъ и жидомъ начинается также малороссійской въ мѣстномъ херсонскомъ смыслѣ пѣсней: «Я въ пана гетмана цвѣты сорывала. Собирался панъ гетманъ до жида на шабашъ. «Здоровъ, здоровъ, жиде, здоровъ, скурвый сыне, мы слыхалы про жида,— у жида денегъ много». Наконецъ, въ концѣ пьесы, передъ тѣмъ, какъ жидъ усаживается на тронѣ, поется извѣстная малороссійская пѣсня «Ой хотила вража баба та й забогатиты».

Было бы очень интересно узнать, какъ усваивается «Максимиліанъ» въ другихъ мѣстностяхъ юга Россіи, и не входитъ ли эта пьеса въ соотношенія съ колядками, виршами, остатками вертепной драмы и тому подобными произведеніями южно-русскаго народного творчества.

В. Ястребовъ.

Сказка о котофеѣ. «Бувъ соби чоловикъ зъ бабою, и бувъ у ныхъ еденъ сынъ Иванъ да и той дурный. Отъ и тыи старыи померлы. Остався Иванъ еденъ на свити, сырота и китъ зъ нымъ. Иванъ бувъ дуже ледащій, не згодлывый ни до якой роботы. Винъ все лежавъ на печи. Въ хати не топляно килька днивъ, холодно.. то винъ въ пичъ влизе тай седыть, гріется... И все за его робывъ китъ: де що достане для его, накормыть, бо китъ бувъ розумнійшій за Ивана.

— Може-бъ ты, Иване, чого небудь зъивъ? пытае китъ.

— Чому? може-бъ и зъивъ, колыбъ-то було що исты, каже Иванъ. Той принесе ему хлиба, сала.

— А може-бъ ты, Иване, чого небудь напывся?

— Чому? може-бъ и напывся, колыбъ-то було що пыты

И такъ у ныхъ все...

Отъ едного разу нагодовавъ китъ Ивана, накормывъ его, напоивъ тай пытае:

— Може-бы ты женывся, Иване?

— Чому, каже Иванъ... Може-бы я и женывся, колыбъ-то хто высватавъ мини яку панну—гарну, та богату.

— Добре, каже китъ, я тоби высватаю.

Китъ наготовывъ Ивану богато всякои ижи и пытья, поки винъ зъ сватывъ вернется... Отъ винъ побигъ дорогою и забигъ до злотника... Забигъ по дорози до злотника и,—звыняйте за це слово,— взявъ та позолотывъ соби хвостыка. Прыбигае винъ въ таку страну, де нема котивъ. Якъ побачилы люде, що таке до ныхъ прыбигло,— маленьке, хвостате зъ усами, а хвостыкъ позолоченый,—тай сталы бигаты за котомъ, дывытыся на ёго... Дывуються люде, що винъ такій цикавый.

-- Хто ты такій? пытають его.

— Я Котофей, каже китъ.

— Ще мы не чулы, кажуть люде, щобъ такій бувъ на свити.

— Ось якъ бачите.

— А за чимъ-же ты, Котофей, прышовъ до насъ?

— Хочу высвататы для свого Ивана гарну та богату панну. Кажить но вы мини тепера, де у васъ тутъ есть богатый панъ и щобъ у ёго була соби гарна дочка?

— Тыи ему показалы на такого пана, богатаго... (такъ якъ нибы королыкъ, що колысь бувалы... теперъ вже воны по троху перевелыся). Пришовъ Котофей до пана тай каже:

— Я, проше пана, пришовъ до васъ въ сваты, до вашои панны. Выдайте вы свою панну за моего пана Ивана.

— А хто-жъ буде твій панъ?

— Винъ сырота, остався на свити еденъ—безъ батька и матери. Треба ему теперь женыться, то винъ пославъ тепера мене въ сваты.

— А чому жъ винъ самъ не прышовъ?

— Бо винъ дуже важный панъ, то винъ не хоче.

— А чи богатый твій панъ?

— Занадто богатый... такій, що и не прыведы Господы.

— Нехай-же винъ мини гостынця якого ныбудь прешле, колы винъ такій богатый.

— Добре... пождить трохи, ось незабаромъ прышле вамъ такого гостынця, що вы ще и не чулы.

-- Добре, будемо ждать, що то за гостынець такій.

Отъ воны поговорылы обо всему и китъ збирается до дому.

— А колыжъ буде весилье? пытае той панъ.

— Я, каже китъ, дамъ знаты, якъ мы прыготовымося.

Отправляеться китъ до дому, бижить соби лисомъ и встричается зъ вовкомъ на дорози.

— А де ты бувъ, Котофей, пытае вовкъ. Хто тоби хвостыка позолотывъ?

— Злотникъ, каже китъ.

— Може-бъ и мини позолотывъ?

— Едному тоби не позолотыть; а якъ-бы зобралось васъ хоть копа, то може-бъ и позолотывъ, а едному-то не буде, бо для его малый зарибокъ.

Отъ той вовкъ якъ почавъ ревты, то набигло ихъ бильшъ якъ копа, а китъ дожидае, поки воны зберуться, щобъ до злотника повесты. Отъ воны зибралыся и пишли до злотника, а китъ попереду дорогу показуе да тыльки хвостыкомъ помахуе. А вовки ничого не знають, идуть соби да утишаються. Приводыть винъ ихъ до свого свата на дзидинокъ крозь браму... а огорожа кругомъ... нигде не вылизуть... Заразъ казавъ браму зачиныты и до пана пришовъ. Каже свату:

— Зять прыславъ вамъ гостынця, що вы ждалы.

— А дежъ винъ?

— А тамъ на двори.

Панъ вышовъ, подывывся тай охолонувъ, що стыльки вовкивъ. Винъ казавъ слугамъ браты ружа и давай ихъ быты та стреляты и такъ ихъ выбылы до единого и сталы шкуры здыматы, а Котофей побигъ до дому. Бижить винъ, стричае на дорози въ лиси тамъ само зайця. Каже на его:

— А де ты, Котофей, бувъ? Хто тоби хвостыка позолотывъ?

— У злотника. Винъ всимъ може позолотыты.

— Може-бъ и мини позолотывъ?

— Не буде едному золотыты, якъ бы васъ съ копа, то можебъ и позолотывъ.

Допиро ставъ заяцъ кумавкаты, кричаты... то назбигалося ихъ бильшъ, якъ копа, и винъ ихъ повивъ зновъ до свата. Загнавъ зайцивъ на двиръ, казавъ зачиныты браму и пишовъ до свата знаты даваты, що зять прыславъ гостынцивъ на весилье. Побачивъ сватъ, що стильки зайцивъ, зраднійшавъ, що буде печенья и шубы; казавъ, щобъ выбыты вси зайци, а Котофей вже зновъ побигъ до дому. (И такимъ образомъ Котофей много всякаго звѣрья доставилъ своему свату).

Прыбигае Котофей до дому и застае Ивана Печерецького— тыльки що живъ. Каже:

— А що ты ще живъ, Иване Печерецькій?

— Чуть живый... Якъ не дасы исты, то вже хутко умру.

Побигъ заразъ китъ до хатъ, доставъ хлиба, прынисъ и давъ ему исты, и скоромного также доставъ ему—сала и всякого. Подавъ ему въ пичь, той поивъ ..

— А що тоби лучше стало, Иване Печерецькій? пытае Котофей.

— Трошки полегшало, але не зовсимъ.

Той ще прынисъ сала и наварывъ галушокъ и ставъ его цангомъ кормыты цилый мисяць.

— А якъ тоби, Иване Печерецькій?

— Нещо, теперъ дужшій ставъ. Ну, що? нашовъ мини жинку?

— Нашовъ?

— А дежъ вона? Чому не прывивъ сюды?

— Якій ты дуже розумный... Щей хочешь щобъ сюды привесты. Збирайся но ты, Иване Печерецькій, до ней, въ дорогу.

— Може далеко? то я лучше не пойду.

— Ни, недалечко...

— Добре, каже, може я якъ небудь и вылизу зъ печи.

Побигъ китъ до свата и каже пану, що—

— Мы вже зовсимъ прыготовылыся весилье робыты...

Панъ сказавъ, щобъ воны чрезъ тры дни прыготовылыся вже йты въ церкву.

Китъ заразъ побигъ назадъ и заставъ Ивана Печерецького ще дужимъ, бо винъ ще не вси харчи зъивъ, що булы для его наготовляны отъ Котофея, и винъ мавъ ще чимъ живытыся.

— Гей, Иване Печерецькій, вылазь но зъ печи, бо вже тоби наставъ часъ женытыся, то тоби треба въ церкву иты.

— Ой, каже, може-бъ другимъ колы часомъ, бо нехочется вылазыты зъ печи. Змылуйся, каже, нехай завтра буде весилье.

— Ну, нехай завтра.

На другій день зновъ не хоче Иванъ вылазыты зъ печи, спо добалося ему дуже тамъ лежаты.

— Чи не можна, каже, ще отложиты на день.

Отложивъ ему Котофей и еще день. На третій день прыставъ до его, щобъ винъ безпреминно вылизавъ зъ печи, бо треба до шлюбу. А Иванъ все не хоче. Отъ вытащивъ Котофей Ивана тай

нема ему въ що одягнутыся. Надивъ винъ на себе якуюсь дранную одежу и отправылыся до свата. Думае Котофей: «не гарно що у Ивана Печерецького одежины людьской нема»... Тай прыдумавъ. Прышлы воны до рики и наказавъ Котофей Ивану, щобъ винъ, якъ тыльки забачить, що будуть до его бигты люде, то щобъ роздягнувся упавъ въ воду, одежину кинувъ въ воду и крычавъ «ой, ратуйте, топыться Иванъ Печерецькій!» Зостався Иванъ на мости, а Котофей побигъ до палацу и сказавъ свату; що женыхъ топыться, щобъ люде ратовалы. Сватъ казавъ слугамъ кони свои запрягаты и ихаты ратоваты зятя скоро, скоро, щобъ застаты живого. Заразъ запряглы кони, поихалы и досталы зятя зъ рики. Повезлы его заразъ въ баню, тамъ обмылы, обчистылы и нарядылы въ паньску одежу. Отъ посадылы вже его за столомъ якъ нибы пана якого, тай ставъ Иванъ дрематы, бо то пришла сама та пора, що винъ дремавъ на печи. Сватъ каже до Котофея:

— Чого-то нашъ зять такій смутный?

— То винъ зажурывся, каже Котофей, що на ему нема вже тои одежи, що була на ему та водою поплыла.

Заразъ казавъ сватъ даты ему саму яко найлучшу одежу. Потымъ поблагословылы молодыхъ и повинчалы. Отъ воны попылы, поилы трохи и пора вже выбиратыся до дому въ дорогу.

— А що въ тебе въ дома е? пытае молода жинка своего чоловика.

Иванъ хотивъ сказаты, що закутокъ... а Котофей каже:

— Все есть: и палацъ, и волы, и кони, и все, що тильки потрибно для хозяйства. Тильки жинки не було, тай та теперь есть.

Отъ повкладалыся, позбиралысь вже, тай поихалы, а Котофей каже:

— А я побижу напередъ, щобъ вамъ все прыготовыты.

Отъ бижить винъ тай бачить пасеться стадо коней. Пытае:

— А чіи то кони?

— Ажежь пана Дубецького, кажуть ему пастухи.

— Не кажить вы що пана Дубецького, бо васъ будуть дубасыть дубынкою. По сій дороги буде хутко ихаты король, то винъ дуже не любыть пана Дубецького. Якъ винъ спытае: «чіи то кони», то вы лучше скажить, що пана Печерецького. Буде лучше... Може винъ вамъ ще и нагpаду дасть за те...

Бижить винъ дальше—ажъ пасеться гуртъ овечокъ.

— А чіи то овечки?

Кажуть, що пана Дубецького, а Котофей имъ сказавъ, що панъ Дубецькій зовсимъ здуривъ и заказавъ вси свои овци пану Печерецькому. И т. д.

(Такимъ же образомъ онъ научилъ, что говорить пастухамъ воловъ, коровъ, свиней, гусей, утокъ и пр.).

Отъ прыбигае вже Котофей ажъ до палацу пана Дубецького, тай каже, що иде король зъ свого весилья и певне заиде до васъ на полудень, то вы прыготовьтесь... а самы де небудь сховайтесь, бо король новый дуже сердытый щось, то щобъ часомъ не втрапылось вамъ одъ его. Котофей заразъ накрычавъ на кухаривъ и сталы воны прыготовлятыся. Прыготовылысь, понастановлялы исты и пыты и вже тыльки дожидають весилья. Котофей пытае пана Дубецького и пани Дубецькую:

— Чому вы не поставылы на стилъ печерецкіи рыбы?

— Такои рыбы у насъ нема, кажуть тыи.

— А якъ нема, то ховайтеся-же вы прытнійше, бо король дуже любыть печерецьку рыбу, то винъ вамъ задасть...

— А куды-жъ мы сховаемося? пытае Дубецькій.

— Ось лизьте въ ту дуплынасту лыпу, то може не найде.

Отъ сховався панъ зъ панію въ дуплынасту лыпу и наказалы слугамъ, щобъ неказалы де воны, щобъ имъ ще бильшъ не втрапылося. Иде король и доизжае до пастухивъ и пытае, «чій се товаръ»?

— Ажъ же-пана Печерецького, кажуть ему.

И давъ винъ каждому награду по рублю. А Котофей все мотается коло палацу. Пріихало вже и весилье, расположилыся: кони— на стайни, а самы пишлы въ палацы и сталы тамъ исты и закусоваты; а музыка грае...

Котофей казавъ, щобъ напоиты слугъ и поставыты имъ богато горилки, такъ щобъ воны перепылыся. Отъ якъ попьянилы слуги зовсимъ, винъ казавъ, щобъ салютъ робыты молодымъ. Побралы слуги ружа и давай палыты. А Котофей каже:

— Не такъ вы стреляете. Треба стреляты не вверхъ, а въ лыпу, то буде голоснійше.

Сталы воны въ лыпу стреляты тай забылы пана съ панею и зхоронылы Допиро Иванъ Печерецькій зъ жинкою и Котофеемъ восталыся тамъ пановаты и доси поживаютъ и насъ до себе прызывають».

(Записана сказка въ с. Боровичахъ, луцкаго уѣзда, волынской губерніи).

Ѳ. Кудринскій.

Дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Антонѣ Танскомъ и его тещѣ.

Къ свѣдѣніямъ, уже сообщеннымъ о кіевскомъ полковникѣ Танскомъ [1]), слѣдуетъ добавить, что по смерти Палѣя бѣлоцерковскіе полчане обратились къ кн. Дм. Голицыну съ слѣдующимъ ходатайствомъ о назначеніи на мѣсто умершаго—зятя его Танскаго.—«Мы, полковые особы, яко тежъ сотники и товариство полку бѣлоцерковского... просимъ донести до царского величества... ижъ мы осталися отъ своего полководцы, небожчика блаженной памяти Симеона Палѣя, который еще за живота своего казалъ, намъ, сотникамъ, атаманамъ и знатному товарчству зъѣхатися до Хвастова, который то небожчикъ видячи себе близше къ смерти анежели живымъ быти, вручаетъ при всѣхъ насъ началныхъ клейноты осударевы: пѣрначъ и знаменіе царского величества, наданніе на полковництво сыну своему пану Антонію Танскому. Теди и мы ведлугъ желанія небожчика славной памяти Симеона Палѣя, полковника бившого, всѣ единимъ голосомъ призволяемся, жебы намъ панъ Танскій былъ за полковника бѣлоцерковского, которого мы добре свѣдоми, якъ у разумѣ его, такъ и рицерскомъ дѣлу, по указу его царского величества бодрость (бодро?) громлячи не разъ непріятелей на пляцу марсовомъ, и жебы Михайло, бывшій за измѣнника Мазепы, полковникомъ не знайдовался въ нашемъ полку бѣлоцерковскомъ [2])»...

Назначенный кіевскимъ полковникомъ въ 1712 г., Танскій, не смотря на жалобы Скоропадскаго, писавшаго царю, что кіевскій полковникъ его не слушаетъ, пользовался однакожъ въ Петербургѣ такою репутаціей, что, когда А. И. Румянцевъ пріѣхалъ въ 1723 г. въ Малороссію на слѣдствіе по Полуботковому дѣлу, то хотѣлъ было «подчинить» генеральную канцелярію «въ вѣдомство» Танскаго, т. е. передать послѣднему власть наказнаго гетмана... Намѣреніе Румянцева не осуществилось только случайно, какъ видно изъ слѣдующаго его письма къ Танскому. «Благородный и почтенный господинъ полковникъ. Ваше благопріятное письмо чрезъ посланнаго отъ васъ есаула исправно получилъ, за которое благодарствую, токмо сердечно сожалѣю о вашемъ приключившемся несчастіи и о болѣзни вашей.

---

[1]) „Кіевск. Старина“ 1894 г., № 4.

[2]) Изъ бумагъ М. О. Судьенка, поступившихъ въ б—ку кіевскаго университета. Прошеніе подписано полковою старшиною и сотниками, причемъ въ числѣ послѣднихъ значится и Карпъ Чеснокъ, сотникъ мотовиловскій и будущій, довольно извѣстный, полковникъ компанейскій.

Я напередъ сего до васъ писалъ, чтобъ сюди немедленно были не для чего иного, какъ токмо хотѣлъ подчинить въ вѣдомство ваше здѣшную генеральную войсковую канцелярію, о чемъ я и до его импер. величества писалъ, а нынѣ, какъ я увѣдомился о болѣзни вашей изъ письма, отъ того правленія васъ освобождаю, изволите ѣхать въ домъ свой и имѣть отъ болѣзни своей пользу. За благопріятнѣйшій отъ васъ присланный ко мнѣ презентъ попремногу вашей милости благодарствую. Вашей милости зичливый слуга А. Румянцовъ. Февраля 17 дня 1724 г.[1])».

Наконецъ, говоря о женѣ Палѣя, мы упустили привести свидѣтельство о ней изъ записокъ старца Лукьянова, отрывки изъ которыхъ когда-то напечатали въ Черниг. листкѣ (1862 г.). Въ этихъ запискахъ Лукьяновъ разсказываетъ, какъ, возвращаясь изъ Іерусалима въ сообществѣ московскихъ купцовъ, остановились они на отдыхъ «въ Хвастовѣ, за городомъ, въ полѣ; а Палея въ тѣ поры дома не было... И Палеева жена прислала намъ въ таборы яловицу и калачей, и вина. И тутъ стояли мы весь день; а Палеева жена брала купцовъ къ себѣ обѣдать и зѣло угостила; и говорила—для чего де до насъ турокъ не довели (провожавшихъ Лукьянова и его товарищей до Паволочи, а отсюда вернувшихся отъ страха передъ «палеевщиною»),—я бы де 500 (козаковъ) дала имъ провожатыхъ также ихъ проводить (обратно) чрезъ лядскую землю»... Изъ этого разсказа видно, что «Федосья Палѣева» была такою же властною *полковницею* въ отсутствіе мужа, какою за полстолѣтія передъ тѣмъ была властною гетманшею Анна Хмельницкая (третья жена Богдана), выдававшая въ отсутствіе мужа универсалы...

А. Л.

[1]) Изъ дѣла Черниг. двор. архива о родѣ Танскихъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Т. I. Территорія и населеніе. Спб. 1890. Т. II. Власти. вып. 1-й. Вѣче и князь. Спб. 1893 г.

Трудъ проф. В. И. Сергѣевича, безъ сомнѣнія, составляетъ самый цѣнный вкладъ въ науку исторіи русскаго государственнаго права за послѣдніе 2—3 года. Масса затронутыхъ вопросовъ, критическое отношеніе къ мнѣніямъ ученыхъ, высказывавшихся по тому или другому изъ нихъ, кропотливо-детальное изслѣдованіе источниковъ, осторожность въ выводахъ и пр. составляютъ неоспоримое достоинство труда почтеннаго профессора. Авторъ, правда, не задается ни обобщеніями, ни широкими выводами, онъ стремится дать «древности», т. е. то, что у нѣмцевъ называется «Alterthümer», детальное излѣдованіе отдѣльныхъ вопросовъ по исторіи права, быта и пр. расположенное въ извѣстномъ порядкѣ, могущемъ дать болѣе или менѣе полную картину старой жизни въ извѣстныхъ ея проявленіяхъ. У проф. Сергѣевича имѣется въ виду юридическая сторона этой жизни.

Первый томъ «Юридическихъ древностей», распадается на двѣ книги, изъ которыхъ первая трактуетъ о государственной территоріи, вторая—о населеніи. «Наша древность, говоритъ проф. В. И. Сергѣевичъ, не знаетъ единаго «государства Россійскаго»: она имѣетъ дѣло со множествомъ единовременно существующихъ небольшихъ государствъ. Эти небольшія государства называются: волостями, землями, княженіями, удѣлами, отчинами князей, уѣздами: всего позднѣе возникаетъ для нихъ наименованіе «государство» (I). Волости состояли изъ городовъ и пригородовъ, при чемъ городъ являлся центромъ, «вокругъ котораго образуется окружность волости. Центральному пункту, натурально, принадлежитъ характеръ старшин-

ства: его жители старѣйшіе въ волости. Населеніе же пригородовъ молодшіе» (I, 5) Города составляютъ потребность мѣстнаго населенія и воздвигаются имъ въ видахъ защиты отъ нападеній безпокойныхъ сосѣдей». (I, 6).

Какъ образовались древнѣйшія волости государства? Проф. Сергѣевичъ дѣлаетъ возраженія противъ мнѣнія ученыхъ (Соловьева и М. Ф. Владимірскаго-Буданова), предполагавшихъ племенное происхожденіе волостей, т. е. что каждое отдѣльное племя составляло особую волость. Авторъ, напротивъ, думаетъ, что «скрытый отъ глазъ историка процессъ возникновенія первоначальныхъ волостей совершался медленно, но не мирно, а съ оружіемъ въ рукахъ. Города строились не цѣлымъ племенемъ, а группами предпріимчивыхъ людей, которые нуждались въ нихъ, какъ и въ XVI вѣкѣ для «береженья». Въ составъ этихъ группъ могли входить и люди разныхъ славянскихъ племенъ и даже иноплеменники: со славянами могли соединится чудь и меря. Жители такихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, при благопріятныхъ условіяхъ, могли стремиться къ расширенію своихъ владѣній и съ этою цѣлью захватывать чужія земли и подчинять себѣ разрозненное населеніе этихъ земель. Для «береженья» своихъ пріобрѣтеній имъ приходилось ставить пригороды. Такой способъ возникновенія волостей проглядываетъ и въ ихъ организаціи. Центръ волости—городъ, къ нему тянетъ земля, огражденная пригородами. Сила, создавшая такую волость, должна была выйти изъ города» (I, 10). Таково было первоначальное возникновеніе волостей. Дальнѣйшее же возникновеніе ихъ и выдѣленіе изъ старыхъ областей обусловлено цѣлымъ рядомъ причинъ, главныя изъ которыхъ были: ростъ пригородовъ и стремленіе князей дѣлить волости на удѣлы, при чемъ князья удѣльные нерѣдко стремятся къ полному обособленію отъ волости старшаго князя (I, 11, и слѣд.). «Каждая волость, говоритъ проф. Сергѣевичъ, имѣла, такимъ образомъ, свою исторію; но по скудости нашихъ источниковъ полная исторія волостей едва-ли можетъ быть когда-либо написана. Что волости имѣли свою исторію и что дѣятелями ея были не только князья, но и населеніе, въ этомъ не можетъ быть, однако, ни малѣйшаго сомнѣнія (I, 14). «Волости-княженія составляли самостоятельныя государства. Все, что находилось въ предѣлахъ территоріи каждаго такого государства, подлежало дѣйствію мѣстной власти, она производила на своей территоріи судъ и управленіе, давала указы и пр.» (I, 34). «Полная политическая особность волостей есть наша древность. Эта древность была нашимъ дѣйствующимъ

правомъ въ теченіе многихъ вѣковъ, во все то время, пока продолжали существовать отдѣльныя княженія. А отдѣльныя княженія существуютъ у насъ еще въ XVI вѣкѣ» (I, 37).

Мы не будемъ слѣдить дальше за мнѣніями проф. Сергѣевича относительно раннихъ попытокъ къ объединенію русской земли и о возникновеніи московскаго государства, хотя мнѣнія эти и представляютъ много любопытнаго. Отмѣтимъ только соображенія автора относительно происхожденія названія *русскаго* государства. Отмѣчая тотъ фактъ, что «древность продолжаетъ жить и въ Москвѣ» (I, 78), проф. Сергѣевичъ говоритъ: «живучесть старины видна и въ томъ, что новорожденное государство очень долго, безъ малаго въ теченіе 200 лѣтъ, не имѣло своего собственнаго имени, а обозначалось перечисленіемъ составныхъ частей своихъ» (I 79). Первый Иванъ Грозный употребляетъ названіе царства *русскаго*. Откуда же произошло это названіе? Первоначально «русская земля есть земля Полянъ; она совпадаетъ съ Кіевской волостью» (стр. 84). «Изъ Кіева наименованіе русью стало распространяться и на другія славянскія племена». «Причины этого распространенія заключается въ единствѣ языка и вѣры» (стр. 88). Сначала, впрочемъ, имя руси распространяется, какъ чисто народное наименованіе. У Полянъ первыхъ зародилось книжное просвѣщеніе и возникла литература, «остальныя племена, знакомясь съ содержаніемъ кіевской литературы, не могли не усмотрѣть своего племеннаго единства съ кіевскою русью и тоже стали причислять себя къ руси». Такое же значеніе имѣло и то обстоятельство, что во главѣ русской церкви стоялъ митрополитъ кіевскій (I, 88—89).

Вторая книга перваго тома «Юридическихъ древностей» посвящена вопросу о населеніи древней Руси. Въ рецензіи нѣтъ, конечно, возможности останавливаться не только на разборѣ, но даже на простомъ пересказѣ всѣхъ мнѣній, которыхъ касается или которыя высказываетъ профессоръ Сергѣевичъ. Мы только въ общихъ чертахъ перечислимъ нѣкоторые вопросы, которыхъ касается авторъ въ своемъ отдѣлѣ объ юридическомъ положеніи населенія древней Руси. Обзоръ племенного состава населенія въ «Юридическія древности» войти, конечно, не могъ.

Сообразно дѣленію въ древней Руси населенія на несвободныхъ и свободныхъ, дѣлитъ проф. Сергѣевичъ и свой обзоръ. Къ несвободнымъ онъ относитъ полныхъ и кабальныхъ холоповъ. Вопросъ о происхожденіи холоповъ и ихъ юридическихъ правахъ — одинъ

изъ самыхъ трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ въ историко-юридической литературѣ, тѣмъ болѣе, что источники, изъ которыхъ черпаемъ мы свѣдѣнія, подвергаются самымъ разнообразнымъ толкованіямъ. Конечный выводъ проф. Сергѣевича о положеніи холоповъ таковъ: «надо думать, говоритъ онъ, что первоначально права господина не подлежали никакимъ ограниченіямъ. Ограниченія появляются, надо думать, очень рано. Они существуютъ уже въ XII вѣкѣ, слѣдовательно, въ эпоху Русской Правды, которая о нихъ, однако, ничего не знаетъ. Но наши свѣдѣнія объ этомъ предметѣ чрезвычайно отрывочны и скудны. Не подлежитъ сомнѣнію, что улучшеніе быта рабовъ происходитъ подъ вліяніемъ церкви» (I, 111—112) Кабальное холопство возникло гораздо позже, въ эпоху уже государства московскаго.

Что касается лицъ свободныхъ, то проф. Сергѣевичъ разсматриваетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: 1) смерды, 2) закупы, 3) крестьяне, 4) изгои, 5) числяки, ордынцы и делюи, 6) закладни, 7) купцы, гости, посадскіе делюи, 8) бояре, вольные слуги, дѣти боярскія, путные бояре. Но это не были сословія. «Древняя Россія не знала сословій. Они народились только въ Московскую эпоху; во времена предшествовавшія можно наблюдать лишь слабые ихъ зародыши. До образованія единаго Московскаго государства все населеніе русскихъ княженій, съ точки зрѣнія права, представляло единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого достоинствомъ, а не правами и обязанностями. Сословныхъ различій, привязывающихъ извѣстные классы общества къ извѣстнымъ занятіямъ, еще не было: отъ князя до послѣдняго свободнаго всякій могъ быть воиномъ, чиновникомъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлею, промыслами и т. д. Каждый имѣлъ право на все, но одному удавалось больше, а потому онъ и выдѣлялся, какъ человѣкъ «лучшій»; кто оставался позади всѣхъ, тотъ характеризовался эпитетомъ «младшаго» человѣка. Такимъ образомъ, возникла цѣлая лѣстница качественныхъ различій одного и того же рода свободныхъ людей. Ступени этой лѣстницы не были замкнуты: по мѣрѣ улучшенія фактической обстановки, человѣкъ самъ собою поднимается на слѣдующую ступень и наоборотъ. Но возвышеніе «меньшихъ» не было дѣломъ легкимъ. Экономическія условія большинства «меньшихъ людей» были до того тяжелы, что ему не только никогда не удавалось подняться въ средній и высшій слой, а наоборотъ, многіе изъ этого большинства, чрезъ посредствующую ступень най-

митовъ, спускались въ разрядъ рабовъ. Наши древніе памятники обозначаютъ однимъ словомъ все свободное населеніе со всѣми его подраздѣленіями. Такихъ всеобъемлющихъ словъ у насъ два: *людіе и мужи*». «Изъ этого первоначальнаго безразличія свободныхъ людей прежде всего начинаютъ выдѣляться люди, поступавшіе на службу князя. Подъ именемъ «дружины» и «княжихъ мужей» они начинаютъ противополагается «людямъ» вообще (стр. 161—165).

Третья глава «Населенія» посвящена обзору «дворовыхъ чиновъ», а четвертая и послѣдняя исторіи положенія дьяковъ, игравшихъ большую роль въ Московскомъ государствѣ.

Первый выпускъ второго тома обнимаетъ судьбу «вѣча и князя» въ древней Руси. По словамъ самого автора, выпускаемый имъ трудъ не является простой перепечаткой прежней его монографіи подъ тѣмъ же заглавіемъ. Напротивъ, «нынѣ издаваемый трудъ представляетъ лишь небольшую часть прежняго, и эта небольшая часть вся написана вновь, а нѣкоторые ея отдѣлы и по новому плану, и на новыя темы» (предисловіе). Тѣмъ большій интересъ, понятное дѣло, пріобрѣтаетъ трудъ проф. Сергѣевича.

Монографія проф. Сергѣевича, «Вѣче и князь», вышедшая въ 1867 году, вызвала, какъ извѣстно, самое разнообразное отношеніе къ ней среди двухъ лагерей—славянофиловъ и западниковъ. Причиной этого было то, что монографія затрогивала цѣлый рядъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, относящихся къ строю древней Руси. Этимъ, между прочимъ, при всѣхъ научныхъ достоинствахъ труда, и объясняется громадное значеніе монографіи проф. Сергѣевича въ литературѣ исторіи русскаго права. Сущность взглядовъ проф. Сергѣевича, высказанныхъ въ монографіи «Вѣче и Князь», не измѣнилась и теперь въ «Юридическихъ древностяхъ».

«Гдѣ и когда было вѣче?»—таковъ заголовокъ первой главы. «Вѣча собираются во всѣхъ волостяхъ, отвѣчаетъ авторъ. Они составляютъ душу волости. Рѣшенія принятыя на вѣчѣ главными представителями волости, старшими городами, по общему правилу, принимаются къ исполненію и пригородами» (II, 2). Въ XII вѣкѣ вѣчевыя думы дѣйствуютъ повсемѣстно. Когда же возникли они? «Вѣче не есть продуктъ указа какого либо князя, а явленіе обычной народной жизни, вызванное условіями тогдашняго быта древнихъ волостей» (II, 32).

«Въ началѣ исторіи, когда военное ремесло не обособилось еще отъ другихъ занятій и весь народъ входилъ въ составъ войска,

весьма натурально, что ему должно было принадлежать совсѣмъ иное значеніе въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, чѣмъ это сдѣлалось возможно позднѣе, когда образовалась отдѣльная отъ народа военная сила. Гдѣ сила, тамъ и власть; а въ началѣ исторіи народныя массы составляли силу. Вѣче, какъ явленіе обычнаго права, существуетъ съ незапамятныхъ временъ» (II, 33) и, какъ бытовое явленіе, существуетъ до тѣхъ поръ, пока существуютъ условія, вызвавшія его къ жизни (II, 34). Въ числѣ главнѣйшихъ причинъ, способствовавшихъ уничтоженію вѣча, проф. Сергѣевичъ называетъ татарское завоеваніе, которое создало первую централизованную силу на русской территоріи и притомъ силу такую, съ которой нельзя было входить въ договоръ, а которой приходилось подчиняться безусловно. Опираясь на татаръ, возвышались и русскіе князья (II, 34—38). «Что именно, говоритъ проф. Сергѣевичъ, татарское завоеваніе, перенеся центръ тяжести политической жизни въ Орду и обезсиливъ населеніе поборами и грабежомъ, подорвало въ корнѣ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, видно еще изъ того, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыхъ нашествіе не коснулось, вѣчевые порядки сохраняются въ XIV и XV вѣкахъ; таковы новгородская и полоцкая волости» (II, 38).

Вторая причина исчезновенія вѣчевого строя лежала въ измѣненіи всего строя древней общественной жизни. Какъ учрежденіе городовое, вѣче предполагаетъ самостоятельность города, а теперь Москва поглотила города—волости. Измѣнился также и характеръ поземельной собственности. Явились большія владѣнія землей въ рукахъ царя, а съ этимъ вмѣстѣ выросла его денежная и военная сила. «Обладая такой силой, они не имѣютъ уже надобности входить въ соглашеніе съ народомъ. Они могутъ приказывать“ (II, 41). Такъ какъ территорія московскаго государства увеличилась, то вѣче дѣлалось уже не пригоднымъ въ томъ случаѣ, если бы царь пожелалъ посовѣтоваться съ народомъ. Явилась новая организація—земскіе соборы.

Вторая глава у проф. Сергѣевича посвящена изложенію вѣчевого устройства. Она касается состава вѣча, времени и порядка созыва его собраній, мѣста этихъ собраній, порядка совѣщаній и вѣчевыхъ рѣшеній, ихъ исполненія, наконецъ, предметовъ вѣдомства вѣча: избранія князя, ряда съ нимъ, управленія и суда Въ заключеніе главы, авторъ останавливается на разборѣ нѣкоторыхъ спорныхъ мнѣній, касающихся вѣча. Проф. Сергѣевичъ не соглашается, напр., съ мнѣніями Неволина и проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова, дѣлившихъ

вѣча на законныя и незаконныя. Такое дѣленіе, говоритъ проф. Сергѣевичъ, «есть продуктъ нашего времени. Оно совершенно чуждо сознанію древней жизни, несогласно съ существомъ дѣла» (II, 98). Не было также, по его мнѣнію, и «историко-юридическаго» различія между вѣчевыми правами жителей старшихъ и младшихъ городовъ (II, 102). Что касается мнѣнія Неволина, расширеннаго Бѣляевымъ, будто вѣче было верховнымъ судилищемъ по дѣламъ уголовнымъ, то проф. Сергѣевичъ замѣчаетъ: «мы не замѣтили ни одного мѣста, на основаніи котораго можно было бы утверждать, что вѣче было обыкновеннымъ апелляціоннымъ судомъ» (II, 102).

Третья глава третьей книги (о вѣчѣ) излагаетъ вѣчевую жизнь пригородовъ.

Четвертая книга «Юридическихъ древностей» посвящена князю. Глава первая трактуетъ о «владѣтельныхъ князьяхъ», при чемъ авторъ разсматриваетъ договорное право при занятіи престоловъ и практическое значеніе этого права; княжескіе съѣзды и прекращеніе договорнаго права. Глава вторая занимается распредѣленіемъ волостей между князьями. Общій выводъ проф. Сергѣевича по этому вопросу таковъ: «условія нашей древней жизни очень мало благопріятствовали тому, чтобы возникъ и устроился опредѣленный порядокъ... Распредѣленіе столовъ происходило подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ началъ и интересовъ, изъ которыхъ ни одинъ не пользовался безспорнымъ признаніемъ и относительное значеніе и историческая важность которыхъ были очень различны и весьма непостоянны... На распредѣленіе столовъ вліяли: интересы народа, выражавшіеся въ его правѣ избранія князей; начало отчины; интересы царствующаго князя и его семьи, проявившіеся въ договорахъ и завѣщаніяхъ, начало старшинства князей. Но ни одинъ изъ этихъ интересовъ не имѣлъ силы самъ по себѣ» (II, 230–231). Въ дальнѣйшемъ авторъ разсматриваетъ распредѣленіе волостей между князьями въ такомъ порядкѣ: избраніе князей народомъ, начало отчины, распоряженія владѣтельныхъ князей, начало старшинства.

Послѣдняя, третья, глава разсматриваетъ служебныхъ князей, ихъ различные виды; князей, владѣвшихъ отчинами и неимѣвшихъ послѣднихъ.

«Глава дополнительная» озаглавлена такъ: «Княжескія отношенія и порядокъ преемства столовъ съ точки зрѣнія теоріи родового быта». Проф. Сергѣевичъ приводитъ цѣлый рядъ солидныхъ

возраженій противъ родовой теоріи. «Корень ошибочнаго толкованія источниковъ родовой теоріи, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что она отправлялась отъ предположенія наличности строго выработаннаго и притомъ чрезвычайно сложнаго порядка преемства для такого времени, когда люди дѣйствовали не столько по правиламъ, сколько въ мѣру своей силы. Родовая теорія заплатила этимъ дань своему времени. Мы понимаемъ пользу правового порядка. Мы говоримъ: всякій законъ лучше произвола. Мы думаемъ, что безъ закона нельзя жить. Родовая теорія перенесла эти воззрѣнія въ отдаленную древность. Она была не въ состояніи представить себѣ жизни безъ точныхъ правилъ, а наша древность не была еще въ силахъ выработать эти правила» (II, 336).

«Юридическія древности» проф. В. И. Сергѣевича вызвали обширную рецензію *Н. Н. Дебольскаго* въ «Журналѣ Мин. Народ. Просвѣщенія» (августъ и сентябрь 1894 г.). Рецензія эта заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, пересказъ труда проф. Сергѣевича и частичныя замѣчанія и дополненія, большей частью, по мелкимъ вопросамъ. Замѣчаній этихъ, впрочемъ, очень немного, и они существеннаго значенія не имѣютъ.

Н. В.

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи. №№ 20 и 21. Симферополь. 1894. 8°. Въ №-рѣ 20-мъ.—III + 394 стр., а въ 21-мъ—140 стр.

Выпускъ 20-й Извѣстій заключаетъ въ себѣ опытъ указателя сочиненій, касающихся Крыма и таврической губерніи вообще (Taurica), составленный правителемъ дѣлъ Арс. Маркевичемъ. Въ предисловіи къ указателю составитель его говоритъ, что «главный изъ недостатковъ его труда заключается въ недостаточной полнотѣ, которая объясняется составленіемъ указателя въ Симферополѣ, вдали отъ столичныхъ библіотекъ, и невозможностью пользоваться необходимыми справочными изданіями и пособіями. Въ Симферополѣ съ трудомъ можно найти даже мѣстныя изданія за прежніе годы и нѣтъ полнаго экземпляра Таврическихъ губернскихъ вѣдомостей. Не имѣлъ составитель подъ руками и многихъ каталоговъ Межова, не имѣлъ въ распоря

женіи и многихъ періодическихъ изданій, особенно за прежніе годы. Второй недостатокъ указателя—отсутствіе оглавленій книгъ и во многихъ случаяхъ обозначенія касающихся до Крыма и Тавриды мѣстъ въ обширныхъ, многотомныхъ изданіяхъ... Во всякомъ случаѣ, говоритъ составитель, громадное большинство книгъ и статей, обозначенныхъ въ указателѣ, было разсмотрѣно имъ лично, а указанія дѣлались съ возможною точностью». Библіографическія работы—дѣло вообще очень копотливое, а при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ говоритъ г. Маркевичъ, дѣло и трудное, такъ какъ при неимѣніи подъ руками книгъ—неточности неизбѣжны. Ничѣмъ другимъ, какъ тѣмъ, что составитель часто списывалъ заглавія книгъ, не имѣя послѣднихъ подъ руками, а пользуясь указаніями другихъ лицъ и работъ, слѣдуетъ объяснить крайне ошибочныя свѣдѣнія указателя, напр., о лѣтописи Величка, о которой сказано, что она напечатана въ Кіевѣ, *будто бы въ 1720 г., въ двухъ томахъ, 2-е изд. напечатано въ 1848 г.*.. Извѣстно, что лѣтопись Величка издана въ четырехъ томахъ, причемъ первый томъ напечатанъ въ 1848 г., а послѣдній въ 1864 г. Наконецъ, вторыхъ изданій ни одного изъ томовъ не было.

Нѣкоторыя книги указаны безъ всякихъ поясненій въ то время, когда заглавія тоже ничего не говорятъ о ихъ принадлежности къ матеріалу по исторіи Тавриды. Напр., Кирило-Меѳодіевскій Сборникъ. М. 1865.—Тоже и подъ № 418.—Указатель Порѣцкаго музея гр. Уварова. М. 1853.—Памятники, изд. Коммис. для разбора древнихъ актовъ, Высочайше утвержденною при кіевск. ген.-губернаторѣ—и только; ни года изданія, ни числа томовъ, а между тѣмъ изданіе состоитъ изъ четырехъ внушительныхъ томовъ... Затѣмъ многое можно было бы сказать о планѣ самой работы. Трудны и неблагодарны планы *систематическихъ указателей*; гораздо удобнѣе указатели *хронологическіе* съ присоединеніемъ къ нимъ затѣмъ указателей предметовъ и авторовъ. Впрочемъ, относительно указателя г. Маркевича объ этомъ говорить теперь поздно, а слѣдуетъ пожелать этому труду лишь исправленій, поясненій, дополненій и его продолженія.

Выпускъ 21-й Извѣстій заключаетъ въ себѣ продолженіе прежде начатыхъ статей—ордера кн. Пл. Зубова и описаніе дѣлъ таврич. истор. архива—и затѣмъ новыя статьи: 1) древнѣйшая книга Крымскихъ посольскихъ дѣлъ, М. Н. Бережкова, 2) нѣсколько словъ о мѣстности, прилегающей къ развалинамъ замка въ Гурзуфѣ, гр. А. А. Бобринскаго, 3) историческій очеркъ Крымско-татарскаго землевладѣнія, Ф. Ф. Лашкова, 4) слово при погребеніи кн. В. М. Долго-

рукаго-Крымскаго, 1782 г. и 5) письмо А. Я. Фабра къ Х. Х. Стевену, 1815 г.—Изъ этихъ статей обращаетъ на себя вниманіе начало работы г. Лашкова о Крымско-татарскомъ землевладѣніи. Какъ видно, авторъ близко знакомъ съ литературою предмета, не только печатнаго, но и архивнаго; тотъ и другой матеріалъ авторъ перечисляетъ довольно обстоятельно и даетъ читателю право ожидать отъ своего труда работы болѣе или менѣе обстоятельной, не смотря на трудность вопроса, которую вполнѣ сознаетъ и самъ авторъ, говоря: «время, въ продолженіе котораго развивается взятый для изученія вопросъ, обнимаетъ нѣсколько столѣтій, въ теченіе которыхъ протекла цѣлая историческая жизнь народа. Прослѣдить во весь этотъ періодъ обстоятельства, послужившія причиною образованія и уклада той или другой поземельной формы, весьма трудно, тѣмъ болѣе, что таковыхъ причинъ оказалось нѣсколько и притомъ самыхъ разнородныхъ... Кромѣ того, при изслѣдованіи вопроса необходимо разграниченіе сферы частно-хозяйственнаго права на землю отъ общественно-политическаго. Вотъ почему задача оказывается настолько сложной, что невозможно преодолѣть всѣ затрудненія»... О трудѣ г. Лашкова скажемъ подробнѣе, когда онъ будетъ оконченъ. Письмо Фабра къ Стевену заключаетъ въ себѣ тѣмъ болѣе любопытныя свѣдѣнія о древностяхъ Тамани, что они записаны восемьдесятъ лѣтъ назадъ.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Томъ пятый. Приложеніе къ біографіи князя А. К. Разумовскаго. Спб. 1894. 8° VI + 398 стр. Съ портретомъ Н. К. Загряжской.

Пятый томъ столь извѣстной книги «Семейство Разумовскихъ» изданъ подъ редакціей бывшаго профессора юрьевскаго университета Брикнера и заключаетъ въ себѣ дополненія къ біографіи кн. Андрея К—ча Разумовскаго. Дополненія состоятъ главнымъ образомъ изъ писемъ къ послѣднему разныхъ лицъ, между которыми письма гр. В. П. Кочубея представляютъ нѣкоторыя новыя свѣдѣнія для біографіи этого любимца кн. Безбородка и фортуны. Коротенькая біографія Н. К. Загряжской, одной изъ дочерей послѣдняго гетмана, даетъ лишь блѣдный очеркъ этой и умной, и остроумной женщины.

Кіево-Братскій училищный монастырь. Историческій очеркъ. Н. Мухина Кіевъ. 1893 г. ц. 2 р. 50 к.

Братскій монастырь въ историческомъ отношеніи занимаетъ исключительное мѣсто въ средѣ другихъ кіевскихъ монастырей. Онъ не имѣетъ за собою и такой древности, какою можетъ похвалиться большинство другихъ кіевскихъ монастырей; не обладаетъ онъ и такимъ обиліемъ святынь, какими славились и нынѣ славятся другія обители нашего «русскаго Іерусалима». Значеніе Кіево-Братскаго монастыря совсѣмъ особое. Основанный въ эпоху величайшаго религіозно-нравственнаго возбужденія среди южно-русскаго православнаго общества, Кіево-Братскій монастырь съ самыхъ первыхъ лѣтъ своего существованія былъ призванъ стать во главѣ ревнителей православія вообще и православнаго духовнаго просвѣщенія въ частности. Служеніе этой высокой идеѣ составляло долгое время индивидуальную особенность исторической жизни Кіево-Братскаго монастыря, съ чѣмъ соглашается и на что нарочито указываетъ и авторъ разсматриваемаго нами сочиненія (см. стр. 1—2, 23—25). Естественно, поэтому, ожидать, что авторъ «историческаго очерка» о Кіево-Братскомъ монастырѣ обратитъ особенное вниманіе на индивидуальную особенность предмета своего изслѣдованія. Но, къ сожалѣнію, въ разсматриваемомъ сочиненіи этого нѣтъ.

Сочиненіе состоитъ изъ вступленія, пяти главъ и 25 приложеній. Въ краткомъ вступленіи (стр. 1—8) говорится о современномъ и прежнемъ значеніи Кіево-Братскаго монастыря, намѣчаются періоды въ его исторіи и указываются источники и пособія, которыми пользовался авторъ. Въ первой затѣмъ главѣ (стр. 9—60) описываются обстоятельства основанія монастыря и его исторіи въ первый періодъ его существованія 1615—1631 г., когда монастырь устроялся; во второй главѣ (стр. 61—142) излагается исторія монастыря въ періодъ постепеннаго его роста (1632—1720 г.) въ союзѣ съ кіево-могилянскою коллегіею, къ концу этого періода получившею названіе Академіи; въ третьей главѣ (стр. 143—149) обозрѣвается судьба монастыря въ періодъ его постепеннаго упадка въ матеріальномъ отношеніи, заканчивающійся даже временнымъ закрытіемъ монастыря (1720—1786—1799 г.); въ четвертой главѣ (стр. 200—271) изображается судьба монастыря въ теченіе настоящаго вѣка, когда монастырь жилъ самостоятельно отъ академіи, хотя и подъ общею съ нею властію и управленіемъ настоятеля и вмѣстѣ ректора; наконецъ,

въ заключительной—пятой главѣ (стр. 272—307) описывается современное состояніе Кіево-Братскаго монастыря, а въ приложеніяхъ (стр. 311—407) помѣщено нѣсколько болѣе или менѣе древнихъ документовъ, касающихся исторіи монастыря и *не появившихся еще въ печати*. Таковъ планъ сочиненія, который безспорно долженъ быть признанъ естественнымъ и хорошимъ.

По содержанію же своему, сочиненіе представляетъ преимущественно собраніе біографій всѣхъ настоятелей Кіево-Братскаго монастыря и подробный указатель всѣхъ измѣненій относительно имуществъ и вообще матеріальныхъ средствъ его содержанія. Отсюда и самая конструкція сочиненія выходитъ нѣсколько однообразной. Сдѣлавъ краткую характеристику извѣстнаго періода, авторъ затѣмъ перечисляетъ всѣхъ настоятелей монастыря, перемѣнившихся въ теченіе этого періода, и здѣсь же указываетъ всѣ тѣ имѣнія и угодья, какія были пріобрѣтены монастыремъ при томъ или другомъ настоятелѣ. Такимъ образомъ, сочиненіе даетъ одну только внѣшнюю исторію монастыря и почти вовсе не касается внутренней его исторіи. Понятно, что такая точка зрѣнія непримѣнима ко всякому вообще монастырю и тѣмъ болѣе къ *Кіево Братскому училищному монастырю*. Подъ сѣнію этого монастыря существовало Богоявленское братство, равно какъ этотъ же монастырь, можно сказать, вскормилъ и выростилъ не менѣе славную кіевскую академію. Очень жаль, что авторъ мало обращаетъ вниманія на братство и академію, которыя были тѣсно связаны въ своей дѣятельности съ Кіево-Братскимъ монастыремъ и во всякомъ случаѣ были много обязаны ему, и вообще мало останавливается на внутренней жизни монастыря. Авторъ и самъ сознаетъ это и въ свое оправданіе ссылается на то, что «написать исторію Братскаго монастыря, которая обнимала бы и указанную (т. е. внутреннюю) сторону жизни его, за крайнею скудостію необходимыхъ для сего данныхъ—дѣло очень не легкое, пока почти невозможное». Однако же авторъ не воспользовался надлежащимъ образомъ даже тѣми источниками, какіе у него были подъ руками. Разумѣемъ «ламентаціи Кіево-Братскихъ монаховъ» и письмо Феофана Прокоповича. Продуктивность автора въ отношеніи къ нимъ выразилась лишь въ томъ, что онъ приводитъ ихъ въ своемъ сочиненіи или цѣликомъ, или въ выдержкахъ, но не старается на основаніи ихъ нарисовать болѣе или менѣе полную картину внутренней жизни монастыря.

Кстати о выдержкахъ. Онѣ занимаютъ едва не четверть обширнаго труда и приводятся не всегда удачно авторомъ. Во 1) иногда вмѣсто нѣсколькихъ предложеній, которыхъ было бы вполнѣ достаточно для поясненія извѣстной мысли, приводятся цѣлые трактаты (см. стр. 29—30), а во 2) приведеніе обширныхъ выдержекъ въ текстѣ иногда является совершенно излишнимъ въ виду того, что онѣ заимствуются изъ документовъ, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ (см. стр. 48—49; 70—71 и др.). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ вдается въ совершенно излишнія розысканія (напр., касательно имени основательницы монастыря, стр. 10, 11), или же въ совершенно ненужныя подробности (напр. о любви архим. Иннокентія къ природѣ стр. 234—238). Сами по себѣ нѣкоторыя изъ этихъ розысканій и подробностей весьма интересны, но въ исторіи Кіево-Братскаго монастыря имъ не мѣсто: здѣсь можно было-бы ограничиваться простыми ссылками.

Въ грамматическомъ и стилистическомъ отношеніи разсматриваемое сочиненіе не вполнѣ безукоризненно. Встрѣчаются неправильныя предложенія (напр., стр. 87 первыя 2 строки сверху и слѣд.; стр. 254 прил. 2 и 255 первыя строки сверху, стр. 172 и др.) и неловкія выраженія (напр., стр. 3: «союзная съ нимъ, т. е. монастыремъ, академія»; стр. 14: «имѣя средства къ дѣламъ благотворительности»; стр. 42: «побѣдоносная сила Богдана Хмельницкаго была мечемъ», «въ своемъ разъярѣніи на Украйну и др.»).

Относительно приложеній замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, вопреки обѣщанію автора помѣщать здѣсь документы *непоявившіеся въ печати* (стр. 4), взяты авторомъ изъ печатныхъ изданій (напр., первые два документа).

Указанные нами недостатки нисколько не умаляютъ достоинствъ сочиненія, являющагося первымъ опытомъ въ своемъ родѣ. Мы отмѣтили всѣ замѣченные нами недостатки на случай могущаго быть второго изданія книги. Изданіе это весьма желательно. Достоинства разсмотрѣннаго нами сочиненія безспорно значительны. Авторъ работалъ преимущественно на основаніи сырого архивнаго матеріала. Сочиненіе въ общемъ читается легко и съ большимъ непрерывающимся интересомъ. Его можно рекомендовать всякому образованному читателю.

Ѳ. Титовъ.

Археологическія Извѣстія и Замѣтки, издаваемыя Импер. Московскимъ Археологич. Обществомъ подъ ред. дѣйств. чл. А. В. Орѣшникова. №№ 1—12-й. Москва. 1894.

Періодическое изданіе Московскаго Археологическаго Общества въ 1894 г. издавалось безъ замѣтныхъ перемѣнъ противъ прошлаго года. Поэтому ограничимся указаніемъ въ немъ статей и извѣстій, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ югу Россіи. Изъ статей мы остановимся на слѣдующихъ.

И. Е. Забѣлина «Замѣтка объ одномъ темномъ мѣстѣ въ Словѣ о Полку Игоревомъ» (№ 10). «Мѣсто это въ «Словѣ» читается такъ: «Рекъ Боянъ *и ходы на* Святославля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова *Коганя хоти*: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Русской Земли безъ Игоря». Маститый московскій археологъ полагаетъ, что въ словахъ «*и ходы на*» заключается собственное имя пѣснотворца *Ходына*; что же касается слова *коганъ*, то онъ придаетъ ему значеніе, болѣе обширное, чѣмъ слово *князь*, и считаетъ возможнымъ, что оно могло обозначать также и *отца;* слово *хоть* въ лѣтописномъ языкѣ могло значить *любимецъ* (собственно любовникъ); въ результатѣ все приведенное мѣсто «Слова», по толкованію г. Забѣлина, получаетъ слѣдующій смыслъ: «Рекъ Боянъ, и Ходына,Святославовы пѣснотворцы, (пѣснотворцы) стараго времени Ярославова, Ольгова когана—отца любимцы». «Что же они, пѣснотворцы, рекли»,—спрашиваетъ авторъ: «Они рекли свои припѣвки. Одинъ, Боянъ, когда-то сказалъ припѣвку: «Тяжко ти головѣ, кромѣ плечю». Вторя Бояну, другой пѣснотворецъ Ходына примолвилъ: «Зло ти тѣлу, кромѣ головы». А третій—пѣвецъ Игоревъ—припомнилъ и привелъ къ мѣсту ихъ старыя словесы именно для того, чтобы сказать: «А русской землѣ (тѣлу) тяжко и зло безъ (головы)—Игоря». Въ житіи св. Θеодосія печерскаго г. Забѣлинъ указываетъ подтвержденіе, что Святославъ дѣйствительно любилъ пѣснотворчество; имена же, созвучныя Ходынѣ, онъ находитъ у Вятичей и у западныхъ славянъ, и даже въ греческихъ надписяхъ черноморскаго побережья, а отголоски подобныхъ же именъ отыскиваетъ въ мѣстныхъ названіяхъ.

Въ томъ же, десятомъ, номерѣ «Арх. Изв.» напечатана статья *А. О.* «Новые матеріалы по вопросу о загадочныхъ фигурахъ на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ». Таинственные значки, замѣчаемые на монетахъ, относимыхъ къ св. Владиміру святому, Святополку и

Ярославу, возбуждали до послѣдняго времени недоумѣніе изслѣдователей; одни изъ послѣднихъ видѣли въ этой фигурѣ трезубецъ, другіе—свѣтильникъ или паникадило, третьи—хоругвь (labarum) и пр. Академикъ А. А. Куникъ усматривалъ въ ней родовой знакъ собственности.

Авторъ разсматриваемой статьи, *А. О.*, реферируетъ докладъ, присланный Московскому Археологич. Обществу статистикомъ вятскаго губернскаго земства *П. М. Сорокинымъ*. Въ докладѣ этомъ привлекаются къ изученію данныя этнографіи, именно—знаки собственности у вотяковъ; эти знаки имѣютъ родовой характеръ и въ нисходящихъ поколѣніяхъ подвергаются послѣдовательнымъ измѣненіямъ; соотвѣтственно этому и въ подтвержденіе мнѣнія Куника, разсматриваются и знаки на древнихъ русскихъ монетахъ, при чемъ авторъ даетъ небольшой экскурсъ объ извѣстныхъ дрогичинскихъ пломбахъ, которыя онъ признаетъ тоже знаками собственности, и воспроизводитъ любопытное изображеніе на одномъ древнемъ перстнѣ, аналогичное съ фигурой на монетахъ и съ нѣкоторыми изъ дрогичинскихъ значковъ.

Статья И. А. Линниченка «Ново-открытое свидѣтельство о времени в. кн. Изяслава Ярославича» (№ 11) вызвана замѣткой краковскаго профессора Анатолія Левицкаго «Надпись на палліумѣ XI в.» помѣщенной въ журналѣ «Kwartalnyk Historyczny», и представляетъ собою историческій комментарій къ любопытной записи въ одной рукописи XV в., хранящейся въ Курницкой библіотекѣ гр. Рачинскихъ и заключающей копіи разныхъ документовъ. Въ русскомъ переводѣ запись эта гласитъ слѣдующее: «Списокъ надписи на палліумѣ св. Адальберта. Молитвами св. Димитрія подаждь Боже всемогущій многая лѣта рабу Твоему Изяславу, князю Русскому, во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную, аминь. Господи, да будетъ во имя Твое». Проф. Левицкій пришелъ къ заключенію, что палліумъ, съ котораго была скопирована приведенная надпись, не принадлежалъ св. Адальберту (Войцѣху), ибо послѣдній не былъ архіепископомъ, а слѣдовательно и не могъ носить палліума; имя русскаго князя, по его мнѣнію, могло явиться на палліумѣ только потому, что Изяславъ приподнесъ его какому-нибудь архіепископу; краковскій ученый видитъ въ этомъ доказательство, что Изяславъ принялъ католичество. Это послѣднее заключеніе г. Линниченко оспариваетъ посредствомъ анализа современныхъ Изяславу политическихъ событій и отношеній, полагая, что палліумъ привезенъ былъ изъ Рима гнѣзненскому архіепископу Богумилу, а Изяславъ далъ только драгоцѣнную матерію

на облаченіе съ вышеприведенной надписью, которая въ XV вѣкѣ была переведена на латинскій языкъ; къ тому же на католическихъ палліумахъ не извѣстно надписей.

Н. Ф. Романченко въ статьѣ «Къ вопросу о древнемъ поселеніи вблизи Евпаторіи» (№ 1), основываясь на нѣкоторыхъ находкахъ, сдѣланныхъ въ 1893 году, склоняется къ мнѣнію, что въ окрестностяхъ названнаго города находился греческій городъ Керкинитида.

А. Н. Шварцъ въ замѣткѣ «По поводу одной Керченской вазы» (№№ 3—4) даетъ художественное толкованіе изображенію на вазѣ, открытой въ Керчи гр. А. А. Бобринскимъ. Послѣдній отвѣчалъ г. Шварцу и давалъ свои объясненія (№№ 6—7).

Изъ мелкихъ замѣтокъ имѣютъ отношеніе къ Югу Россіи извѣстія о поѣздкахъ на о-ва Березань и Каменоватый, о раскопкахъ В. И. Гошкевича въ херсонск. губ., объ археологическихъ находкахъ въ Керчи, Ѳеодосіи, Кіевѣ и кіевской губ. (бар. де Бай), въ Аккерманѣ, о коллекціяхъ древностей д-ра Ролле въ Каменецъ-Подольскѣ, гр. Тышкевича въ Парижѣ, церковно-археологическомъ музеѣ въ Кіевѣ (пожертвованіе г. Леонардова), объ открытомъ г. Бѣляшевскимъ въ Варшавѣ описаніи Кіева XVII в. и др. древнихъ документахъ.

Въ журналѣ даются отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и отзывы о новостяхъ археологической литературы, къ сожалѣнію, очень краткіе.

Съ новаго года журналъ будетъ выходить подъ новой редакціей И. А. Линниченко и В. М. Михайловскаго, при участіи прежняго редактора. Пожелаемъ ему освободиться изъ-подъ зависимости газетныхъ репортеровъ, войдя въ ближайшія сношенія съ провинціальными членами Археол. Общества и приступить къ разработкѣ богатыхъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ послѣдняго.

В. Ястребовъ.

О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. И. Слѣпушкина. Изданіе 4-е Коммиссіи народныхъ чтеній въ Кіевѣ. Кіевъ 1894 г.

Изъ вышеизложеннаго видно, что книжка эта не новая и выдерживаетъ уже четвертое изданіе; впервые она появилась четверть вѣка назадъ, еще при жизни ея почтеннаго автора, имя котораго памятно кіевлянамъ, и особенно дорого воспитанникамъ кіевской 2-й

гимназіи, какъ лучшаго педагога, какъ добраго начальника, какъ безукоризненно честнаго человѣка; она появилась въ періодъ наибольшаго развитія интереса къ родной старинѣ, когда кіевская археографическая коммиссія стала издавать лѣтописи и акты по исторіи козачества, когда и С.-Петербургская коммиссія предприняла печатаніе «актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи», продолжая тѣмъ дѣло, начатое обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ при московскомъ университетѣ, когда эти серьезныя изданія изучалась не только спеціалистами, но и вообще весьма многими образованными людьми, когда даже преподаватели гимназій читали ученикамъ въ классѣ лѣтописи Самовидца, Величка, Грабянки и сообщали хотя краткія свѣдѣнія по исторіи южно-русской литературы, а между тѣмъ, для народнаго чтенія не было ни одной книги, чтобы ознакомить грамотныхъ людей съ важнѣйшимъ моментомъ въ исторіи южной Руси. Въ это то именно время доброй памяти И. И. Слѣпушкинъ сдѣлалъ попытку удовлетворить этой назрѣвшей потребности. Этотъ трудъ автора отличается твердостью и опредѣленностью взгляда, обстоятельностью и полностью разсказа; при этомъ отъ начала до конца разсказъ согрѣтъ любовью автора и къ своему народу, и къ его герою и оканчивается трогательной картиной послѣдняго года жизни Хмельницкаго. Могутъ, конечно, сказать, что въ протекшую четверть вѣка не мало вышло въ свѣтъ новыхъ матеріаловъ, появилось нѣсколько новыхъ работъ, намѣчаются новыя точки зрѣнія на козачество и на самого Хмельницкаго и что, слѣдовательно, работа И. И. Слѣпушкина пожалуй уже и поотстала. Да, отвѣтимъ мы, дѣйствительно, исторія козачества начинаетъ перерабатываться, новое направленіе чувствуется уже; но все это такъ неопредѣленно, такъ трудно предвидѣть тотъ окончательный выводъ, къ которому прійдетъ историческая наука, что заносить всѣ эти толки о козачествѣ и Хмельницкомъ въ книгу для народнаго чтенія едва-ли было бы благоразумно, ибо они препятствовали бы только ясному представленію въ народѣ о дѣлѣ Хмельницкаго. Поэтому, мы думаемъ, книга не потеряла еще своего значенія и сохранитъ его до тѣхъ поръ, пока не выяснится рѣшительно новая точка зрѣнія на событія того времени на основаніи безпристрастнаго изученія историческаго матеріала и строго научной оцѣнки дѣятельности героевъ.

Настоящее четвертое изданіе сочиненія И. И. Слѣпушкина сдѣлано Коммиссіей народныхъ чтеній въ Кіевѣ, такъ какъ сочиненіе составляетъ собственность коммиссіи (оно уступлено ей родственни-

ками и наслѣдниками автора); это изданіе имѣетъ предъ прежними то преимущество, что снабжено портретомъ Богдана Хмельницкаго по гравюрѣ Гондіуса 1651 г., которая, какъ самая древняя и современная оригиналу, считается и самой вѣрной; снимокъ сдѣланъ превосходно; подъ нимъ находится факсимиле подписи гетмана, взятое коммиссіей изъ извѣстной книги «Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ [1])». Брошюра одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для публичныхъ народныхъ чтеній. Остается пожелать, чтобы и настоящее четвертое изданіе ея также быстро разошлось, какъ и три предшествовавшія, тѣмъ болѣе, что деньги, вырученныя отъ продажи изданія, идутъ на благое дѣло сооруженія народной аудиторіи.

И. Каманинъ.

Dr. G. Radde und E. König. Das Ostufer des Pontus und seine culturelle Entwickelung im Verlaufe der letzten dreissig Jahre. Gotha, 1894. (Petermanns Mittheilungen, Ergänzungsheft, № 112).

Заглавіе книги мало соотвѣтствуетъ ея содержанію: изъ 120 страницъ текста развѣ шестая часть относится къ культурному развитію восточнаго берега Чернаго моря за послѣднее тридцатилѣтіе. Въ сущности это выдержки изъ записной книжки ботаника, причемъ по случайнымъ поводамъ заносятся и личныя впечатлѣнія, вызванныя встрѣчами съ людьми. Колонизація и вообще культура черноморскаго побережья и Кубанской области затронуты авторами лишь попутно, приводится нѣсколько отрывочныхъ цифръ, напр. о торговлѣ новороссійскаго порта въ 1885 и 1892 гг., нѣсколько случайныхъ замѣчаній объ отдаленныхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ, все это безъ внутренней связи и безъ дѣйствительнаго знакомства съ экономической жизнью края. Нѣсколько подробнѣе свѣдѣнія, сообщаемыя авторами объ Анапскомъ округѣ и въ частности о нѣмецкихъ колоніяхъ, а также о государевомъ имѣніи Абрау (къ западу отъ Новороссійска). Не лишены интереса, хотя и не новы, наблюденія авторовъ о хищническомъ истребленіи вѣковыхъ лѣсовъ по дорогѣ изъ Туапсе въ Майкопъ и печальномъ положеніи переселенцевъ на Кубань.

[1]) Составили проф. В. Б. Антоновичъ и В. А. Бецъ по коллекціи В. В. Тарновскаго. Кіевъ 1885 г.

Приложенныя къ книгѣ карты показываютъ распространеніе на Кавказѣ зубра и маршрутъ нашихъ путешественниковъ. Языкъ сочиненія заставляетъ желать лучшаго, а транскрипція именъ собственныхъ довольно неудовлетворительна. Прибавимъ, что г. Радде—директоръ тифлисскаго музея для естествознанія, этнографіи и археологіи Кавказа. В. Ц.

Живописная Украйна.

(Указатель рисунковъ изъ малорусскаго быта въ иллюстрированныхъ журналахъ за 1894 годъ).

По мѣрѣ того, какъ съ развитіемъ искусства увеличивается число художественныхъ силъ и расширяется ихъ дѣятельность, а въ удовлетвореніе возростающей въ обществѣ потребности въ художественно-литературныхъ изданіяхъ увеличивается число иллюстрированныхъ журналовъ,—южнорусскій край, въ его видахъ и типахъ, больше и больше привлекаетъ къ себѣ вниманіе художниковъ и даетъ содержаніе для ихъ произведеній, появляющихся какъ на художественныхъ выставкахъ, такъ и на страницахъ иллюстрированныхъ изданій. Каково бы ни было достоинство этихъ произведеній, они также, какъ и статьи, посвященныя южнорусскому краю, представляютъ собою матеріалъ для его изученія, рисуя (болѣе или менѣе удачно) въ образахъ то, что̀ другіе дѣятели описываютъ въ своихъ статьяхъ. Въ виду этого, въ дополненіе къ помѣщеннымъ въ предъидущихъ книгахъ «Кіевской Старины», обозрѣніямъ журнальныхъ статей, относящихся къ южнорусскому краю, мы сочли не лишнимъ перечислить относящіеся къ тому же краю рисунки, помѣщенные въ журналахъ за истекшій 1894 годъ, причемъ не претендуемъ на полноту этаго указателя, такъ какъ мы не могли читать всѣ иллюстрированные журналы, а имѣли въ виду лишь тѣ изъ нихъ, въ которыхъ такого рода рисунки помѣщались въ наибольшемъ количествѣ. Для удобства въ справкахъ, какъ названія журналовъ, такъ и фамиліи художниковъ располагаемъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Артистъ.

Снимки съ картинъ:

а) *Куинджи А. И.*—Чумацкій трактъ, № 3.

б) *Пимоненко Н. К.*—Паробки, № 6.

Портретъ: А. А. Переверзева (малорусская актриса, ум. въ 1894 г.) № 4.

Всемірная Иллюстрація.

Снимокъ съ картины Костенко С. — Передъ звѣринцемъ (въ южно-русскомъ городкѣ), № 1329.

Оригинальные рисунки:

а) *Ижакевича И.* — Странствующій философъ Сковорода на пути № 1350.

б) *Менка В. В.*—Уголокъ Малороссіи, № 1324.

в) *Рѣпина И. Е.*—1) Хата въ Новороссіи. — 2) Типъ козака-пластуна (изъ книги «Русскіе художники. И. Е. Рѣпинъ»), № 1337.

г) *Скиргелло А.*—Ярмарочныя сцены въ Малороссіи, № 1341.

д) *Ткаченко Н.*—Святочные гуляки въ Малороссіи, № 1301.

е) *Трутовскаго К. А.*—Малороссы на Ярмаркѣ, № 1303.

Портреты и виды: Г. С. Сковорода, украинскій философъ (съ портрета, изд. П. Бекетовымъ). № 1350.—Столѣтіе Одессы (девять портретовъ и 27 видовъ), № 1337 и приложеніе къ № 1345.—Открытіе памятника на могилѣ І. Г. Наумовича въ Кіевѣ, № 1343.—Борки, харьковской губерніи (три вида) №№ 1325 и 3727.

Живописное Обозрѣніе.

Снимки съ картинъ:

а) *Брандта І.*—Напали на слѣдъ, № 50.

б) *Козановской М. А.*—Сборъ свеклы, № 33.

в) *Маковскаго В. Е.*—Соперница, № 8.

Портреты и виды: Столѣтіе Одессы (четыре портрета и 16 видовъ), приложеніе къ № 35 и № 37.—Борки (видъ церкви), № 26.

Жизнь и Искусство.

Снимки съ картинъ:

а) *Генюко И. В.*—1) Нагулялся, № 151.—2) Спортсмены, № 172.

б) *Жлудкина Г. Г.*—Задумалась, № 151.

Оригинальные рисунки:

а) *Селезнева И. Ѳ.*—1) Запорожецъ, № 51.—2) На Волыни, № 69.

д) *Эртеля А.*—Украинская ночь, № 172.

Портреты: Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, № 83.—М. К. Заньковецкая, № 125.—Н. К. Садовскій, № 125.—Профессоръ В. Бецъ, № 305.—Должностныя лица Кіевскаго городскаго управленія, №№ 51 и 111.

Виды: Кіевъ (четыре вида), №№ 4 и 211.—Одесса, № 248.—Борки, № 234.

Звѣзда.

Рисунки:

а) *Дейнеки.*—Возвращеніе съ поля, № 33.

б) *Козачинскаго Ѳ.*—На припекѣ, № 31.

в) *Молдавскаго В.*– Дьякъ и Солоха, № 25.

г) *Оболенскаго Н.*—Изъ поэмы «Полтава» А. С. Пушкина, № 27.

д) *Скиргелло А.*—Пасха въ Малороссіи, № 16.

Портреты и виды: Г. С. Сковорода, № 47.—Столѣтіе Одессы (одинъ портретъ и шесть видовъ).

Модный Свѣтъ.

Снимокъ съ картины Пимоненка Н. К. — Свадьба въ кіевской губ., № 26.

Рисунокъ Приходько И.—За прялкой, № 6.

Мозаика (приложеніе къ журналу «Новь»).

Снимки съ картинъ Рѣпина И. Е.—1) Запорожецъ.—2) Смѣющійся запорожецъ.—3) Запорожецъ въ степи.—4) Малороссійская дѣвушка, № 2.

Нива.

Снимки съ картинъ:

а) *Брандта І.*—Козакъ-бандуристъ, № 25.

б) *Васильковскаго С. И.*--Козачья левада, № 17.

в) *Гороновича В.*—Дѣдова хата, № 49.

Оригинальные рисунки:

а) *Дмитріева-Оренбургскаго Н.*—Карлъ XII на Днѣпрѣ, № 3.

б) *Ижакевича.*—1) Рѣдкій гостинецъ, № 1.—2) По мягкому снѣгу, № 5.—3) «Закуримъ», № 6.—4) Послѣ битвы, № 7—5) Маленькая говѣльщица, №12.—6) Говѣльщики, записывающіеся при исповѣди, № 15.—7) Зарываніе на нивѣ костей, оставшихся отъ разговѣнья въ свѣтлый праздникъ, № 16.—8) Украинскій кобзарь, № 23.—9) Водяная мельница, № 27.—10) У корчмы, № 29.—11) Въ засадѣ, № 31.—12 Приготовленія запорожцевъ къ походу, № 34.—13) Веселая компанія, № 35.—14) Рисунокъ къ роману Сенкевича «Огнемъ и мечомъ». № 36.—15) У кузницы, № 37.—16) Любопытный, № 40.—17) Доморощенный механикъ, № 42.—18) Маленькій плѣнникъ, № 44.—19) «Причинна» Шевченка, № 50.—20) Промывка овчинъ зимой въ Малороссіи, № 51.

в) *Кравченко Н.*—Въ степи, № 39.

г) *Крижицкаго К.*—На берегу Днѣпра № 12.

д) *Лебедева Н.*—1) Папскій нунцій подноситъ князю Даніилу Галицкому королевскую корону, № 7.—2) Владиміръ Мономахъ, пришедшій въ Кіевъ, чтобъ наказать Святополка, выслушиваетъ моленія митрополита Кіевскаго и мачихи своей; № 9.

е) *Храброва И.*—Сорочинская ярмарка Гоголя (восемь рисунковъ, перепечатанныхъ изъ изданной Марксомъ книги) № 18.

Портреты: Григорій Саввичъ Сковорода, № 41.—Гоголь, читающій «Ревизора», № 1.

Виды: Одесса (18 видовъ), №№ 35 и 39.—Борки (два вида), № 24.—Памятникъ на могилѣ Наумовича въ Кіевѣ, № 42—Преображенскій дѣвичій монастырь (Кіевской губ.), № 31.

Н о в ь.

Снимки съ картинъ:

а) *Нитциа* - сына Э.—Карлъ XII въ битвѣ подъ Полтавой № 20.

б) *Рейшана М.* — Концертъ у проѣзжей дороги въ Малороссіи, № 13.

в) *Портретъ* И. П. Котляревскаго и *видъ* его могилы, №. 22.

По морю и сушѣ.

Портреты. М. К. Заньковецкая, № 45.— М. И. Драгомировъ, № 53.—Одесскіе городскіе головы (два портрета), №№ 67 и 69.

Виды: Одесса (30 видовъ), №№ 43, 48, 50, 51, 54, 55, 57, 66, 67, 69, 70 и 71.—Окрестности Одессы (шесть видовъ), №№ 47, 56 и 68.

Р о д и н а.

Снимокъ съ картины Рѣпина И. Я.—Отвѣтъ Султану, № 9.

Рисунки:

а) *Кузнецова Н.*—Отъ грозы, № 28.

б) *Микѣшина М. О.*—Базаръ въ Малороссіи, № 5.

в) *Пилотти Г.*—Еврейскій шабашъ въ городкѣ юго-западной Россіи, № 42.

г) *Полякова В.*—Иллюстраціи къ сочиненіямъ Н. В. Гоголя: «Ночь подъ Рождество» (четыре рисунка), №№ 1 и 2.—«Майская ночь или утопленница» (четыре рисунка), №№ 3—5.—«Страшная месть (шесть рисунковъ), №№ 6—9.—«Пропавшая грамота (три рисунка), №№ 11—11.—«Остраница» (три рисунка), №№ 16—18.—«Тарасъ Бульба» (десять рисунковъ), №№ 41—50.

д) *Ризниченко Ѳ.*—По сосѣдямъ, № 6.

е) *Сапьги А.*—На покосѣ, № 24.

ж) *Скиргелло А.*—Егорьевъ день въ Малороссіи, № 17.

Виды: Одесса, № 39.—Борки, № 44.—Святогорская Успенская общежительная пустынь, № 17.

Сѣверъ.

Снимки съ картинъ:

а) *Казановской—Классъ М. А.*—Сборъ бураковъ, № 19.

б) *Маковскаго В. Е.*—Малороссійскій пейзажъ, № 19.

Рисунки:

а) *Валуйскаго Р.*—«Тарасъ Бульба» Гоголя.

б) *Дмитріева-Оренбургскаго Н. Д.*—Запорожецъ на сторожевомъ посту въ XVII столѣтіи, № 25.

в) *Козачинскаго Ѳ.*—1) Паробокъ, № 26. 2) Старый помѣщикъ, № 31.

г) *Матасова В. В.*—Мщеніе Ольги древлянамъ, № 50.

д) *Ткаченко Н.*—На ярмаркѣ, № 13.

е) *Шкарева*—«Утоплена» Т. Г. Шевченко, № 9.

Портреты и виды: Т. Г. Шевченко. № 9.—Къ столѣтію Одессы (два портрета и три вида), № 35.—Борки (три вида), № 27.

Иностранные журналы.

Относительно иностранныхъ иллюстрированныхъ журналовъ, которыхъ мы видѣли лишь незначительную часть, мы вслѣдствіе этого можемъ сдѣлать очень немногія указанія.

Польскій журналъ «*Tygodnik Jllustrowany*», въ которомъ когда-то помѣщалось много рисунковъ изъ малорусскаго быта, въ истекшемъ году далъ лишь снимки съ двухъ картинъ Юлія Зубера изъ галиційскаго быта: «W tańcu» (№ 237) и «Zakochana» (№ 255) три вида м. Славуты, Волынской губ. (№ 230) и виды Львовской выставки (№№ 235, 239, 244 и 250).

Въ чешскихъ журналахъ «Světozor» и «Zlata Praha» были помѣщены снимки съ картины Іосифа Брандта «Powitanie stepu», и кромѣ того въ первомъ изъ нихъ помѣщались хорошіе фототипическіе снимки по фотографіямъ съ натуры къ статьѣ Fr. Řehoř'a «Z cest po Haličské' Rusi», изображающіе виды разныхъ мѣстъ, постройки, типы, сцены, и т. п., въ количествѣ 48, въ №№ 21—23, 38—40 и 49—52.

Изъ нѣмецкихъ журналовъ въ *«Die Graphischen Künste»* были помѣщены превосходно исполненные снимки съ картинъир и сунковъ И. Е. Рѣпина, въ томъ числѣ нѣсколько изъ малорусскаго быта: Запорожцы, козакъ-пластунъ, Типъ козака, Деревенскій скрипачъ, Хата въ Новороссіи, Запорожскія пушки.

По сообщенію журнала «Новь», снимки съ произведеній Рѣпина помѣщались также и во многихъ Американскихъ иллюстрированныхъ журналахъ.

Н. Ш.

Журнальное обозрѣніе [1]).

Въ **Трудахъ Кіев. Дух. Академіи** (№ 12-й 1894) помѣщено произведеніе южнорусскаго духовнаго писателя Θеодосія Сафоновича—«мученіе св. великомученницы Варвары и повѣсть о преславныхъ чудесахъ «ея (стр. 598—614). Произведеніе это написано въ 1669 г., когда Сафоновичъ былъ игуменомъ Михайловскаго монастыря (1655—1676). «Повѣсть о преславныхъ чудесахъ» заключаетъ въ себѣ нѣсколько небезъинтересныхъ чертъ изъ религіозно-нравственнаго быта южнорусскаго народа въ XVII в.

Въ **Восходѣ** (№ 12-й 1894) помѣщены: 1) С. М. Дубнова—свѣдѣнія объ областныхъ кагально-раввинскихъ съѣздахъ въ провинціяхъ Малопольской, Великопольской, Подоліи и Волыни въ XVII—XVIII в. в. (стр. 139—150). Тутъ же авторъ сообщаетъ свѣдѣніе о древнемъ еврейскомъ молитвенникѣ, заключающемъ въ себѣ между прочимъ молитвы—«о убіенныхъ на Руси и Украйнѣ въ 1648—49 г.» и «о Жертвахъ рѣзни и войнъ въ Польшѣ въ 1654—60 г.» и 2) Ис. Блюменфельда—По колоніямъ Херсонскаго уѣзда (стр. 1—18). Здѣсь сообщаются небезъинтересныя свѣдѣнія объ успѣшныхъ занятіяхъ евреевъ земледѣліемъ...

Въ **Русск. Архивѣ** (№ 12-й 1894) въ небольшой статейкѣ о гр. П. А. Клейнмихелѣ (стр. 590—591), написанной по поводу столѣтія со дня рожденія послѣдняго, авторъ г. П. Б. упоминая «о трудолюбіи и покорливости гр. К—ля во время его службы при его благодѣтелѣ графѣ Аракчеевѣ», говоритъ, что впослѣдствіи «имя гр. К—ля было грозно на всю Россію. Когда онъ пріѣзжалъ отдыхать къ себѣ въ Почепъ [2]) (Мглинск. уѣзда, Черниг. губерніи), то и губернаторъ мѣстный, и правители сосѣднихъ губерній по цѣлымъ часамъ дожидались въ его саду (?), пока онъ удостоитъ ихъ приглашенія къ себѣ».

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 12.

[2]) Почепъ купленъ гр. К—лемъ у наслѣдниковъ гр. А. К. Разумовскаго, послѣ чего дочь послѣдняго княгиня В. А. Репнина перевезла прахъ родителя своего изъ Почепа въ Н. Сѣверскій монастырь. См. Кіевск. Стар. 1894 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ Книжные Магазины **Н. Я. ОГЛОБЛИНА**

въ Кіевѣ и С.-Петербургѣ въ **теченіе 1894 года** поступили въ продажу слѣдующія книги **по Исторіи:**

Акты Холмогорской и Устюжеской епархій. Кн. II СПБ. 1895г. ц. 2 р.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній (1742—1767). Од. 1893 ц. 1 р. 50 к.

Архивъ Сенатскій. VI. Журналы и опредѣленія Прав. Сената 1744—1746 г. СПБ. 1893 ц. 2 р. 25 к.

Архивъ Юго Западной Россіи ч. 8-я Т. II.—Матеріалы для исторіи мѣстнаго управленія въ связи съ исторіею сословной организаціи Акты Барскаго старов. XVII—XVIII в. К, 1894 ц. 2 р.

Бантышъ-Каменскій Н. Н. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ) ч. 1-я (Австрія, Англія, Венгрія, Голландія, Данія Испанія) М. 1894 ц. 2 р.

Барсуковъ Н Жизнь и труды М. П. Погодина кн. VIII-я СПБ. 1894 ц 2. р. 50 к. (за всѣ 8 кн. ц. 20 р.)

Бильдерлингъ А. Просвѣтители Россіи. Съ фототипіями. СПБ. 1894 ц. 3 р.

Бобринскій Ал. Курганы и случайныя археологическія находки близъ м. Смѣлы. Т. 2 й Дневники раскопокъ 1887—1889 г. и о курганахъ Звенигородскаго и Роменскаго уѣздовъ. СПБ. 1894 ц. 8 р.

Бороздинъ К. А. Россійскій царственный домъ Романовыхъ. Подписн. цѣна за 10 портр. СПБ. 1893 ц. 1 р. 75 к.

Бузескулъ В. Научная литература по Греческой исторіи за послѣдніе годы (1880—1892) въ ея главныхъ явленіяхъ. I. Общія сочиненія по исторіи Греціи, М. 1893 ц. 40 к. Отт. изъ IV т. «Филологич. Обозр» 1893 г.

Бумаги князя Гр. Ал. Потемкина Таврическаго 1788—1789 гг. Напечат. подъ ред. Н. Ѳ. Дубравина. СПБ. 1894 ц. Изд. Военно-Учен. Комит. Главн. Шт. Сборникъ В. Истор. матеріаловъ Вып. VII. 2 р. 25 к.

Буцинскій П. Н. Къ исторіи Сибири: Сургутъ, Нарымъ и Кетскъ до 1645 г. Харьк. 1893 ц. 80 к.

Бѣлокуровъ С. Арсеній Сухановъ. Изслѣдованіе ч. 1-я.—Біографія. (Съ 3 фототип. снимками) М. 1891 ц 3 р. Часть II.—Сочиненія (съ 2 фотозип. снимками изд. 2-е) М. 1894 ц. 2 р.

Бѣляевъ Д. Ѳ. Byzantina. Очерки, матеріалы и замѣтки по Византійскимъ древностямъ. Кн. II. Съ табл. и планами, СПБ. 1893 ц. 4 р.

Васильчиковъ А. А. Семейство Разумовскихъ Т. V. Приложенія къ біографіи князя А. К. Разумовскаго, Изд. А. Брикнера СПБ. 1894 ц. 2 р. 50 к. за 5 т. 12 р. 50 к.

фонъ Винклеръ П. Русская Геральдика. Исторія и описаніе Русскихъ гербовъ съ изображеніемъ всѣхъ дворянскихъ гербовъ, внесенныхъ въ общій гербовникъ Всеросс. Имперіи, Вып. 3 (Съ 326 рис) СПБ. 1894 ц. 3 р. Вып. 1 и 2 по 3 р.

Виноградовъ П. Учебникъ всеобщей исторіи ч. II. Средніе вѣка. М. 1894 ц. 90 к. Изд. Кн. Маг. Дейбнера.

Випперъ Р. Вліяніе Кальвина и кальвинизма на политическія ученія и движенія XVI. вѣка. Церковь и Государство въ Женевѣ XVI в. въ эпоху кальвинизма. М. 1894. ц. 3 р. 50 к.

Владимірскій Будановъ М. Матеріалы для біографіи В. Стефановича (1607—1773) К. 1893 г. ц. 20 коп.

Волховской М. Г. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ (съ рис) СПБ. 1894. ц. 50 к. Жизнеописанія русскихъ государей и замѣчательныхъ въ исторіи людей (съ рис.) СПБ. 1894 ц. Изд. Кузина Т. Ѳ. (Книгопродавца.)

Вышеславцевъ А. В. Рафаэль. Посмертное изд. съ 53 рис. СПБ. 1894 ц. 8 р.

Вѣнокъ на гробъ возлюбленнаго Государя—Императора Александра III. М. 1894 ц. 10 коп.

Грегуаръ Л. Исторія Франціи въ XIXВ. Т. II. Іюльская монархія съ 1832 г. по 1848 г. Февральская революція. М. 1894 ц. 4 р. Изд. Солдатенкова.

Гротъ К. Я. Мадьяры и Славяне въ прошломъ. Историческія справки о Славизмѣ въ государствен. жизни Угріи Варш. 1893 ц. 25 к.

Грушевскій М. Дополнительныя главы къ изслѣдованію «Барское Старовство, Истор. очерки» К. 1894 ц. 50 к.

Гуревичъ Я. Г. Исторія Греціи и Рима. Изд. 6 е испр. СПБ. 1894 ц. 1 р.

Давидъ Царевичъ Грузинскій Краткая исторія Грузіи. Съ предисловіемъ К. Н. Бѣгичева Тифлисъ 1893 ц. 80 к.

Діонисій Архим. Можайскіе акты 1505—1775. СПБ. 1892 ц. 3 р. Изд. Общ. Древн. Письм. С. II.

Дмитріевъ А. Пермская старина Вып. V Покореніе Угорскихъ земель и Сибири. Пермь 1894 ц. 1 р.

Елецъ Ю. Русская эскадра во Франціи Въ Октябрѣ 1893 ц. 60 к.

Иловайскій Д. Смутное время Московскаго Государства. Окончаніе исторіи Россіи при первой династіи. М. 1894 ц. 2 р.

Іегеръ Оск. Всеобщая исторія. СПБ. 1894 ц. за 4 т. 14 р.

Каманинъ И. Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмѣльницкаго К. 1994 ъ. 90 к. Отт. изъ VIII кн. «Чтеній въ Истор. Общ. Нест. Лѣт.»

Карѣевъ Н. Историко философскіе очерки и соціологическіе этюды. СПБ, 1895 ц. 1 р. 25 к. Изд. Поповой О. Н.

Каталогъ Моск. Отдѣл Общ. Архива Главн. Штаба, Опись дѣлъ воинской комиссіи и кабинета. Вып. II (121 и 119 описи) Подъ ред Масловскаго. (Съ предисл. и объясн. запискою) СПБ. 1891 ц. тоже Вып. III (193 и 194 Описи) 1892 г. ц. за 3. вып. 1—50

Кондратьевъ И. К. Сѣдая старина Москвы. Историч. обзоръ и полный указатель ея достопамятностей. М. 1893 ц. 2 р. Изд. Морозова.

Коршъ М. Кр. словарь миѳологіи и древностей. СПБ. 1894 ц. 50 к.

Кояловичъ М. О. Исторія русскаго самосознанія по историч. памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ. Изд. 2-е СПБ. 1893 ц. 2 р. 35 въ перепл.

Куторга М. С. Собраніе сочиненій. Съ портр. авт. Т. I СПБ. 1895 ц. по подпискѣ 9 р. Изд. Пантелѣева.

Лабандъ Государственный строй Германской имперіи. Од. 1894 ц. 15 к. Изд. «Бейленсона и Юровскаго «Междунар. Библ.» № 19

Лакуръ—Гайе Ж. Историческія чтенія. Исторія новаго времени 1610—1789. Перев. съ Франц. съ 76 рис. въ т. СПБ. 1894 ц. 2 р. 50 к. Изд. Пантелѣева Л. Ф.

Лампрехтъ К. Исторія Германскаго народа Т. I. Части 1 и 2. Перев. сй нѣм. П. Николаева. М. 1894 ц. 4 р. Изд. Солдатенкова.

Лаппо-Данилевскій А. и Мальбергъ В. Древности Южной Россіи. Курганъ карагодеуашхъ. Съ IX табл. рис. и 88 политип. СПБ. 1894 ц. Матеріалы по Археологіи Россіи Изд. Импер. Археологич. коммиссію № 13.

Линниченко И. А. Черты изъ исторіи сословій въ Юго-Западной (Галицкой) Руси XIV—XV в. М. 1894 ц. 2 р.

Липпертъ Ю. Исторія культуры въ 3 отд. съ 83 рис. въ т. Перев. съ нѣм. Острогорскій А. и Струве П. СПБ. 1894 ц 1 р. 60 к.

Лихачевъ Н. Библіотека и архивъ Московскихъ Государей въ XVI. стол. СПБ. 1894 ц. 1 р. 50 к.

Ломиковскій В. Я. Словарь малорусской старины, составл. въ 1808 г. Подъ ред. и съ примѣч. Лазаревскаго. К. 1894 ц. 25 к.

Майковъ Л. Къ вопросу объ «Исторіи Русовъ». 30 к.

Масливскій Д. О. Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. II. Царствованіе Екатерины Великой. 1762—1794 г (Съ планами, чертежами и схемами) СПБ. 1894 ц. 6 р. за 2 кн.

Миклашевскій И. Н. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго Государства ч. 1-я. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка. М. 1894 ц. 2 р. 25 к.

Мищенко Ѳ. Г. Изученіе античнаго міра въ зависимости отъ успѣховъ науки и просвѣщенія. Каз. 1893 ц. 50 к.

Москва, ея святыни и памятники. М. 1894 ц. 30 к.

Мостовскій М. С. Исторія Храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Изд 4-е дополн. описаніемъ главн. корридоръ Храма, какъ историч. памятника отечественой войны 1812 г. М. 1891 ц. 75 к.

Нагуевскій Д. И. Труды Московскаго нумизматическаго Общества (I. полутомъ) Рецензія. Каз. 1894 ц. 30 к. Отт. изъ «Учен. Зап. Каз. Универс.» 1894 г.

Нибуръ Бартольдъ, его жизнь и дѣятельность Перев. съ нѣм. Л. О. Вейнберга. Съ прилож. письма Нибуракъ филологу. М. 1894 ц 60 к.

Обозрѣніе историческое. Сборникъ изд. подъ ред. Н. И. Карѣева (1894 г.) Т. VII. СПБ. 1894 ц. 1 р. 50 к.

Никитскій А. И. Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода. М. 1893 ц. 2 р. Изъ «Чтеній вп Имлер. Общ. Ист. и древн. Росс.»

Обозрѣніе Слявянское годъ II Сборникъ статей по Славяновѣдѣнію подъ ред. И. С. Пальмова. СПБ 2894 ц. Изд. СПБ. Славян. Благотворит. Общества.

Окольскій А. Ѳома Карляйль и Англійское Общество въ XIX стол. Варш. 1893 ц.

Опись дѣлъ секретнаго повытья Моск. Отд Общ. Архива Гл. штаба (47-я опись) подъ ред. и съ предислов. Масловскаго М. 1890 ц. за 3. в. 1 р. 50 к.

Орловъ Н. А. Штурмъ Праги Суворовымъ въ 1794 г. СПБ. 1894 ц. 1 р. 50 к.

Очеркъ историческій Смоленска. СПБ. 1894 ц. 1 р.

Павловскій И. Ф. и Старковскій В. М. Полтавская битва и ея памятники. (Съ рис. планомъ города и картами военныхъ дѣйствій) Полтава 1894 ц. 1 р.

Пискорскій В. Очерки по исторіи Западной Европы К. 1894 ц. 50 к.

Письма и бумаги Императора Петра Великаго. Т. III. (1704—1705) СПБ. 1893 ц. 4 р.

Покотиловъ Д. Исторія восточныхъ Монголовъ въ періодъ династіи Минъ 1368—1634 (По Китайскимъ источникамъ) СПБ. 1893 ц. 3 р.

Пресняковъ А. Е. Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. СПБ. 1893 ц. Отт. изъ 31-го Т. Зап. Истор. филог. Факультет. СПБ. Унив.

Регель В. источники Византійской исторіи Т. 1-й. вып. 1-й СПБ. 1892 ц. 1 р. 30 к. Regel W. Fontes rerum Byzantinarum. Petrop 1892 г.

Роланъ Личные мемуары. Перев. съ фр. Н. Г. Вернадской. СПБ. 1893 ц. 1 р. Изд. Истор. Общ. при Импер. СПБ. Унив.

Ростовцевъ М. И. О новѣйшихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ. СПБ. 1804 ц. 60 к. Отт. изъ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. Январь и Февраль 94 г.

Сборникъ И. Р. И. Общ. т 83-й. Политическая переписка Генерала Савари во время пребыванія его въ СПБургѣ въ 1807 г. СПБ. 1893 ц. 3 р.

Сборникъ И. Р. И. Общ. Т. 86-й Дипломатическая переписка изъ Парижскаго архива М—ства Иностр. Дѣлъ 1738, 1739, 1740 гг. СПБ 1893 ц. 3 р.

Сборникъ И. Р. И. Общ. т. 87-й Политическая переписка Императрицы Екатерины II ч. 5-я 1768—1769. СПБ. 1893 ц. 3 р.

Сборникъ Р. И. Общ. т. 88-й Дипломатическая переписка Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона I. Подъ ред. А. Трачевскаго IV—1807—1808. СПБ. 1893 ц. 3 р.

Сборникъ И. Р. И. Общ. т. 89 Посольство графа П. А. Толстаго въ Парижѣ въ въ 1807—1808 гг. Отъ Тильзита до Эрфурта. Изд. подъ ред. Шильдера Н. К. СПБ. 1893 ц. 3 р.

Сборникъ Импер. Р. Ист. Общ. Т. 90,—Бумаги Комитета Учрежденнаго Высоч. рескриптомъ 6 Декабря 1826 г. СПБ. 1894 ц. 3 р.

Сборн. И. Р. Ист. Общ. т. 91. Дипломатическая переписка Англійскихъ пословъ и посланниковъ при Русскомъ Дворѣ 1741—1842 г. СПБ. 1894 ц. 3 р.

Сборн. Импер. Р. Ист. Общ. т. 92. Депеши марказа де-ла Шетарди и отвѣты на нихъ Франц. Короля и М—ства съ Ноября 1740 по Іюнь 1741 г. СПБ. 1794 ц. 3 р.

Сборн. Импер Р. Ист. Общ. т. 93. Депутатскіе наказы отъ дворянъ XV Оренбургской губ. СПБ. 1894 ц. 3 р.

Сборникъ Московскаго Главнаго Архива М—ства Иностранныхъ Дѣлъ. Вып. 5. М. 1893 ц. 1 р.

Семеновъ Н. П. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II.—Выводы и заключеніе. СПБ. 1894 ц. 80 к.

Сенигов I. Как воевал Петр Великій со Шведами. СПБ. 1893 ц. 20 к. Изд. журн. «Дѣтское Чтеніе»

Скворцов И. В. Русская исторія ч. 1-я СПБ. 1895 ц. 1 в. 35 к.

Слезскинскій А. Бунт военных поселян в холеру 1831 г. (По неизд. конфирмаціям) Новгород. 1894 ц. 1 р.

Смит Томас. Путешествіе и пребываніе в Россіи. Перев. введеніе и примѣчанія Болдакова СПБ. 1893 ц. 3 р. Изд. Гр. Шереметьева С. Д.

Собко Н. П. Словарь русских художников с древнѣйших времен до наших дней (XI—XIX в.в.) Т. I. вып. 1-й А. (500 имен) СПБ. 1893 ц. 3 р.

Старина Костромская. Сборник, издав. Костромск. губернск. ученой архивн. Коммиссіею. Кострома 1894 ц. 1 р. 50 к.

Тардиф А. Основы исторической критики. Перев. с франц. М. Агѣев. Воронеж. 1893 ц. 30

Торнау Н. Н. Учебный историческій атлас 72 карты по всеобщей исторіи. СПБ. 1893 ц. 1 р. 50. к. тоже. с объяснительным текстом и указателем 2 р. СПБ.

Турцевич Ар. Русская исторія (в связи с исторіей Вел. Княж. Литовскаго) Вильна 1894 ц. 50 к.

Турцевич Ив. О важности изученія Римской государственности в главнѣйш. характеристических чертах ея. Нѣжин 1894 ц. 50 к.

Устимович М. П Лович древняя ризиденція и владѣніе примасов Польши (Историч. замѣтка) Варш. 1894 ц. 60 к.

Форстен Г. В. Балтійскій вопрос в XVI и XVII стол. (1544—1648) Т. I: Борьба из за Ливаніи. Т. II. Борьба Швеціи с Польшей и Габсбургским домом. Изслѣдованія СПБ. 1894 ц. 6 р.

Царствованіе Императора Александра III. Царя—Миротворца СПБ. 1894 ц. 20 Изд. Щепанскаго Ф. В.

Цыбульскій С. Греческія монеты. Нумизматическій атлас для школы и любителей греч. древностей СПБ. 1894 ц 3 р. Изд. Фену и К°.

Чешихин Е. В. Кр. исторія Прибалтійскаго края. Изд. 2-е просмотр. и пополн. с біографич. свѣдѣніями о Е. В. Чешихинѣ. Рига 1894 ц. 35 к.

Шарапов С. Франція и Славянство. Рѣчь СПБ. 1894 ц. 30 к. Изд. Ледерле и К°.

Шеффер В. Аѳинское гражданство и народное собраніе. ч. 1. Основы Государства и дѣленіе граждан в Аѳинах. М. 1891 ц. 2 р. 75 к.

Шимко И. И. Патріаршій казенный приказъ его внѣшняя исторія, устройство и дѣятельность. М. 1884 ц. 1 р. М. Дѣвичье поле, Архивъ М—ства Юстиціи у автора.

Эварницкій Д. И. Иванъ Дмитріевичъ Сирко славный кошевой атаманъ войска Запорожскихъ низовыхъ казаковъ. СПБ. 1894 ц. 1 р. 50 к.

Эрбе. Французы и Русскіе въ Крыму. Письма Франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны 1853—1856 гг. Перев. съ франц. С. Л. Халютинъ. Минскъ. 1894 ц. 1 р.

Юрьевъ М. Спорные вопросы Западно-Европейской историч. науки. М. 1894 ц. 1 р. 50 к. Изд. Кн. Маг. Гросманъ и Кнебель.

Ясинскій М. Н. Обзоръ послѣднихъ изданій Виленской Археографической Коммиссіи (Акты издаваемые Виленскою Археографическою Коммиссіею т. XI—XVIII. Вильна, 1880—1891 гг.) К. 1893 г. ц. 30 к.

1—1

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1895 годъ.

Съ октябрской книжки 1894 г. право изданія журнала «Русскій Вѣстникъ» перешло въ Товарищество «Обществ Польза». Въ журналѣ примутъ участіе всѣ бывшіе сотрудники и редакторъ Ф. Н. Бергъ, и кромѣ того возобновлены приглашенія выдающихся сотрудниковъ, которые изъявили готовность принять дѣятельное участіе; изъ нихъ талантливый С. С. Татищевъ возобновляетъ имѣвшія такой успѣхъ ежемѣсячныя «Политическія Обозрѣнія» и дасть рядъ историческихъ этюдовъ. На 1895 годъ. намъ обѣщаны: Д. В. Григоровичемъ его новое произведеніе. П. П. Гнѣдичемъ,—повѣсть и новый романъ Ѳ. Головина (Орловскаго), который начатъ печатаніемъ съ Ноябрской книжки 1894 г. и новые подписчики на 1895 г. могутъ получить начало романа безплатно, при заявленіи своемъ. Академикомъ, непр. секр. Ак. Наукъ Н. Ѳ. Дубровинымъ—новый историческій этюдъ «Наполеонъ I въ современномъ ему обществѣ и въ русской Литературѣ». Проф. Н. Любимовъ дасть рядъ статей. Вице президентъ. Ак. Наукъ, Л. Н. Майковъ—продолженіе его литературныхъ этюдовъ. Будутъ помѣщены: повѣсть «Перемелится мука будетъ» Д. М. Позняка, новый романъ. Вс. С. Соловьева, повѣсть «Покинутый» Пронскаго и много другихъ произведеній.

ОБЪ ИЗДАНІИ
УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1895 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Программы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборы диссертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—1)—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами — критико-библіографическимъ, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и научной хроники заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ прибавленіяхъ печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п

Университетскія Извѣстія въ 1895 году будутъ выходить въ концѣ каждаго мѣсяца книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ Извѣстій безъ пересылки *шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ*, а съ пересылкой *семь рублей*. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики Извѣстій, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
НА
„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ"
ВЪ 1895 ГОДУ.
(33-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Вступая въ тридцать третій годъ изданія, «Саратовскій Листокъ» остается при тойже программѣ и при прежнемъ составѣ редакціи и сотрудниковъ. Редакція старается улучшать свое изданіе, сообразно съ запросами времени и интересами общества.

Редакторъ-издатель *И. О. Лебедевъ.*
Издатель *И. И. Горизонтовъ.*

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой въ Саратовѣ:		Съ пересыл. въ другіе города:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
— 11 мѣсяцевъ	6 — 50 —	— 11 мѣсяцевъ	7 — — —
— 10 —	6 — — —	— 10 —	6 — 50 —
— 9 —	5 — 50 —	— 9 —	6 — — —
— 8 —	5 — — —	— 8 —	5 — 50 —
— 7 —	4 — 50 —	— 7 —	5 — — —
— 6 —	4 — — —	— 6 —	4 — 50 —
— 5 —	3 — 50 —	— 5 —	4 — — —
— 4 —	3 — — —	— 4 —	3 — 50 —
— 3 —	2 — 50 —	— 3 —	3 — — —
— 2 —	2 — — —	— 2 —	2 — 40 —
— 1 —	1 — — —	— 1 —	1 — 20 —

Для облегченія возможности подписываться на гезету недостаточнымъ лицамъ редакція находить возможнымъ допустить разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногороднынхъ: первые вносять: при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 руб.; иногородные: при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е число каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онезоріе.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ первые три раза 20 к. за строку, въ послѣдующіе разы по 15 к.; на 3-й и 4-й—первые три раза по 7 к., а послѣдующіе разы—по 5 коп. Годовыя объявленія пользуются особой уступкой.— Объявленія изъ-за-границы и всѣхъ мѣстъ Россійской

чательныя зданія и т. д., такъ и въ ближайшія къ намъ провинціи и города,—ставя впереди Одессу,—помѣщая не только рисунки всего выдающагося въ нихъ, но и портреты мѣстныхъ дѣятелей въ области администраціи, суда, земства, городскаго управленія, педагогіи, науки и т. п.

Съ начала 1894 года составъ сотрудниковъ, «Одесскихъ Новостей» значительно пополненъ новыми силами, и въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевд), А. А. Борзенко, В. Л. Величко, П. Т. Герцо-Виноградскій, Діонео, профессоръ И. А. Ивановскій, профессоръ С. И. Иловайскій, А. Е. Кауфманъ, профессоръ А И. Кирпичниковъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), профессоръ А. И. Маркевичъ, А. А. Матвѣевъ, М. Г. Моргулисъ, К. Н. Повосельскій, В. И. Ребиковъ, профессоръ Ѳ. И. Успенскій, М. Ф. Фрейденбергъ (Оса), И. М. Хмѣльницкій, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. А. Яковлевъ, М. Г. Яронъ и др.

Кромѣ поименованныхъ лицъ, намъ обѣщали свое сотрудничество нѣкоторые столичные писатели, имена коихъ будутъ своервеменно опубликованы.

Какъ до сихъ поръ, мы впередъ будемъ неуклонно идти по пути улучшеній и постараемся сохранить за «Одесскими Новостями» репутацію газеты, отзывчивой на всѣ назрѣвающія потребности жизни, безукоризненной по своему направленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты во внѣшнемъ техническомъ отношеніи.

Сь 15 августа редакція, контора и типографія, «Одескихъ Новостей», перешли въ новое роскошное помѣщеніе, въ недавно отстроенномъ домѣ Бродскаго на углу Ришельской и Греческой улицъ.—

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА «ОДЕССКІЯ НОВОСТИ»

Безъ доставки и переѣылки:		Съ доставкой и пересылкой въ другіе города:	
На 1 мѣсяцъ	— р. 90 к.	На 1 мѣсяцъ	1 р. — к.
» 3 »	2 » 50 »	» 3 »	2 » 75 »
» 6 »	4 » 50 »	» 6 »	5 » — »
На годъ	8 » — »	На годъ	9 » — »

Заграницу доплачивается кь подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы. При подпискѣ 5 руб. и до начала 2-го полугодія 4 руб.

Въ розничной продажѣ 5 коп. нумеръ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

Въ ОДЕССѢ въ Главной Конторѣ: Греческая ул., д. № 24.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ въ другихъ городахъ: Аккерманѣ, Александровскѣ, Алешкахъ, Балтѣ, Батумѣ, Бендерахъ, Бердичевѣ, Бердянскѣ, Березовкѣ, Бершадѣ, Богополѣ, Бериславѣ, Болградѣ, Бобруйскѣ, Ви-н

ницѣ, Вознесенскѣ, Верхеднѣпровскѣ, Гомелѣ, Геническѣ, Гайсинѣ, Дунаевцахъ, Евпаторіи, Екатеринославѣ, Ейскѣ, Елисаветградѣ, Житомірѣ, Измаилѣ, Киліи, Крив.-Рогѣ, Крив.-Озерѣ, Кіевѣ, Каховкѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Казатинѣ, Керчи, Кишиневѣ, Кременчугѣ, Липовцѣ, Луцкѣ, Маріуполѣ, Мелитополѣ, Москвѣ, Могилевъ Подольскѣ, Новомиргородѣ, Новогеоргіевскѣ, Николаевѣ, Никополѣ, Нѣжинѣ, Оргѣевѣ, Полтавѣ, Проскуровѣ, Рени, Ростовѣ-на-Дону, Ромнахъ, Севастополѣ, Смѣлѣ, Симферополѣ, Сорокахъ, Тирасполѣ, Талькомъ, Тульчинѣ, Уманѣ, Харьковѣ, Хотинѣ, Херсонѣ, Ялтѣ, Ѳеодосіи.

Редакторъ-Издатель *А. Старковъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1895 годъ

НА ДУХОВНО-АКАДЕМИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

и

„ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

«ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ» имѣетъ цѣлію удовлетворить потребности всѣхъ образованныхъ людей, не чуждыхъ церковно-религіознаго смысла, въ томъ числѣ конечно прежде всего потребность нашего отечественнаго духовенства—знать современную жизнь церкви Христовой вообще, православной восточной въ частности и нашей отечественной въ особенности, и слѣдить за теченіемъ этой жизни во всей ея широтѣ и разнообразіи, притомъ въ соприкосновеніи ея съ жизнью свѣтскаго общества. Въ програму его входятъ:

1) Передовыя статьи, которыя имѣютъ своимъ содержаніемъ разсужденія, представляющія научный богословскій матеріалъ въ общедоступной формѣ.

2) Статьи церковно-общественнаго характера, посвященныя обсужденію различныхъ церковныхъ и общественныхъ явленій, по мѣрѣ того, какъ выдвигаетъ ихъ текущая жизнь; въ этомъ отдѣлѣ редакція даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ читателей, которые соблаговолятъ высказаться по назрѣвающимъ вопросамъ мысли и жизни.

3) Мнѣнія и отзывы—отдѣлъ, въ которомъ излагаются и подвергаются критическимъ замѣчаніемъ факты и явленія церковно-религіозной мысли и жизни, какъ они отображаются въ текущей духовной и свѣтской печати.

4) Въ области церковно-приходской практики—отдѣлъ, въ которомъ редакція даетъ разрѣшеніе недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской практики.

5) Обозрѣніе журналовъ духовныхъ и свѣтскихъ и всей вообще текущей литературы.

6) Лѣтопись событій въ Россіи и заграницей и пр. и пр.

Программа «ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ», вступающаго въ LXXV-ю годовщину своего существованія, столь же обширна, и разсчитана на удовлетвореніе потребностей тружениковъ науки, служителей церкви и простыхъ вѣрующихъ. Въ немъ помѣщаются оригинальныя и переводныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется общедоступность изложенія. Въ частности въ «Христіанскомъ Чтеніи» будутъ по прежнему печататься толкованія на разныя книги Ветхаго Завѣта.

Кромѣ того съ 1895 года редакція приступаетъ къ изданію **«Полнаго собранія твореній Св. Іоанна Златоуста»** въ русскомъ переводѣ на льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній (болѣе 600 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто номинальной цѣны въ три рубля за одинъ рубль, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» получаютъ возмозность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ пріобрѣсть полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцевъ церкви,—собраніе, которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую библіотеку богословской литературы ея золотого вѣка.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовая цѣна въ Россіи:

а) За оба журнала 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—8 (восемь) руб. съ пересылкою.

б) Отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.; за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—6 р. 50 к.

За границей, для всѣхъ мѣстъ:

За оба журнала 9 (девять) руб.; съ приложеніемъ Твореній св Іоанна Златоуста—10 р. 50 к.; за каждый отдѣльно 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—9 рублей.

Редакторъ проф. *А. Лопухинъ.*

3—3

5

скаго; 29) Предметные уроки въ начальной школѣ. П. Р.; 30) Чему и какъ учить на урокахъ ариѳметики. С. Шохоръ-Троцкаго; 31) О наглядности при начальномъ обученіи. С. Бобровскаго; 32) Черченіе и рисованіе въ народныхъ училищахъ. В. Ч.; 33) Къ вопросу о прямомъ почеркѣ М. Евсѣева.

Кромѣ вышеозначенныхъ и многихъ другихъ статей, въ вышедшихъ книжкахъ журнала «Русская Школа» за 1894 г. помѣщенно около ста рецензій, а также печатались ежемѣсячная хроника народнаго образованія Я. Абрамова, отчеты о засѣданіяхъ Московскаго и Петербургскаго Комитетовъ грамотности и т. п.

Подписка на «Русскую Школу» принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка, д. 1—43) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ «Новаго времени» и Карбасникова. Подписная цѣна за годъ—въ Петербургѣ безъ доставки шесть руб.; для иногородныхъ съ пересылкою—семь руб.; за границу—девять рублей. Учители-же сельскихъ начальныхъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль.

Въ главной конторѣ редакціи имѣется еще небольшое число экземпляровъ за 1891, 1892 и 1893 годъ по вышеозначенной цѣнѣ. За всѣ эти годы журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народн. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Редакторъ-издатель *Я. Г. Гуревичъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ НА

АРТИСТЪ

(годъ 7-й).

ЖУРНАЛЪ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ 1895 году «Артистъ» будетъ по прежнему выходить *ежемѣсячно* по *той-же программѣ*

Въ 1895 году въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи по всѣмъ искусствамъ (живопись, архитектура, скульптура, музыка и театръ), романы, повѣсти и разсказы, преимущественно оригинальные, монографіи о русскихъ писателяхъ, композиторахъ и художникахъ (со снимками съ ихъ произведеній), критическія статьи, статьи по разнымъ вопросамъ русской и иностранной литературы, мемуары и письма писателей художниковъ и артистовъ, періодическіе обзоры литературной и художественной жизни всей Европы, драматическія произведенія, преимущественно современнаго репертуара, музыкальныя произведенія, корреспонденціи, хрони-

ка, рисунки постановокъ пьесъ, портреты и снимки съ картинъ и рисунковъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, исполненные офортомъ, геліогравюрою, фототипіей, фототипіей въ красхахъ, фототипіей на мѣди, автотипіей, и хромографіей.

Въ 1895 году въ беллетристическомъ отдѣлѣ будутъ напечатаны романы и повѣсти гг. А. П. Чехова. Г. А. Мачтета. П. П. Гнѣдича. И. Н. Потапенко, Вас. И. и Влад. И. Немировичъ-Данченко, М. Н. Альбова, А. Луговаго, Е. П. Гославского, И. Л. Щеглова-Леонтьева, В. М. Михеева, А. А. Вербицкой, Н. А. д'Ессаръ, А. М. Васнецова и друг.

Въ журналѣ попрежнему будутъ принимать участіе:

проф. Н. И. Стороженко и А. Н. Веселовскій и гг. Вл. А. Александровъ, Н. Ф. Арбенинъ, А. С. Аренскій, А. Ф. Арендсъ, К. Д. Бальмонтъ, Н. В. Басвинъ, Ю. Безродная, В. А. Беклемишевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. П. Боголюбовъ, К. М. Быковскій, В. М. и А. М. Васнецовы, П. П. Веймарнъ, В. Л. Величко, В. В. Верещагинъ, П. П. Викторовъ, проф. М. Я. Виліе, Е. Е. Волковъ, бар. В. Г. Врангель, А. Ѳ. Гельцеръ, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. О. Гунстъ, М. А. Давыдовъ, В. П. Далматовъ, М. М. Далькевичъ, Н. В. Досѣкинъ, Л. М Жемчужниковъ, В. В. Жуковскій, проф. Д. Н. Зерновъ, И. И. Ивановъ, М. М. Ипполитовъ Ивановъ, А. И. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, Е. П. Карповъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Киселевъ, Г. Конюсъ, В. Г. Короленко, Н. А. Касаткинъ, К. А. Коровинъ, М. П. Клодтъ, Н. Р. Кочетовъ, С. Н. Кругликовъ, Т. Л. Куперникъ-Щепкина, Ц. А. Кюи, Л. Ф. Лагоріо, К. В. Лемохъ, К. В. Лебедевъ, А. П. Ленскій, В. С. Лихачевъ, проф П. А. Линиченко, А. А. Луговой, В. Е. и К. Е Маковскій, В. М. Максимовъ, Д. Н. Маминъ, (Сибирякъ), Э. Э. Матернъ, В. В. Матэ, Г. А. Мачтетъ, Д. С. Мережковскій, В. М. Михеевъ, проф. Милюковъ, Г. Г. Мясоѣдовъ, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, П. А. Нилусъ, Е. С. Некрасовъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, А. П. Новицкій, Л. О. Пастернакъ, В. В. Переплетчиковъ, В. В. Подкольскій, В. Д. Полѣновъ, И. К. Потапенко, В. И. Ребиковъ, Н. А. Римскій-Корсаковъ, А. А. Риццони. И. Е. Рѣпинъ, Г. С. Рыбаковъ, К. А. Саницкій, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, В. Я. Свѣтловъ, А. Ю. Симонъ, А. Н. Сиротининъ, В. Д. Соколовъ, К. М. Станюковичъ, В. В. Стасовъ, А. И. Сомовъ, С. С. Соломко, А. С. Степановъ, В. Я. Суреньянцъ, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), В. С. Сѣрова, Н. И. Тимковскій, С. Н. Филипповъ, проф. И. В. Цвѣтаевъ, М. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, Вс. и Вас. Чешихинъ, В. А. Чечоттъ, О. Н. Чюмина, В. И. Шенрокъ, А. Н. Шильдеръ, И. И. Шишкинъ, И. В. Шпажинскій, И. Л. Щегловъ-Леонтьевъ, В. Р. Щигровъ, Н. А. Ярошенко, А. А. Ярцевъ, А. Ф. и А. А. Ѳедотовы и др.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ"

НА 1895 ГОДЪ

(тридцать шестой).

Журналъ „Труды Кіевской дух. Академіи" выходитъ по прежде утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Сѵнода отъ 8/29 февр. 1884 г., подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

ТРУДЫ АКАДЕМІИ за прежніе годы продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 гг. по 9 р.; за 1885—1894 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ Редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги:

«Воскресное Чтеніе» за слѣдующіе годы существованія его при Академіи: за $18^{37}/_{38}$ г. (т. I), $18^{41}/_{42}$ (V), $18^{47}/_{48}$ (XI), $18^{48}/_{49}$ (XII), $18^{51}/_{52}$ (XV), $18^{53}/_{54}$ (XVII), $18^{54}/_{55}$ (XVIII), $18^{55}/_{56}$ (XIX), $18^{56}/_{57}$ (XX), $18^{57}/_{58}$ (XXI), $18^{60}/_{61}$ (XXIV), $18^{61}/_{62}$ (XXV), $18^{63}/_{64}$ (XXVII), $18^{64}/_{65}$ (XXVIII), $18^{65}/_{66}$ (XXIX), $18^{66}/_{67}$ (XXX), $18^{67}/_{68}$ (XXXI), $18^{68}/_{69}$ (XXXII), $18^{69}/_{70}$ (XXXIII), $18^{70}/_{71}$ (XXXIV); за 1879, 1880, 1881, 1882 и 1883 гг. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

Книга для народныхъ школъ. Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія». (Одобрена Ученымъ Комитетомъ). Цѣна 30 к. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи». (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ. И. И. Малышевскаго. Владиміръ св., какъ политическій дѣятель. В. З. Завитневича. Древнія изображенія св. Владиміра. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его-же. Слово, сказанное 1888 г. В. Ѳ. Пѣвницкаго.) Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднеству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія м. кіев. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его-же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей Церкви западныхъ: а) св. Кипріана карѳагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—12 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—7.—Цѣна каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательнаго чтенія» Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 гг). Изданіе 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Сvнодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для внѣкласснаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматическаго богословія (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ). Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1 р. 70 к.; т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й, изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц 3 р. и т. 5 й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и значеніе). Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р. съ перес.

Буддизмъ и христіанство С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ѳ. С. Орнатскаго. Изд. 2-е исправленное и дополненное. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника В. Ѳ. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней—въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. В. Пѣвницкій.

3—3

2) 52 нумера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала: гдѣ помѣщаются: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

3) сорокъ нумеровъ: «романы и повѣсти» (русскихъ и иностранныхъ писателей), что составитъ въ теченіе года нѣсколько томовъ интересныхъ литературныхъ произведеній.

4) двѣнадцать нумеровъ «моды и рукодѣлія», замѣняютъ «модный журналъ».

5) стѣнной календарь (съ картою Россіи). Разсылаются при первомъ нумерѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (съ доставкою по Имперіи):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р. 50 к.—На три мѣсяца 2 р. 50 к.

Новость для читателей: Съ 1 января 1893 г. при газетѣ «Сынъ Отечества», будетъ выходить новое ежемѣсячное изданіе, въ видѣ большаго литературнаго журнала:

„ДОМАШНЯЯ БИБЛІОТЕКА" (12 БОЛЬШИХЪ КНИГЪ)

гдѣ будутъ печататься новые романы и повѣсти (русскихъ и иностранныхъ писателей). Книжки будутъ выходить ежемѣсячно, въ форматѣ «Вѣстника Европы», отъ 20 до 25 листовъ, что составитъ въ годъ до 4,000 страницъ интереснаго чтенія.

4 Р. Подписная цѣна на «ДОМАШНЮЮ БИБЛІОТЕКУ» (съ доставкою): **(На годъ (за 12 большихъ книгъ)—4 р. На полгода (за 6 книгъ)—2 р 50 к.** **4 Р.**

Гг. годовые подписчики могутъ получить при подпискѣ новыя художественныя изданія: 1) «**ЖЕРТВА ВОЛГИ**» (историческій эпизодъ изъ жизни Стеньки Разина» Воспроизведена въ 23 краски съ картины извѣстнаго художника С. Верещагина. Размѣръ картины: длина $23^1/_2$ вершка, вышина 16 вершковъ). 2) «Бурлаки на Волгѣ», профес. И. Рѣпина, а также другія картины за прежніе годы, уплачивая за каждый экземпляръ картины (съ пересылкою на скалкѣ)—одинъ рубль.

Съ подпискою просятъ обращаться исключительно въ главную контору: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

3—3

МОСКОВСКІЙ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ.

Открыта подписка на 1895 годъ.

Съ Января мѣсяца 1894 года выходитъ въ Москвѣ ежемѣсячный библіографическій журналъ, органъ Московскаго Библіографическаго Кружка, подъ названіемъ:

„КНИГОВѢДѢНІЕ".

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ (книги, журналы, ноты, рисунки, фотографіи и т. п.), съ рисунками и отдѣльными приложеніями.

маны, повѣсти, разсказы, путешествія и стихотворенія; 4) Обозрѣніе новостей литературы и искусства; 5) Письма, вѣсти и слухи отовсюду; 6) Статьи и извѣстія по морскому и желѣзнодорожному дѣлу; 7) Фельетонъ; 8) Справочный отдѣлъ; 9) Отвѣты редакціи и 10) Объявленія.

Текстъ будетъ иллюстрироваться портретами и др. рисунками. При журналѣ періодически будутъ выпускаться приложенія.

Подписная цѣна на журналъ „По Морю и Сушѣ" съ приложеніями

(Съ пересылкой и доставкой):

На годъ . . **4** руб. — На полгода . **2** руб.

Для старыхъ подписчиковъ, недополучившихъ №№ за Декабрь мѣсяцъ въ 1894 г., подписная цѣна на 1895 годъ 3 р. 70 к., а на полгода 1 р. 85 к.; старые подписчики, не подписавшіеся на 1895 г., получатъ четыре №№, не досланные имъ въ Декабрѣ 1894 г.

№ 1-й будетъ изданъ къ 15 Января с. г.

Отдѣльные №№ продаются по 10 коп.

Подписка принимается въ Одессѣ въ Редакціи журнала «По Морю и Сушѣ» (Софіевская ул., д. № 18, кв. № 19).

1—2

Годъ тридцать третій (XXXIII).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1895 годъ.

Русскій Архивъ въ 1895 году будетъ издаваться по прежнему

ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ.

Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1894 годъ были напечатаны, между прочимъ: Клушинская битва Д. И. Иловайскаго, памятныя записи XV вѣка Арх. Леонида, новооткрытыя челобитныя Патріарху Никону, бумаги относящіяся къ Булавинскому бунту, мученическая кончина іеромонаха Константина, взятіе Берлина русскими войсками (1760), семейныя бумаги А. Н. Корсакова, указы Павла Перваго, переписка гр. П. С. Потемкина съ гр. Самойловымъ, бумаги А. Г. Тройницкаго, записки Н. Н. Муравьева-Карскаго (1828—1835), письма братьевъ Кирѣевскихъ изъ за границы, исторія Евреевъ въ Россіи М. Ѳ. Шугурова, памятныя тетради С. М. Сухотина, письма и бумаги Пальмера, письма м. Иннокентія, м. Филарета, Иннокентія Борисова, ар. Антонія, арх. Гурія, митр. Леонтія, Платона

Исидора, біографія И. В. Кирѣевскаго, А. К. Казембека, статьи К. П. Побѣдоносцева, гр. М. В. Толстого, Д. М. Иловайскаго, академика Л. Н. Майкова, И. У. Палимпсестова, А. А. Чумикова, Л. М. Савелова, Л. Ѳ. Змѣева, проф. И. В. Помяловскаго, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго и др., стихотворенія С. А. Соболевскаго, графа В. А. Соллогуба, С. П. Шевырева, Ѳ. М. Дмитріева. Приложены портреты И. В. Кирѣевскаго, А. К. Казембека, М. Н. Аксаковой, Рейтерна. Предметная Роспись содержанію «Русскаго Архива» за первыя тридцать лѣтъ (1863—1892).

***

Въ 1895 году будутъ напечатаны новыя показанія объ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и ея царствованіи изъ Французскаго государственнаго архива, письма и бумаги Екатерины Великой, письма и рескрипты Александра Благословеннаго, Записки сенатора К. Н. Лебедева, новыя выдержки изъ Записокъ Н. Н. Муравьева-Карскаго, Записки академика Ступина, воспоминанія князя Д. Д. Оболенскаго, бумаги Ф. Ф. Вигеля, судебные процессы изъ бумагъ сенатора К. Н. Лебедева, переписка Петербургскаго митрополита Гавріила, письма Пальмера, бумаги В. А. Жуковскаго и пр.

Подписка на «Русскій Архивъ» принимается.

1) въ *Москвѣ*, въ конторѣ «Русскаго Архива» близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175.

2) въ *Петербургѣ*, въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени».

3) въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Саратовѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и Одессѣ

Годовая цѣна съ пересылкою и доставкою—*девять* рублей. Для чужихъ краевъ—*двѣнадцать* рублей.

Подписчикамъ на 1895 годъ предоставляется пріобрѣтать по уменьшенной цѣнѣ первые 26 томовъ „Архива Князя Воронцова", содержаніе которыхъ помѣщено на обложкѣ XI выпуска „Русскаго Архива" 1894 г

Петръ Бартеневъ. *Юрій Бартеневъ.*

3—3

скаранъ зосталъ. Въ розговорѣ о Кримскомъ купечествѣ сказивалъ запорожецъ: 1) башликъ кримскій 5 денегъ Кримскихъ да ихъ же 3 копѣйки, въ талярѣ Кримскомъ 20 башликовъ, а денегъ 100; 2) рубль нашъ тамъ въ Криму идетъ въ 6 зол. зъ двома, а иногда зъ 3-ма башликами; на таляръ нашъ наддаютъ гривню, а иногда и 4 башлики; 3) червоній идетъ по 4 таляри, а часомъ и по 5 копъ; 4) таляри бит. по 1 р. зъ 5 копѣйками 5) вино дешевшее не биваетъ якъ око по 2 денги, а дорогше не биваетъ якъ по башлику. Сегодни у вечеру зговорена сестра моя Олеся за п. Якима Троцкого и хустки дани.

Понеделокъ. 17. Сей день теплій и свѣтлий, и ночъ таковажъ была. Отправилисмо въ Глуховъ машталѣра Матвѣя зъ обявленіемъ вчерайшей сватби до родителя, да писалемъ до Вѣжевского и Забари о розданню коней 6 Сварковцямъ. Обѣдалисмо обще всѣ и съ нами Троцкій зъ сестрою своею.

Вовтор. 18. Сей день былъ свѣтлий и теплій, и ночъ такова жъ. Демяну далемъ 80 р. на покупку вина у Кримъ, о чомъ отъ его и дана пріемная карта. Мѣди далемъ на казанъ броварний котляру Роменскому 5 пуд. Несоору. Отъ Демяна принялемъ облѣковъ 3 и оніе Тарасу отдалемъ, а именно: Василя Дейнеки Засулского на 4 р., Романчука Хмѣловского—на 4 р., Камѣнскихъ козаковъ—на 2 р. Да особливо жъ отобралемъ у его облѣки на Перояславского, на Кіевского, на Зазѣрского и на Лукомского должниковъ и на Іосифа Сироту.

Середа. 19. Сей день былъ свѣтлій и теплій, передъ вечеромъ хмурно, ночъ свѣтла и тепла. Получила родителка и я отвѣтний листъ отъ родителя съ Каменя писанний, въ которомъ зговоръ сестри Олесѣ зъ п. Якимомъ Троцкимъ благословитъ. Обѣдалисмо у себе и съ нами Троцкій п. Якимъ зъ сестрою Глинскою. По обѣдѣ я у его билемъ и доволно гостилемъ. Зчислялисмо зъ п. Несторовичемъ пріемъ Тарасовъ, яко всего вийшло 259 р., въ якомъ числѣ на покупку воловъ пойшло 158 р. 25 к., а на футорное строеніе 98 р., недочоту 13 р.

Четвер. 20. Сей день былъ пахмурний, такова жъ и ночъ, и холодновати. Обѣдали зде, въ дому родителскомъ, многіе гости зъ здешнихъ Роменскихъ жителей, да у столу жъ сидѣлъ п. Якимъ Троцкій зъ сестрою моею Олесею и свадби ихъ публѣкованне таковимъ способомъ учинилося.

Пятокъ. 21. Сей день былъ свѣтлій и теплій, и ночъ такова жъ, толко ядрана. Купилемъ рибы Запорожской вялой у Івана Запорожця, 15 головъ, по 7 гривенъ голова, въ томъ числѣ щукъ „ “ лящовъ „ “, которихъ въ голову по 100 идетъ, да дробной „ “, якой въ голову идетъ по 500; и за то далъ 10 р. зъ полтиною; и съ того числа Несторовичу далъ голову дробной. Тарасу приказъ оставилемъ въ 12 пунктахъ и на нужди футорніе далемъ ему 7 р., а недочоту 3 р., итого 10 р., а зъ облѣками данними ему, о которихъ висше, 20 р. Господареви Юскови далемъ 1 р. для хорихъ людей нашихъ остаючихся, а сами поехалисмо обое зъ женою зъ Ромна и пріехали позно въ Лохвицю, и стали за городомъ въ гаю, у тіотки п. Павловой, (Имшонецкой), которую поехавшую въ Ромонъ стрѣтилисмо.

Субота. 22. Сей день зъ ранку свѣтелъ, въ день малий дожчъ и громъ, въ ночѣ дожчевато. *(Выписка изъ бл. Августина).* Поехавши зъ гаю, пріехали въ Сухоносовку на обѣдъ, где и ночовалисмо. Тутъ застали Омеляна Іванова, новоустроенного старосту. Смотрѣлемъ пчоли, которой всеей на зиму оставляется 87, а вся добра.

Неделя. 23. Сей день былъ зъ ранку свѣтелъ и тепелъ велми, а у вечеру дожчикъ показался. Въ ночѣ великій громъ былъ и дожчъ малий. Посѣщалъ мене протопопъ отецъ Ѳома, зъ которимъ и обѣдалисмо.

Понеделокъ. 24. Сей день былъ зранку мокрий, дожчеватий, о полднѣ вияснилось до вечора и въ вечерѣ; такъже и ночъ была свѣтла и ядрана. Въ Сухоносовцѣ новоустроенному старостѣ Сухоносовскому Омеляну Іванову далемъ приказъ въ 24 пунктахъ, которого копія за его рукою, чили вмѣсто его дяка Сухонос., имѣется здесь. Емужъ на росходи всякіе далемъ 10 р., а за млинокъ на

церковъ 5 р. Демяну до данныхъ на вино въ Крымъ 80 р. и еще далемъ въ запасъ 7 червонныхъ. Отобѣдавши тутъ, пріехалемъ до Оробювъ за милю, а оттоль до Лазурокъ за 2 милѣ, где и ночовалъ.

Вовтор. 25. Сей день былъ сперва мокроватъ, потомъ свѣтелъ и вѣтрянъ, къ вечеру тихъ, холоденъ, ночи половина таковажъ, другая похмурна. Отъ ночлѣга вчорайшого вставши и рушивши, уехалисмо 2 милѣ и пріехали до Яблунева въ полмилѣ до футорця сотницкого, а отъ футорця сотницкого полтори милѣ до Перервинець, куда пріехавши, тутъ обѣдали и ночовали. Ездилемъ по обѣдѣ смотрѣть сѣна Романомъ за гроши уробленного, якого всего скиртъ 29, а на тое витратилъ денегъ 35 р. и 57 к.

Середа. 26. Сей день былъ зранку мокрій и холодній, по обѣдѣ мало выяснился къ вечеру, але вѣтряний былъ, ночъ погодна и холодна. Обѣдалисмо тутъ, а по обѣдѣ передъ вечеромъ выехавши оттуду, уехали милю до Бѣлоусовки, а оттоль верстъ зъ 5 до футора Сухомузского, где и ночовалисмо. Туда на ночлѣгъ пріѣхалъ Кучарскій и обявилъ о резолюціи п. Петра Апостола, пол. Луб., состоявшойся на прошенія родителскіе. Въ Перервинцяхъ имѣючогося теперъ на лицу статку: володъ робочихъ старихъ 8, воловъ робочихъ молодихъ 12, воловъ молодихъ неученнихъ 10, третяковъ зъ Кривой Руди пригнанныхъ 7, бугай молодий 1, а старий бугайже 1, овець старихъ 169, ягнятъ сеголѣтнихъ 36, свиней стар. съ подсвинками 20, малихъ 11. Мѣется сѣно укоситись отъ людей бравшихъ денги, а именно: по шинкарскому реестру 6 съ полтиною, а за тое возовъ сѣна 130, по реестру дворника Перер. 20 р. съ полтиною жъ, а за тое сѣна скиртъ 20 и пол. А за недодачу денегъ, за кони данніе отъ Демяна, 70 воз.

Четвер. 27. Сей день былъ вѣтрянъ и дожчеватъ, ночъ тиха, однакожъ хмурна и холодновата. Кучарскому вручивши листъ до п. пол. Луб. Апостола писанний отъ родителя, поехалемъ и пріехавши до Денисовки, за 2 мил., тутъ обѣдалисмо зъ Константіемъ и женою его, тутейшими жилцями. По обѣдѣ поехавши, уехали болшъ 2-хъ миль до перевозу, до перевозу съ полъ милѣ до Горошина, отъ Го-

рошина съ полтори миль до футора моего Криворудского, где и ночовалисмо.

Пятокъ. 28. Сей день былъ зъ ранку свѣтелъ и тепелъ, у вечеру дожчъ зъ громомъ и холодъ, такова жъ и ночъ холодна была. Увѣдомился я, что Кодинецъ сотникъ зъ людей моихъ въ турмѣ Лукомской бывшихъ, висвободивши бичкара моего Юрка, послалъ въ Кримъ по соль въ юлѣ, да коровникъ Іванъ Чепѣга робитъ у сотника за паробка дворового, тогожъ числа. Въ Криворудскомъ футорѣ воловъ робочихъ 15, бугаевъ 7.

Субота. 29. Сей день былъ то свѣтелъ, то дожчеватъ, ночъ похмурна и дожчевата. Рано поехалисмо съ футора, а передомъ старости Омелянови далемъ приказъ въ 12 пунктахъ, о футорѣ до устроенія и на нужди футорніе 10 р. Уехавши миль около 4-хъ, стали въ селѣ Березнякахъ, у козака Івана Шолудка, где и обѣдалисмо; а оттуду поехавши, уехалисмо миль зъ 2 до греблѣ у Лисой гори обрѣтаючойся черночой, тутъ черезъ Сулу переехавши, пріехали въ Лубнѣ и стали въ дворѣ сваттѣ нашой Троцкой (?).

Неделя. 30. Сей день былъ мокроватъ и дожчеватъ. Обѣдалемъ сегодня у п. Петра Апостола, полковника Луб., а по обѣдѣ былемъ у Троцкой и Петра Кулябки и пожеgнавшись, поехалемъ назадъ черезъ Сулу мостомъ и уехавши верстъ зъ 4, пріехали до села Пѣсокъ черночого, тутъ и ночовалисмо.

Понеделокъ. 31. Сей день былъ мокрий холодний и вѣтряний, таковажъ и половина ночи, а другая свѣтла. Поехалисмо рано зъ Пѣсокъ и уехали верстъ зъ 16, минули село черночое монастира Мгарского зовемое Вовчокъ и оттуду уехавши верстъ зъ 10, шляхомъ все Комишанскимъ, пріехали до футора Якуба Новѣцкого противъ Снѣтина, недалече шляху Ромодановского стоячого, где и обѣдъ имѣлисмо. А по обѣдѣ зехавши на шляхъ Ромодановскій, ехалисмо онимъ зъ полтори милѣ и пріехали къ футору Корсуна, хоружого пол. Луб., а оттоль уехавши такъже полтори милѣ, стали на ночлѣзѣ у степу, при байраку, на правой руцѣ.

М-цъ септеврій. Вовтор. 1. Сей день былъ свѣтлій зранку и тихий, але холодній, передъ полуднемъ сталъ вѣтрянъ, ночъ тиха и

погодна. Уставши отъ ночлѣга, уехали верстъ зъ 4 и пріехали до рѣчки Бодакви, которую переехавши, уехали шляхомъ же Ромадановскимъ миль болше двохъ и пріехали у футоръ нашъ Гамалѣевскій, где и обѣдалисмо. Тутъ я получилъ отъ Івана Несторовича зъ приложенною калкуляціею реестровъ Тарасовихъ, по которой показуется заведшихся на немъ грошей 18 р., а не 3 р. Въ Гамалѣевскомъ футорѣ пчоли 80, а останется на зиму около 70. По обѣдѣ, передъ вечоромъ, поехалисмо и пріехали въ Андрѣевку, где и ночовалисмо.

Середа. 2. Сей день былъ погодний и свѣтлий, ночъ похмурна мало, а мало свѣтла, але тепла. Игнатъ устроенъ старостою Перервинскимъ, которому и приказъ данъ въ 23-хъ пунктахъ, и денегъ 10 р. на споражение потребностей тамъ, а онъ росписку далъ въ томъ за подписаніемъ попа Орановского. Нагорода ему въ годъ 7 р. и сукно. Черезъ егожъ писалемъ до Кучарского и вѣденіе о сѣнѣ мѣючомъ въ Перервинцяхъ поставитись послалемъ, а писалъ, чтобъ онъ щиталъ въ Сухонос. дверника, въ Кривой Рудѣ такожъ и въ Перервинцяхъ. Да черезъ егожъ писалъ до стар. Сухонос. о присилки у футоръ Гамалѣевскій 2-хъ воловъ, сала и бочки горѣлки. Поехавши отъ Андрѣевки, пріехали на обѣдъ въ Роменъ, где застали родителку, братовъ здравихъ. Кухтикъ мой Іванецъ умре. Попу Орановскому около 2 р. давши, отпустилемъ въ домъ его въ Коровинцѣ. Отъ Вѣжевского получена зъ Глух. вѣдомость: I—mo, что въ Москву послали 2 вози воловихъ, а на тѣхъ возахъ тютюну пуд. 40, а папушъ въ нихъ 1975, вовни бранки немитой пуд. 15 фунт. 2, а въ нихъ рунъ 200, да вовни жъ бранки митой пудовъ 16, фунт. 25, а въ нихъ рунъ 420, да еще митой же пуд. 3, фунт. 35, и того немитой пуд. 15, фунт. 2, митой пуд. 20, фунтъ 20, всей пуд. 35, фунт. 22 и денегъ 35 р. и гор. барило. *2-do*, Карабутъ и Сивакъ за соллю и волами посланы въ Кіевъ и имъ дани денги 80 р *3-tio*, коней 6 роздали Сварковцямъ на вѣру до прійдучого 1731-го году, сент. 1-го числа, 5 коней по 4 р., а одинъ за 3 р. и 5 копѣекъ. *4-to* въ пасѣцѣ Уздицкой оставили на точкахъ пчоли 357 на зиму.

Четвер. 3. Сей день былъ погодний и свѣтлий, ночъ похмурна и къ свѣту дожчевата. П. Якимъ Троцкій, женихъ сестри моей, пріехалъ сюда зъ Лубенъ. У лазнѣ милемся.

Пятокъ. 4. Сей день былъ вѣтряний и холодній. Іванъ Максимовичъ, запорожецъ, перехристъ, посланъ въ Кролевецъ на ярмарокъ, которому на покупки разніе далемъ 80 р., а онъ поехалъ зъ п. Петромъ Троцкимъ, черезъ которого писалемъ до родителя о своемъ обращеніи, а до Вѣжевского о его пріездѣ въ Кролевецъ на исправленіе покупокъ и проч. Принималемъ vomitorium и операцѣй вишнихъ было 9, нижнихъ 6. Родителка поехала и братъ п. Семенъ въ Андрѣевку. Послалемъ Омеляну Іванову, стар. Сухонос., на сѣно въ Кривой Рудѣ 8 р., черезъ Сухонос. мужика Маценка.

Субота. 5. Сей день былъ вѣтряний и холодноватъ, однакожъ сухъ, ночъ похмурна. Писма отъ родителя до родителки и Кучарского привезени черезъ козака Быстрицкого, черезъ которого отписалемъ до родителя, да тогдажъ и до Вѣжевского о покупцѣ чайника, мѣди, цѣни и соломоняку (?)

Неделя. 6. Сей день былъ мало не ввесь дожчеватъ, ночъ похмурна и къ свѣту дожчевата. Обѣдалисмо сами у Ромнѣ у себе и съ нами протопопъ и Несторовичъ, а по обѣдѣ поехалисмо въ Андрѣевку, куда позно вже пріехали.

Понеделокъ. 7. Сей день былъ зранку свѣтелъ и погодний, толко вѣтрянъ, после полдня дожчеватъ отъ перебѣгаючихъ хмаръ, а потомъ самий вечоръ и ночъ погодніе и свѣтліе. Обѣдалисмо въ Андрѣевцѣ зъ родителкою и братами, по обѣдѣ ездилемъ до своего Гамалѣевского футора, где Тараса болного велми видѣлемъ и повернулемся завидно назадъ. Въ футорѣ Гамалѣевскомъ витрусилъ пасѣчникъ пчоли 11, а осталось 69 на зиму. Братъ п. Семенъ послалъ своего слугу до Лубенъ, черезъ которого писалемъ до Кучарского.

Вовтор. 8. Сей день отъ поранку туманний и дожчеватъ, съ полдня свѣтелъ и тепелъ, толко вѣтрянъ, ночъ тиха, свѣтла и погодна. Получилемъ писмо отъ Архипа первое, зъ Царицина писанное юл. 30-го, въ которомъ обявляетъ, что гор. куѳу по 23 р. (?) и по

2 а. (?) повезено на суднѣ въ Астрахань, а табаку пудъ по 3 а. и что горѣлку досипалъ зъ 2-хъ бочекъ, да что въ Царицинѣ съ вина и съ табаку взято пошлини съ пуда по 4 гривни. Писалемъ до Кучарского о бытіи его въ Лубняхъ и нарочно послани писма къ ему.

Середа. 9. Сей день былъ свѣтлій, теплій и велми погодній, и ночъ таковажъ. Обѣдалисмо зде въ Андрѣевцѣ и дновали и подпивали при собраніи пріеждяжихъ п. Павловой и другихъ женъ, и поповъ болшъ 10.

Четвер. 10. Сей день былъ свѣтлій барзо и теплій толко вѣтряний, ночъ свѣтла и тепла. Сегодня тутъ продновалисмо, попи по обѣдѣ отпущенни и поехали. Тіотка моя п. Павлова розговаривала о заборѣ имѣнія его отъ генер. Девейзбаха, о якомъ вѣдаетъ Назаръ мужикъ Андрѣяшевскій, бывшій тогда старостою, а теперъ войтомъ Андрѣяшевскимъ, и другіе, яко то: стадникъ Гладкій и Мисникъ, стар. Андрѣяшев., умерли. Тотъ же Назаръ и другихъ показать можетъ. Брату п. Семену 6 р., а родителцѣ на роздачу попамъ 4 р. Тарасу до прежде даннихъ 7 р. теперъ далемъ на футоръ 6 р., итого 13 р. после ревизѣи.

Пятокъ. 11. Сей день былъ противъ вчорайшого погодний, ночъ половиною тиха и свѣтла, а потомъ мокра. По службѣ Божой поехалъ я зъ женою и дѣтми и передъ вечоромъ пріехали въ Роменъ. Писалемъ до стар. Сухонос. о присилцѣ Дяденка въ Глух. по скуплѣ воловъ, о присилцѣ рѣчий прежде писанних къ Тарасу и листъ до Худолѣя приложенъ о коняхъ.

Субота. 12. Сей день былъ зранку холодноватъ и похмуренъ, потомъ вскорѣ сталъ свѣтелъ и тепелъ, ночъ погодна велми, свѣтла и ядрана. Родителка пріехала зъ Андрѣевки, а п. Якимъ Троцкій зъ Кролевца, Иванъ Запорожецъ и Мощанскій и писмо отъ родителя ко мнѣ о надѣяніи скорого пріезду въ Глуховъ князя Шаховского. Отецъ протопопъ Савѣцкій посѣщалъ мене и посидя и поговоря, отойшолъ.

Неделя. 13. Сей день былъ зранку свѣтелъ и тепелъ до самого вачора, а у вечерѣ похмурно и черезъ всю ночъ было похмурно жъ и тепло, однакъ безъ дожчу. Обѣдалисмо въ дому род.,

где приехавшій п. Яким Троцкій, отець протопоп Ромен. и мы з братами были и Несторович.

Понеделок. 14. Сей день был свѣтлій и теплій, и ноч тоноважъ. Обѣдалисмо вкупѣ, а у вечеру виехалисмо з женою, опроважали насъ родителка, брати, Троцкій и Несторович до яру, с которими простившись, пріехалисмо до Борзенки, где и ночовалисмо. Несторовичеви подарилем коня гнѣдого от четвернѣ.

Вовтор. 15. Сей день был до пол 11-го часа пред полуднем ясен и тепел, а потом прійшла жестокая туча з ужасним громом и ґвалтовним дожчем и за килка часов пройшли, а другая у вечеру надойшла и тривала через ноч с дожчем мѣрним, переходом. Поехавши з Борзенки, уехали миль з двѣ до Смѣлого, а оттуду с пол милѣ доброй до Сухого Ромна, где и обѣдали, а по обѣдѣ от Сухого Ромна уехали миль з 3, недоежджаючи Грузкой, ночовали.

Середа. 16. Сей день был туманний з ранку, потом около полдня и по полднѣ свѣтел и тепел, потом хмурен до вечора, вечор и ноч вся дожчевата. От ночлѣга вставши, поехали и проехали Грузкую, а мимо Козацкую пріехали до Хижок, оттоль лугом до Каменя и доехавши Сейму, за прорвою становиско имѣли и обѣдали, а по обѣдѣ переправивши возки човнами через Сейм, пріехали в Каменскій родителскій дворец, где и заночовалисмо. Юско да Василь, служители, знову похоровались.

Четвер. 17. Сей день был зранку мокрий, а потом вѣтряний и ясний, ноч тиха, хмурна. Неосторовичка явилась в Каменѣ, едучи з Глухова до Ромна, с которою простившись и обоих молодиков хорих, Юска и Василя остановивши, поехалисмо и пріехали на обѣд в Тулиголови, где застали 3 куѳи гор.

Пяток. 18. Сей день был зранку похмурний, а потом мало мокрий, потом ясний и похмурний пополам, ноч ясна и холодна. Пчоли 7 подрѣзовали зде в Тулиг., а 2 убили, осталось 33, в том числѣ 3 худих. Поехалисмо после полдня з Тулиг. и пріехали перед вечором в Глухов, где з род., швакгром п. Яковом и сестрою п. судіиною видѣлись. Там в Тулиг. видѣ-

лемъ карбъ Бутурлимовского мѣрочника, въ якомъ мѣрокъ жита накарбованнихъ отъ початку мѣрочництва его 450, а ярини 188.

Субота. 19. Сей день былъ сперва похмуренъ, а потомъ сильний дожчъ ишолъ, ночъ вѣтряна. Обѣдалисмо у себе зъ родителемъ; у вечеру билъ у лазнѣ и кровъ банками пускалъ.

Неделя. 20. Сей день былъ вѣтряний безъ дожчу, ночъ вѣтряна жъ велми и холодна. Ездилемъ до п. гетмана и тамъ зъ братомъ п. Михайломъ увидѣвшись, по службѣ повернулемся и ездили до сестри на пастовникъ обое, где и обѣдали. Братъ п. Марко пріехалъ зъ Стародуба.

Понеделокъ. 21. Сей день былъ вѣтряний и холодний, и похмурний, въ ночъ ґвалтовний дожчъ зъ градомъ. Рано билъ я на Бѣлополовцѣ у п. Михайла, а обѣдалисмо у себе. По обѣдѣ ездилемъ до ґрафа Гвврила Ракгозѣнского и розговорували о футору Гамалѣевскомъ, которого степу половину спряли Розбимовци и приговорили писать до самого Сави Рогозѣнского въ Москву. Родителеви на нужди веселніе брата Марка далемъ денегъ 200 р. и 70 ефимковъ.

Вовтор. 22. Сей день былъ вѣтряний и холодний, и похмурний, и ночъ таковажъ, толко безъ вѣтру. Ездилемъ на пастовникъ и обѣдалемъ у сестри и до вечора позабавившись, заездилемъ до швакгра п. Якова и оттуду въ домъ свой. Братъ Марко поехалъ въ Роменъ, которому далемъ на 8 р. и баранокъ, да меншимъ братамъ послалъ 3 баранки, да себѣ тутъ велѣлъ шить шапку баранковую и соболюю.

Середа. 23. Сей день былъ похмурний и ночъ Обѣдалисмо у себе и съ нами швакгеръ п. Яковъ. Сегодня захоровалемъ видомъ, яко на фебру, а въ самой рѣчи на горячку, и всю ночъ былъ въ огнѣ.

Четвер. 24. Сей день былъ противъ прежнихъ и ночъ. Сего ранку зъ медіяни кровъ пускалемъ 2 талѣрки и въ жару у весь день пробавилемъ.

Пятокъ. 25. Сей день... Ѳрота употребилемъ и весь день лежалемъ въ жару великомъ.

Субота. 26. Сей день... Сегодня жадной отради не было, въ жару безъпереривно.

Неделя. 27. Сей день... Жаръ во мнѣ и слабость еще що горшій умножился.

Понедел. 28. Сей день... Жаръ еще що разъ свою силу во мнѣ показиваетъ, а я безмѣрно слабъ; холоденъ сталъ я съ понеделка на вовторокъ, зъ великимъ холоднимъ потомъ.

Вовтор. 29. Сей день похмурний былъ зъ снѣгомъ и ночъ похмурна. Кондзеровскій пріехавши ко мнѣ, теплою горѣлкою мои груди, серветку умочивши, обкдадалъ, разовъ зъ десять, чимъ потъ мой порушилъ во мнѣ зъ премѣненіемъ жара. Потомъ въ день прийшла мнѣ слабость безмѣрная зъ отчаяніемъ живота моего, потомъ стихъ мало, а потомъ потъ силний прийшолъ мнѣ. Люка поехалъ до доктора Бока и привезлъ мнѣ кордіяліе микстуру, якую началъ я употреблять.

Середа. 30. Сей день билъ похмурний. Протопопъ зъ отцемъ Никифоромъ были и крестъ зъ мощами далъ мнѣ, а отъ вчорайшого дня сталъ мнѣ жаръ утолятись. Черезъ Люку послалемъ Боку 16 р.

М-ць Октовр. Четвер. 1. Сей день былъ похмурний и мокрий и ночъ такова. Были сестра полковница (Толстая), п. Михайлова и Люка, а мнѣ полегше стало.

Пятокъ. 2. Сей день былъ похмурний и мокрий, и ночъ такова. Снѣгъ випалъ на суботу. Еще отраднѣе мнѣ показалось. П. Михайло зъ Люкою рано были.

Субота. 3. Сей день былъ похмурний зъ дожчемъ, зъ крупами. Александеръ билъ у мене, а мнѣ мало легше еще показалось.

Неделя. 4. Сей день былъ увесь дожчеватъ, ночъ похмурна и темна. Рубчиха била зъ зятемъ, рано, зъ дочкою, а мнѣ легше стало.

Понеделокъ. 5. Сей день рано былъ дожчеватъ, по обѣдѣ и великій дожчъ ишолъ, ажъ до самого вечора, ноччю такожъ дожчъ ишолъ ґвалтовний.

Вовтор. 6. Сей день былъ увесь дожчеватъ, а ночъ около полночи визвѣздилась зъ морозомъ. Была у мене сестра п. Чернишева, а швакгеръ п. Яковъ Полуботокъ пріехалъ зъ Новгородка.

Середа. 7. Сей день былъ погожій, къ вечеру хмуренъ и ночъ таковажъ, толко суха безъ дожчу. Обѣдалъ со мною п. Яковъ швакгеръ и мнѣ ослаба противъ прежнего, а по обѣдѣ посѣщалъ мене Люка. Да пріездила сестра п. Чарнишева, за тимъ что пасинки еи розоздятся, да сегожъ дня и розехались.

Четвер. 8. Сей день былъ вѣтряний, сухий, а холодний и ночъ таковажъ. Посѣщали мене швакгеръ мой п. Яковъ, Иванъ Мировичъ, который при генералу Генѣну, а пріехалъ сюда на время, Добронѣзскій, а потомъ обѣ сестри.

Пятокъ. 9. Сей день былъ холодній, вѣтряній, снѣгъ ишолъ сухий, ночъ сперва вѣтряна, потомъ тиха да холодна. До Пѣщанского въ Криски отписалемъ на писмо его. Сегодня тезоименитство мое было, родитель подарилъ атласъ, сестра Уляна Івановна рубашку и 2 хустки, сестра п. судіиная—хустку.

Субота. 10. Сей день былъ таковий, яковий и вчора, такъже и ночъ, снѣгъ велми ишолъ. Посѣщали мене по обѣдѣ швакгри оба Полуботки и посидя отехали позно.

Неделя. 11. Сей день былъ сухій холодний, снѣгъ малий ишолъ, ночъ холоднажъ, ставъ стався. Обѣдали у насъ швакгри и Мировичъ Іванъ, а по обѣдѣ были п. Михайло зъ панею, сестри обѣ, и Астровскій пяний. П. Михайло росказивалъ, что по ревизѣямъ въ Малой Россіи посполства 101000. Тертичникамъ далемъ 12 р. съ полтиною, Пироговскимъ.

Понеделокъ. 12. Сей день былъ сухий, толко снѣгъ ишолъ малий, такъ же и въ ночѣ, ишолъ снѣгъ болший. Ставъ здешній ꙁоразздо стявся и покритъ сквозь снѣгомъ. Посѣщали мене п. Андрей швакгеръ, Іванъ Гамалѣя, сотникъ Воронѣжскій, Люка и Дмитрашко и обѣдали у мене, а по обѣдѣ забавилисмося зъ собою картами, я, п. Андрѣй, жена и Астровскій. Усмотрѣлъ я, что у вечеру приходитъ алтерацѣя.

Вовтор. 13. Сей день снѣгъ болшій ишолъ, и въ ночѣ морозъ сталъ, и снѣгъ ишолъ же. Обѣдали у насъ швакгри оба, а по обѣдѣ игралисмо въ карти. Дворника нового въ Калюжновскомъ футорѣ устроилемъ Уласа.

Середа. 14. Сей день былъ холодний, снѣгъ ишолъ сухій, ночъ холоднажъ. Князь Шаховскій Алексей Іівановичъ пріехалъ въ Глуховъ, а потомъ у вечеру былъ въ банѣ у насъ, и я его видѣлъ и поздравлялъ. Обѣдали со мною швакгри мои, и по обѣдѣ въ карти забавлялисмовя.

Четвер. 15. Получилемъ писмо Камѣнского, 28-го сент. писанное, зъ приложеннимъ реестромъ покупокъ, черезъ мужиковъ отправленнихъ. Сей день былъ сперва погодний, а потомъ черезъ у весь день дожчъ ишолъ, въ ночъ пересталъ былъ, однакъ воздухъ мокрий, отчого снѣгъ истаялъ; громъ въ ночѣ. Родитель обѣдалъ у князя, а у насъ швакгри, Мировичъ и Чарниши.

Пятокъ. 16. Сей день былъ мокрий и ночъ, для того что дожчъ ишолъ безъ перерывки. Грамота къ гетману писанная и черезъ князя Шаховскаго привезенная, читана публѣчно въ церквѣ Иліи пророка, въ якой написано, чтобъ не брать въ скарбъ войсковий пчоляной и табачной десятинъ, такожъ зъ мостовъ и съ перевозовъ, а по публѣкацѣи молебствіе и съ пушекъ троекратное стрелянне. Обѣдали у насъ швакгри п. Яковъ и Мировичъ Иванъ, а п. Андрей после пріехалъ.

Субота. 17. Сей день былъ мокроватъ, дожчъ маленкий ишолъ, также и въ ночѣ, къ свѣту малий морозъ. Обѣдалемъ вкупѣ зъ родителемъ для его тезоименитства, который по обѣдѣ, стехалъ въ Роменъ для акту веселного брату Марку чинячого. 2 письма послалемъ въ Роменъ, одно до матки, а другое до братовъ о себѣ.

Неделя. 18. Сей день былъ зранку мало погоденъ и сухъ и морозець показался, однакъ передъ полуднемъ, якъ началъ дожчъ густий ити, то ажъ до самой ночи ишолъ, а въ ночѣ и дожчъ и снѣгъ, поки къ свѣту, самий уже снѣгъ покрилъ землю. Банкетъ билъ у пана гетмана, где князь зъ протчшими и старшина енер. кушали, а у насъ обѣдали швакгри оба, по обѣдѣ забавлялисмося домашніе картами.

Понеделокъ. 19. Сей день былъ мокроватъ, снѣгъ отъ ночи шедшій къ свѣту покрылъ землю знову и такъ увесь день тривало и въ ночѣ. Обѣдалисмо сами и съ нами Семенъ Заруцкій и Карпъ

Огіевскій. Василь молодикъ отправленъ зъ двома Сварковцями противъ подводъ зъ Москви идучихъ, съ нимъ 5 коней, которому на дорогу далемъ 3 р. Въ Михайловцѣ дворовъ 216, въ Василювцѣ—81, въ Грунѣ—38, въ Цацѣ—13, въ Гутахъ—6, итого 350. Михайловская стаднина: кобилъ зъ лошат, 11, а яловихъ 32, лошаковъ 18, стрижатъ 15, лошатъ 12 дриg. 2 булан... товару рогатого 61, коровъ 31, воловъ 30.

Вовторникъ. 20. Сей день былъ вѣлgотний, похмурний и ночъ такова жъ, толко къ свѣту противъ середи дожчъ. Обѣдалъ съ нами Семенъ Заруцкій, а вечерали швакгри, и въ карти играли. Грамоту къ государинѣ отъ гетмана и всего войска Запор. составили благодарственную о показанной милости въ отставки десятинъ тютюнной и пчолной и збору зъ мостовъ и перевозовъ, на якой старшина и бунчуковіе подписывались.

Середа. 21. Сей день зранку дожчеватъ былъ, чего ради и снѣгъ увесь пропалъ, а потомъ пересталъ дожчъ, толко воздухъ былъ вѣлgодний черезъ увесь день и ночъ, а въ ночѣ блискавиця и громъ былъ. Обѣдалисмо зъ Чуйкевичемъ Федоромъ и Кутневскимъ, а вечерали зъ швакграми. П. Войцеховичева зъ старшимъ сыномъ пріехала и стала въ дворѣ нашемъ. Вѣжевскій повернулся зъ Туліголовъ и привезлъ меду 2 мѣрницѣ, а гор. 2 куѳи.

Четвер. 22. Сей день былъ зъ воздухомъ мокроватимъ и ночъ такова жъ. Швакгри мои обѣдали съ нами и Войцеховичка и вечерали. П. Адрѣй швакгеръ повечеравши, отехалъ въ Чернѣговъ. У Вѣжевского принялемъ шинковихъ грошей 14 р. и 22 а., что у его и записалемъ, да на должникахъ доправленнихъ 6 р., зъ лишкомъ 40 а. недоправленныхъ; всѣхъ принятинъ отъ Вѣжевского 21 р. Въ полковники Стародубскіе присланъ Александеръ Івановъ Дуровъ, маіоръ бывшій въ полкахъ.

Пятокъ. 23. Сей день былъ зъ воздухемъ мокроватимъ и ночъ такова жъ, однако жъ безъ дожчу. Былъ у насъ Македонскій, служитель сестринъ, который сказивалъ, что обехалъ мои подводы у Болховѣ прошлого четверга, которій ямщика за 6 р. наняли. Онъ же сказивалъ, что архіерей Кіевскій зъ консисторомъ

въ Москвѣ подъ арестомъ, якобы за нечиненное ими вначалѣ молелствіе о государинѣ. Сестра прислала напѣръ чаю. Рѣка здѣшняя Ясмань 12-го сего октовр. замарзшая, разтаяла сего дня противъ завтрейшого, совсѣмъ, отъ дожчей частихъ бывшихъ.

Субота. 24. Сей день былъ погодний и мало былъ вияснился, а потомъ хмурами закритъ, однакъ зъ сухимъ воздухомъ у весь день былъ и ночъ, а вночѣ вѣтеръ великій былъ. Обѣдалисмо зъ п. Яковомъ швакгромъ и Войцеховичевою. Жена заболѣла на колку. Семенъ Шохъ устроенъ старочтою Крисковкимъ и приказъ ему данъ въ 14 пунктахъ, которого копія зде приложена.

Неделя. 25. Сей день былъ мокроватъ, бо дожчикъ переривцемъ проривался, ночъ темна и хмурна. Сегодня въ первое я зъ дому своего віехалъ и былъ у князя Шаховскаго, а обѣдалисмо у себе зъ п. Яковомъ швакорамъ, Іваномъ Гамалѣею, (который подписался на уступной Крисковской) Соснѣцкимъ и Войцеховичемъ, а князь и проч. у обозного енер. Женѣ зъ медіяни кровъ пускалъ Ходецкій ради болю ей. Доктору Боку 8 р. послалемъ вчорайшого дня через Вѣжевского.

Понеделокъ. 26. Сей день былъ надъ всѣ осѣнніе погодній, свѣтлий, тихий и тепловатъ, а ночъ мокровата, поневажъ зъ вечора снѣгъ, а потомъ дожчъ малий ишолъ. П. Михайло братъ былъ рано у мене, а мы зъ швакгромъ п. Яковомъ и Войцеховичкою обѣдали. Михайло Гавриленко привюзъ зъ Чернѣгова доводячихся отъ должниковъ 60 р.

Вовтор. 27. Сей день былъ похмурний, после полдня и черезъ всю ночъ вѣтренъ збытъ. Роману, стар. Тул., дали 2 р. кожухъ сѣрой и киндякъ. Гроту лѣкару далемъ 5 р. Обѣдалисмо вкупѣ зъ п. Войцеховичевою. Получилемъ писмо зъ Ромна отъ род. о виправѣ брата Марка сего окт. 22-го въ Стародубъ, а зъ Перервинецъ о продаемихъ 2-хъ стѣнкахъ, одной за 5 р., а другой за 8 р.

Серед. 28. Сей день былъ похмурний, тихий, а тепловатъ, ночъ пахмурна. Обѣдалисмо зъ швакгромъ п. Яковомъ, который и отехалъ въ Новгородъ. Попу п. Григоріевой отцу Петру на ея

потребу визичилемъ 5 р. Өедорець брата Марка отправленъ зъ листомъ моимъ къ нему и зъ 10 р. Козакъ Перервинскій отправленъ Артемъ, синъ козакъ Костѣ, черезъ которого отвѣтовалемъ до старости Перер. о куплѣ стѣнокъ продажнихъ Шинкарской и Тараненковой, на чмо и 10 р. послалемъ теперъ, а футоръ Кохна доволнѣй осмотрѣтить и мене увѣдомить, о Свѣтличномъ описать до Кучарского. *2-до*, род. въ Роменъ писалемъ. *3-tio*, до стар. Сухонос. о его молчаніи зъ упомненнемъ о виправѣ сюда и о Дядѣ. Молодикъ Василь повернулся зъ людми зъ Москви отправленними безъ возовъ и безъ покупокъ, якіе поскладали на семъ боку Болхова въ деревнѣ. (*Слѣдуетъ богословская статья „о разнствіи закона и евангелія)“*.

Четвер. 29. Сей день былъ сперва съ туманомъ, потомъ зъ хмарою и воздухомъ мокроватимъ, холоднимъ, такова жъ и ночъ, толко къ свѣту морозъ прійшолъ. Жена ездила въ городъ до церкви ст. Анастасіи, а я въ дому обѣдалъ.

Пятокъ. 30. Сей день зъ ранку зъ морозомъ и зъ хорошею погодою, а потомъ хмуренъ сталъ, такова жъ и ночъ, толко зъ морозомъ студенимъ. Купилемъ 2 книжки латинскихъ у поляка Грифского-Concilium Tridentium за 60 а, другую Regn. de vib. cygan. (?), за 2 гривни.

Суббота. 31. Сей день былъ передъ полуднемъ свѣтлий, потомъ холодний и похмурний и вѣтряний, таково жъ и ночъ, толко зъ силнымъ вѣтромъ, передъ свѣтомъ дожчъ. Посѣщалъ мене отецъ протопопъ Глух. и обѣдалъ у насъ, и Голубиха.

М-ць Ноевр. Неделя. 1. Сей день былъ похмурний дожчеватий, такова жъ и ночъ. Рано ездилемъ до князя, где и обѣдалемъ и дновалемъ въ посидѣннѣ. Пазѣ дочери кристеръ (клистиръ) приложили зъ тихъ мѣръ, что цѣлий тиждень въ констипацѣи была, и ажъ теперъ за кристерію оную пронесло. Мякининъ простился у князя съ нами, а имѣлъ ехать умершого сына своего провозить на погребеніе до Софроніевой пустини.

Понеделокъ. 2. Сей день былъ похмурний и зранку съ туманомъ а потомъ мокроватъ и ночъ зъ дожчемъ. Іванъ Манджула

отправленъ самъ третъ и дани ему 10 р. на дорогу. Алексѣй Полуденскій пріехалъ и писма привезлъ отъ род. и стар. Сухонос., которій пишетъ 1) что слобожане футора Криворудского послушенство сотнику Кодинцу отдаютъ; 2) а футоръ строится; 3) где посѣяли жита, четвер. Луб. мѣри 6, а на зябль орутъ, 4) подъ Сухонос. посѣялъ жита 20 чет. и еще мѣлъ сѣять; 5) Луб. дворъ шинковний устроенъ; 6) у Горла вѣтряний млинокъ купленъ; 7), за 13 зол купилъ лѣса до футора, на вирубъ. Обѣдалисмо сами въ дому, а у вечеру до князя ездилемъ и забавилемъ.

Вовтор. 3. Сей день сперва былъ похмурний, а потомъ до самого вечора, и мало не чрезъ всю ночъ, сильний дожчъ ишолъ, после дожчу вѣтеръ, потомъ къ свѣту вияснилось. Ездилемъ, впервое по хоробѣ, въ городъ и не заставши самого ясневел., самой панеи гетмановой кланялся и посидя у ея довольно, зъ женою возвратились.

Середа. 4. Сей день былъ погодний и ясний, такова жъ и ночъ зъ морозомъ. Обѣдалисмо обое зъ женою у сестри Уляни Івановни, а потомъ пріехалъ п. Михайло, братъ, съ панею своею, зъ которымъ тамъ же у сестри ночовалемъ, а жена въ дому, где черниця старица умерла. Черезъ Івана Алексенка, мужика Сухоносовского, писалемо до стар. Сухонос. Омеляна о припровоженню сюда виправи по первой дорозѣ, такъ же лою 10 пуд. и чтобъ усмотрѣлъ, где бъ оного болше, також и масла достать можно. Да черезъ его жъ послалемъ Грицку Дядѣ Сухонос. 30 таляр. бит. на воли, да чрезъ его жъ писалемъ до Тараса, чтобъ онъ объ маю увѣдомилъ.

Четвер. 5. Сей день былъ погодний такъ же, а при вечерѣ похмурѣло и ночъ хмурна и мокра была для того, что у ночѣ дожчъ силний ишолъ. Родитель пріехалъ рано зъ Ромна, долго по степу бѣдствовавши за утекшими кони, которихъ заледво обискали, а я повернулся зъ пастовника и свидѣлся зъ Валкевичемъ, уже отсюду отездившимъ, который теперъ и отехалъ въ Стар., а по обѣдѣ былъ у насъ протопопъ Савѣцкій; по отходѣ его ездилемъ до князя и посидѣвши доволно, повернулемся назадъ.

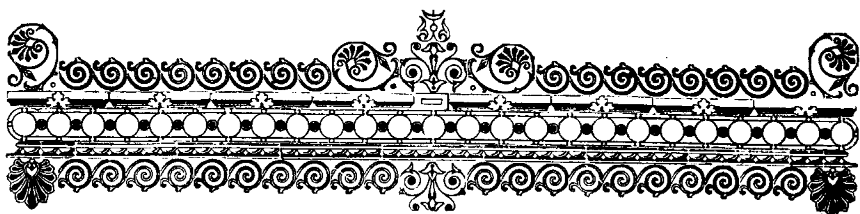
ЛЮБЕЦКІЙ АРХИВЪ

ГРАФА Г. А. МИЛОРАДОВИЧА.

Подъ этимъ заглавіемъ съ настоящей книги „Кіевск. Старины“ будетъ печататься въ приложеніи Сборникъ историческихъ документовъ изъ Любецкаго архива графа Г. А. Милорадовича.

Предисловіе къ сему приложенію и нужныя объясненія будутъ напечатаны въ концѣ года.

А. Л.



I. Бумаги Чарнышей.

---

1. Запись гадяцкаго полковника Ивана Чарныша второбрачной своей женѣ Евдокіи Голубовнѣ. 1710 г., 9 ноября.

Року 1710, мѣсяця ноеврія 9 дня. Вѣдомо чиню симъ моимъ доброволнимъ писаніемъ теперъ и въ потомніе часи всякому таковому, хто бы потребовалъ зъ близкихъ, далнихъ, кревнихъ моихъ и изъ звѣрхностя на тотъ часъ быти маючой о семъ, же Содѣтеля судбами при его жъ благословеніи Бозскомъ и родителскомъ, поймуючи я въ доживотное сожителство еи мосцѣ благородную панну Евдокію Константиновну Голубовну зъ дому висоцеповажного рейментарского ясневелможного его милости пана Иоана Скоропадского, войскъ его царского пресвѣтлого величества запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана, ясневелможной еи мосцѣ панеи Анастасіи Марковни гетмановой родителского, вручаю въ вѣчную опеку двохъ синовъ моихъ съ первобрачною блаженной памяти панею малжонкою моею Еленою Гречановною спложенныхъ, Ивана и Петра, власне единоутробной матерѣ еи мосцѣ панеи Евдокіи Голубовнѣ. При той зась опецѣ дѣтей моихъ, записую всѣ добра власнимъ коштомъ зъ праци моей и заслугъ войсковыхъ набутіе, тоесть: дворѣ, въ злотѣ, въ среблѣ, въ клейнотахъ, въ перлахъ, въ сукняхъ, въ млинахъ, ставахъ, пасѣкахъ, лѣсахъ, степахъ, хуторахъ, бидлѣ и протчіихъ угодіяхъ господарскихъ, подъ именемъ моимъ теперъ въ мене обрѣтаючіеся и впредь сполне, подай Господи Боже въ долголѣтномъ пожитіи набути, сподѣваючіеся (уховай Боже на мене термѣну смертного безвременного или въ состарѣлости временно, аще би и безпотомне пришлося оста-

вити) за преречоними двома синами моими, все отъ мала до велика благородной панеи Евдокіи ровнымъ дѣломъ по половинѣ. Если жъ вседаровитій Господь подасть сполное имѣти потомство, теди при особѣ еи мосцѣ панеи Евдокіи захованши половину, зъ половини Ивана и Петра, синовъ моихъ, ровная половина новимъ отъ Бога дарованнимъ потомкамъ нашимъ всѣхъ добръ конечне половина бити, симъ рукоданнимъ писаніемъ моимъ, зъ притѣсненіемъ власной печати сегнетовой, во вѣчніе роди ствержаю. Данъ въ Глуховѣ. Року и дня вышеописанного. На подлѣнномъ подписано: Іванъ Чарнышъ, полковникъ войска его царского пресвѣтлого величества запорожского Гадяцкій рукою власною подписуюся.

Его царского пресвѣтлого величества министръ и кавалеръ Андрей Измайловъ.

Року 1729, сентеврія 30 дня. Сіе вышеписанное писмо отъ велможной ея милости панѣи Анастасіи Марковни Иоанновой гетмановой Скоропадской, дочери еи велможности панѣи Евдокіи Константиновой Голубовни отъ покойнаго малжонка еи пана Ивана Чарниша, полковника Гадяцкого, данное, въ ратушу Глуховскомъ при доношеніи презентовано и въ книги мѣскіе вписано, а дня увѣренія въ потомніе часи на семъ же писмѣ руками своими при печати врядовой подписуемся. Року и дня вишеспецѣкованнихъ. Ѳедоръ Омеляновичъ, сотникъ Глуховскій. Стефанъ Уманецъ, атаманъ Глуховскій. Іосифъ Ивановичъ, войтъ. *(Съ копіи)*.

2. Запись вдовы генеральнаго судьи Ивана Чарныша Евдокіи Константиновны дѣтямъ своимъ, на недвижимыя имѣнія. 1733 г.

Року 1733, іюня ‹ › дня. Я Евдокія Константиновна Голубовна, Іванова Чарнишева, судѣна енералная, вдова, на всякомъ судѣ и урядѣ и на всякомъ правѣ, кому колвекъ о семъ теперь и въ потомніе часы вѣдати потреба укажетъ, симъ моимъ доброволнымъ уступнымъ записомъ чиню вѣдомо, ижъ 1724 року, по указу блаженной и вѣчнодостойной памяти Петра Первого, императора и самодержца всероссійского, его императорского величества, мужъ май Іванъ Чарнишъ, судія войсковый енер., отехавши зъ Малой Россіи, зъ дому своего въ Санктпитербурхъ, оставилъ мене при малыхъ дѣтяхъ безпомощну во всякихъ турбаціяхъ и клопотахъ отъ многихъ турбато-

ровъ и претендентовъ на имя его мужа моего вщатихъ, зъ которихъ я иніе судомъ, а иніе рада не рада миромъ, зъ урономъ здоровя моего и зъ знатнимъ коштомъ, сократила. А по смерти его, (который въ 1728 року, декабра 11, жизнь свою въ Москвѣ окончилъ), и болшіе що разъ непрестанніе напасти отъ турбаторовъ чрезъ позви уставичне несучи, пришла уже во всеконечное изнеможеніе въ здоровю, а въ субстанціи въ крайнюю скудость и разореніе. Того ради завременно, хочай при остатку здоровя моего, однакъ при полномъ разумѣ, чрезъ сей мой доброволный записъ, вливаю право мое, уступаю, записую и вовся во вѣчное и неотзовніе часы даю, дарую и во владѣніе пущаю дѣтамъ моимъ: тромъ сынамъ Івану, Семену и Якову Чарнишамъ, да тремъ дочерамъ Анастасіи, Аннѣ и Еленѣ Чарнишовнамъ половину всѣхъ добръ въ движимомъ и недвижимомъ имѣніи отцемъ ихъ Іваномъ Чарнишемъ, судіею войсковымъ енер., зъ праци и зъ заслугъ войсковыхъ, такъ до понятя моего имъ въ малженстно, яко и въ малженствѣ со мною купно общими трудами его и моею працею, нажитомъ и всякимъ способомъ набутомъ, яко то въ селахъ Боркахъ, Митченкахъ, Сарахъ, Цѣпкахъ, Сваткахъ, Круткахъ и во всѣхъ къ тимъ селамъ приналежныхъ угодіяхъ, хуторахъ, поляхъ, пахотныхъ и сѣнокосныхъ, пасѣкахъ, степахъ, лукахъ, байракахъ, левадахъ, гаяхъ, лѣсахъ, пущахъ, борахъ, дворахъ, млинахъ, ставахъ, гребляхъ, озерахъ и во всѣхъ другихъ, въ броварахъ, солодовняхъ, винокурняхъ и всякимъ именемъ и прозваніемъ зовемихъ дворахъ недвижимыхъ, и въ движимомъ имѣніи, въ злотѣ, срѣбрѣ, клейнотахъ, перлахъ, сукняхъ, въ бидлѣхъ и въ пчелахъ, и во всѣхъ рухомостяхъ, що колвекъ тилко движимимъ имѣніемъназватись можетъ, во всемъ томъ едностойне, такъ въ недвижимомъ, яко движимомъ имѣніи, подлугъ запису вѣчистого мнѣ отъ отца ихъ, а мужа моего въ 1710 року, нояб. 9 дня, за подписаніемъ власной руки его и при печати, предъ государевымъ министромъ и кавалеромъ Андреемъ Измайловымъ, въ той часъ въ Малой Россіи при гетману Скоропадскомъ минѣстерскими дѣлами правившомъ, и за подписаніемъ руки его минѣстерской данного, належную записанную и опредѣляемую; и по силѣ контентовъ того запису, имъ дѣтямъ моимъ шестомъ тую половину мою во всемъ вижеписанномъ имѣніи позволяю раздѣлно и нераздѣлно держать и владѣть вѣчными часи и якъ хотя на свой пожитокъ употребляти, и волно имъ есть и будетъ датъ, даровать, замѣнять и во всякіе крѣпости утвердить, однакъ въ чужіе руки не упущать, чтобъ отческій ихъ домъ не звелся. Но еслибъ ко-

торому или которой и нужда была свою часть и жеребъ збути, то никому иному, токмо братъ брату, сестра сестрѣ, или братъ сестрѣ, сестра брату волни суть и будуть дать, даровать, замѣнять, продать и во всякіе крѣпости утвердить и записать вѣчными часи. А понеже въ томъ же записѣ покойного мужа моего зверхъ помянутой на мене опредѣленной половини, зъ другой половины одна половина на пасынковъ моихъ Івана и небожчика Петра, а другая половина на дѣтей моихъ вижемененныхъ определенна и записанна, теды и оную половину зъ другой половини имъ же дѣтямъ моимъ во вѣчность тутъ же при мененной моей половинѣ подтвержаю и уступаю, и записую вѣчними часи, а себе отъ всего того отдаляю вѣчними часи. А для лучшого и твердѣйшого имъ въ потомніе часи, имъ шестомъ дѣтямъ моимъ, всѣхъ вижписанныхъ добръ владѣнія при семъ моемъ записѣ вручаю и отдаю имъ же дѣтямъ моимъ всѣ крѣпости къ онымъ добрамъ стягаючіеся, яко-то: високомонаршую жалованную грамоту, гетманскіе унѣверсалы и многие купчіе записи и мунѣменты, которимъ всѣмъ особливый реестръ при семъ записѣ уступномъ моемъ отъ мене сообщенъ. Если жъ якіе въ тыхъ добрахъ, мною уступленныхъ, отъ кого произишли бъ въ чомъ претенсіи и якіе суть въ судѣ енер. на мое имя и на мужа моего вщатіе, то уже мимо мене онымъ всѣмъ дѣтямъ моимъ настоящіе и будучіе претенсіи отправлять и обстоювать, и всякіе здѣлки чинить по разсмотренію и по совѣту кревныхъ моихъ. Внесенне же мое и отчистіе мои добра Подоловскіе, такожъ отъ покойной матки моей ясневелможной г-жи гетмановой Анастасіи Марковны Скоропадской купленіе дли мене грунта и мнѣ данніе, и потому теперь въ моемъ владѣніи зостаючіе, при себѣ оставляю до смерти моей, а по смерти моей тимъ же вишписанимъ дѣтямъ моимъ тромъ синомъ и тромъ дочерамъ и тое все въ ровный дѣлъ принять и вѣчными часи, якъ хотя, по волѣ и подобаню своемъ, раздѣлно или нераздѣлно, владѣть по сему жъ моему запису. О которомъ то внесеню и объ отчистихъ моихъ добрахъ Подоловскихъ, тако жъ покойною маткою моею купленныхъ и мнѣ во владѣніе данныхъ (если Богъ мнѣ время на то узичитъ) при помочи его Божеской именное завѣщаніе учинить не оставляю. Сей же записъ уступный и права моего вливокъ чиню дѣтямъ моимъ по силѣ пречечонного запису мужемъ моимъ мнѣ данного, для того, что оный записъ мужа моего и въ немъ виpаженіе контента зъ 1710 нояб. 9 по 1728, по смерть мужа его, имъ же мужемъ моимъ нѣгде не отмѣненъ и нѣ въ чомъ не премѣненъ во все его житіе, а по смерти его

отнюдь нѣякимъ и жаднимъ судомъ зъ оного 1710 году, чрезъ 23 лѣта по сейчасъ, не скассованъ и не отставленъ, но и паче всего смертію покойного мужа моего потвержденъ. И того ради я оному запису мужа моего согласуя, контента въ немъ виражениіе цѣло и ненарушно дѣтямъ моимъ вездѣ и завше содержать и вовся хранить, и иле волю отца своего остаточную со всякимъ усердіемъ, обстояніемъ и заступленіемъ исполнять, оберегать, боронить и защищать всячески материнско приказую, ибо тотъ записъ мужа моего, если взглядомъ опеки дѣтей моихъ внушить, теди до возрасту совершенныхъ лѣтъ мененныхъ пасинковъ моихъ я привела общею отца ихъ и моею працею, а моихъ дѣтей тожъ въ добромъ воспитаніи содержала я, въ наученіе школъ латинскихъ кіевскихъ давала и на нихъ належніе добра волею моею не роспорошила и подданныхъ въ маетностахъ лишними чиншами не отягчила и не розгнала. Сего ради взглядомъ опеки оный записъ мужа моего нѣгдѣ кассованъ быти не можетъ. Взглядомъ половини въ имѣніи движимомъ и недвижимомъ, на мене отъ мужа моего опредѣленной, если разсудить, то не толко тогда наличное мужъ мой имѣніе свое мнѣ записалъ, но и чаемое, почитай тое, которое имѣлось набути общою его мужа моего и моею працею, и потому онъ, мужъ мой, что до понятія моего зъ набутого имъ мнѣ половину записалъ, то внѣсто того зъ набутого зъ нимъ працею моею первобрачнымъ дѣтямъ своимъ сынамъ зъ половины половину жъ записалъ, а другую половину зъ половины дѣтямъ зъ нимъ прижитымъ опредѣлилъ тимъ же записомъ. Зъ чего видно, что въ семъ контентѣ запису мужа моего не объ одной мнѣ рѣчь, но и о дѣтяхъ а дѣтей родителемъ роспоражать, якъ хотя волно и сылно по своей волѣ ку подобаню и по своему разсмотрѣнію. Зачимъ и взглядомъ опредѣленія на мене и на дѣтей въ томъ записѣ мужа моего воля виражениая неповинна по праведному разсмотрѣнію быть въ премѣненіи, ибо свое имѣніе зъ праци и заслугъ войсковыхъ набутое, воленъ былъ онъ, покойный мужъ мой, не токмо мнѣ женѣ своей и дѣтямъ своимъ, но мимо мене и дѣтей моихъ, кому чужому и не токмо часть или половину, но и все записать и вѣчне отдалить. А наче всего понеже тотъ записъ учиненъ и данъ мнѣ мужемъ моимъ предъ особливѣйшимъ урядомъ малороссійскимъ, то есть предъ государевымъ министромъ въ Малой Россій минѣстерскіе дѣла въ ту пору содержавшимъ и для совѣту при гетману бывшимъ и рукою его минѣстерскою закрѣпленъ, потомъ и предъ ординарнымъ ратушнымъ урядомъ сотнѣ Глуховской, вскорѣ по смерти мужа моего презенто-

ванъ. Теди оныхъ и вышнамененыхъ ради причинъ записъ оный мужа моего во исполненіе приводячи, я учинила сей мой уступный вѣчистий дѣтямъ моимъ власнымъ записъ, за совѣтомъ кревныхъ моихъ зъ прошенія моего зде подписавшихся. А я, яко, неграмотная къ сему моему запису печать мою приложила. *(Настоящій актъ никѣмъ не подписанъ, изъ чего можно думать, что онъ былъ только проектомъ).*

3. Полюбовный раздѣлъ между вдовою генер. судьи Ивана Чарныша Евдокіею Константиновною и ея пасынкомъ Иваномъ Чарнышемъ. 1735 г., 4 іюня.

Я нижеименованная, зъ сынами моими нижеименованными жъ, даю сію мою доброволную росписку пасинку моему пану Ивану Чарнишу въ томъ, что я въ позосталихъ матки его, а мужа моего первой жени, такожъ въ оставшихся мужа моего, а его отца движимихъ и недвижимихъ имѣніяхъ, поговоря между собою, полюбовно помѣрились и подѣлились нижей слѣдуючимъ образомъ: село Борки со всѣми къ нему принадлежащими угодіи, купленними и жалованними, и дворами въ полку Гадяцкомъ и въ городѣ болшій дворъ съ прочіими дворами имѣючимися, уступила я ему пасинку моему и наслѣдію его во вѣчное владѣніе, хотя оное село Борки и въ спорѣ нинѣ отъ Гречанихъ, которій споръ долженъ онъ, пасинокъ мой, самъ очищать, а ежелибъ какимъ нибудь случаемъ оное село Борки по спору зъ Гречаними не оправдилось и отъ него пасинка моего взято имѣло быть, то тогда взять ему, пасинку моему, и дѣтямъ его въ нижеписанномъ селѣ Митченкахъ ровную часть зъ братами его, а моими синами, не зачитая въ ту часть всѣхъ въ Гадяцкомъ полку имѣющихся Гадяцкихъ грунтовъ, ибо оніе Гадяцкіе грунты имѣютъ быть при ему, пасинку, и дѣтяхъ его противъ оставленнихъ на мою часть зъ синами въ Лубенскомъ, Стародубовскомъ и другихъ полкахъ. А противъ того приняла я собѣ зъ синами моими въ Нѣжинскомъ полку село Митченки, со всѣми къ нему принадлежащими и купленними и жалованними, и съ тѣми, какіе имѣются въ Стародубовскомъ, Лубенскомъ и другихъ полкахъ ґрунтами, тако жъ и дворъ Кіевскій въ вѣчное жъ владѣніе, а движимое приданное и данное зъ дому Захаревского, что имѣлось у мене и дѣтей моихъ, все безъ остатку, ему, пасинку моему, отдала, движимое же имѣніе мужа моего Ивана Чарниша, бывшого судіи енералного, алмазніе вещи, деньги и протчое, что надлежитъ до женска полу, тое я удержала при себѣ

зъ дѣтми моими, на часть мою и для видачи дочерей, а зъ движимого надлежащого до мужска полу мужнего имѣнія, платя, часовъ, ружья и конского убору и протчего всего равную часть ему, пасинку моему зъ братами его, а моими сынами, я уступила и все безъ остатку принадлежащое на часть его ему пасинку моему отдала, и зъ сребраной, оловяной и мѣдной посуди равную часть со мною и зъ синами моими и зъ дочерми онъ, пасинокъ мой, безъ остатку принялъ. Сторони же долговъ, какъ нынѣ имѣется Кропоткиново исканіе о 1643 рубляхъ съ полтиною, да и впредь которіе покажутъся на мужа моего, то оніе долги, если по указу и по суду доведетъся платить, якъ сини мои, такъ и онъ, пасинокъ мой, равномѣрно платить равную часть должны безъ всякого между собою спору. А о ґрунтахъ, которіе зъ насъ кому достались по вышеписанному показанію долженъ всякъ собою очищать и другъ друга къ той очистки не спрашивать и всякіе крѣпости на тѣ ґрунта, кому чимъ въ сей раздѣлки, показанно владѣть, между собою разобрали, владѣть. Объ отнятихъ маетностяхъ, которіе по жалованной грамотѣ достались были мужу моему во владѣніе, онъ, пасинокъ мой, зъ синами моими таковую между собою полюбовную постановили раздѣлку: ему, пасинку моему, съ отнятихъ маетностей искать и стараться объ Сарахъ и Круткахъ своимъ собственнимъ трудомъ и коштомъ, и буде получитъ, то ему и наслѣдію безраздѣлно обоима оними селами съ принадлежащими къ нимъ угодіями владѣть вѣчно, а синамъ моимъ доискиватся другихъ отнятыхъ же маетностей, а именно: Сватковъ и Цѣпковъ своимъ собственнымъ коштомъ и буде получатъ, то имъ синамъ моимъ оними владѣть вѣчно жъ со всѣми къ нимъ принадлежащими угодіи; жалованная грамота на маетности хотя по силѣ полюбовного нашего договору остается при мнѣ и синахъ моихъ, однако жъ я копію за рукою моею и синовъ моихъ дать должна ему, пасинку моему, съ такимъ обовязателствомъ, что когда пасинокъ мой и дѣти его востребуютъ подлиной, то я, и по мнѣ сини мои должни будутъ оную подлинную по первой присылки безъ всякой отговорки дать подъ опасеніемъ за неприсилку штрафа. А онъ, пасинокъ мой, и по немъ дѣти его должны за оною грамотою писать ко мнѣ, а по мнѣ, до синовъ моихъ и присылать извѣстного и вѣрного человѣка съ прописаніемъ того именно, что ему въ дачи оной грамоти можно вѣрить и тотъ би въ иріемѣ оной росписовался, которую онъ, пасинокъ мой, и дѣти его знову должны возвратно ко мнѣ присылать и до синовъ моихъ, а я, и по мнѣ сини мои, въ полученіи оной

росписку дать присланному повинни. И впредь намъ, мнѣ, дѣтямъ моимъ, такожъ пасинку моему и дѣтямъ его вишеписанною раздѣлкою во всемъ доволствоватись вѣчно безъ всякого спору и намъ на него ни въ чемъ вишеписанномъ ни въ которого суда нинѣ ни впредь ни бить челомъ.

Въ подлѣнной подписанно тако: Къ сей полюбовной раздѣлочной росписѣ вмѣсто Евдокіи Константиновой дочери, Ивана Чарниша жени, по ея прошенію бунчуковій товаришъ Михайло Скоропадскій руку приложилъ. Къ полюбовной раздѣлочной росписѣ Иванъ Чарнишъ руку приложилъ. Къ сей полюбовной роздѣлочной росписѣ Семенъ Чарнишъ за себе и за брата своего родного малолѣтного Якова Чарниша руку приложилъ. Къ сей полюбовной раздѣлкѣ я генералній подскарбій Андрей Марковичъ свѣдителемъ былъ и руку приложилъ. *Засимъ слѣдуетъ засвидѣтельствованіе, что актъ сей по просьбѣ бунч. тов. Ивана Чарныша въ книги мѣскія Глуховскія вписанъ, 1736 г., 6 сентября, при чемъ засвидѣтельствованіе подписами: Даміанъ Туранскій, атаманъ Глуховскій. Значк. полку Нѣжинского товаришъ и правящій за войта ратуши Глуховской Романъ Яновичъ. Бурмистръ Глуховскій Матвѣй Дмитріевъ. Сотенній Глуховскій писарь Василь Жураховскій. (Съ копіи).*

4. Подписка бунч. товарища Ивина Чарныша, выданная мачихѣ своей о миролюбномъ окончаніи споровъ за наслѣдство генер. судьи Ивана Чарныша и первой его жены Елены Гречановны. 1735 г., 4 іюня.

1735 г. іюня 4 дня. Я нижеименованный даю сію мою доброволную росписку мачихи моей панеи Евдоки Костянтиновой дочери Івановой Чарнишевой, вдовствующей судиной енералной, тако жъ синамъ ея, а моимъ братамъ Ивану, Семену и Якову Чарнишамъ да дочерямъ ея, а моимъ сестрамъ, Анастасіи, Аннѣ и Еленѣ, въ томъ, что я въ позосталыхъ матки моей, таковожъ въ оставшихся отца моего Івана Чарныша, бывшого суди енералного, движимыхъ и недвижимыхъ имѣніяхъ, поговора межъ собою полюбовно съ нею, мачихою моею, братями и сестрами моими, помирились и подѣлились нижеслѣдуючимъ образомъ: село Борки со всѣми къ нему принадлежащими угодіи, купленными и жалованными, и дворами въ полку Гадяцкомъ и въ городѣ Гадячи болшимъ дворомъ и протчими дворами имѣючимися, принялъ я во вѣчное владѣніе, хотя оное село Борки и въ спорѣ нынѣ отъ Гречаныхъ,

который споръ я долженъ самъ очищать, а ежели бы какимъ нибудь случаемъ оное село Борки, по спору зъ Гречаными неоправдилось и отъ мене взято имѣло быть, то тогда взять мнѣ и дѣтямъ моимъ въ нижеписанномъ селѣ Митченкахъ равную часть зъ братами моими, не зачитая въ ту часть всѣхъ въ Гадацкомъ полку имѣючихся грунтовъ, ибо оные Гадяцкіе грунта имѣютъ быть при мнѣ и дѣтяхъ моихъ противъ оставленныхъ на часть ея мачихи моей и братовъ моихъ въ Лубенскомъ и Стародубовскомъ и другихъ полкахъ имѣючихся грунтовъ, а противъ того приняла она, мачиха моя, зъ сынами своими, а моими братами, себѣ въ Нѣжинскомъ полку село Митченки со всѣми къ нему принадлежащими, купленными и жалованными и съ тими, какіе имѣются въ Стародубовскомъ, Лубенскомъ и другихъ полкахъ грунтами, тако жъ и дворъ Кіевскій, въ вѣчное жъ владѣніе. А движимое приданное и данное зъ дому Захаревскаго [1]) что имѣлось у ея, мачихи моей, и въ дѣтей ея, тое все мнѣ она, мачиха моя, отдала. Движимое же имѣніе отца моего Івана Чарныша, алмазныя вещи, денги и протчее что надлежитъ до женска полу, тое она, мачиха моя, удержала при себѣ зъ дочерми своими, а сестрали моими, на часть свою и для выдачи дочери, а изъ движимого надлежащаго до мужска полу отца моего имѣнія, а именно: платя, часовъ, ружья и конского убору и протчего всего равную часть мнѣ изъ сынами ея, а моими братями она, мачиха моя уступила и все принадлежащее на часть мою мнѣ безъ остатку отдала, а изъ сребряной, оловяной и мѣдной посуды равную часть съ нею мачихою моею, зъ братями и зъ сестрами моими я безъ остатку принялъ. Стороны же долговъ, какъ нинѣ имѣется Кропоткиново искание о 1643 рубляхъ съ полтиною, да и впредъ которые покажутца на отца моего, то оные долги, ежели по указу и по суду доведется платить, якъ браты мои, а ея мачихи моей сыны равномѣрно платить равную часть со мною должны, безъ всякого между собою спору, а о грунтахъ, которые зъ насъ кому достались по вышеписанному показанію долженъ всякъ собою очистки и другъ друга къ той очистки не спрашивать и всякие крѣпости на тѣ грунты, кому чимъ въ сей раздѣлки показано владѣть, между собою розобрали. Объ отнятыхъ маетностяхъ, которые по жалованной грамотѣ достались были отцу моему во владѣніе я и вышепомянутые братя мои таковую полюбовную между собою постановили роздѣлку:

[1]) Мать бунч. тов. Чарныша Елена Степановна Гречаная была родною племянницею Харьковскаго полковника Федора Захаржевскаго.

мнѣ зъ отнятыхъ маетностей искать и старатся объ Сарахъ и Круткахъ, моимъ собственнымъ трудомъ и коштомъ, и буде получу, то мнѣ и наслѣдию моему безраздѣлно обоима оними селами съ принадлежащими къ нимъ угодіями владѣть вѣчно, а имъ братамъ моимъ доискиватся другихъ отнятыхъ же маетностей, а именно: Сватковъ и Цѣпковъ, своимъ собственнымъ коштомъ и буде получатъ, то имъ братамъ моимъ владѣть оными жъ вѣчно со всѣми къ нимъ принадлежащими угодіи. Жалованная грамота на маетности, хочай по силѣ полюбовного нашего договору и остается при ней мачихѣ моей и сынахъ ея, однакожъ она, мачиха моя, за руками своею и сыновъ своихъ, копію дать мнѣ должна съ такимъ обовязателствомъ, что когда я и по мнѣ дѣти мои возтребуютъ подлинной, то она мачиха моя и по ней сыны ея, а мои браты должны будутъ оную подлинную отдавать по первой присылкѣ безъ всякой отговорки, подъ опасениемъ за неприсылку штрафа, а я и по мнѣ дѣти мои должны за оною грамотою писать къ ней мачихе моей и по ней до сыновъ ея и присылать извѣстного и вѣрного человѣка съ прописаниемъ его и того именно, что оному человѣку въ дачи той грамоты можно вѣрить и тотъ бы въ пріемѣ оной росписывался, которую грамоту я и по мнѣ дѣти мои знову должны возвратно къ ней, мачихѣ моей, и къ сынамъ еи присылать, и она и по ней сыны ея въ полученіи оной росписку дать присланному повинны. И впредь намъ, мнѣ и дѣтямъ моимъ, такожъ ея мачихѣ моей и дѣтямъ ея вышеписанною раздѣлкою во всемъ доволствоватися вѣчно безъ всякого спору и мнѣ на еи мачиху мою, а еи на мене, ни въ чомъ вышесказанномъ ни въ которого суда нинѣ и впредь не бить челомъ. Къ сей полюбовной роздѣлочной росписѣ бунчуковый товаришъ Іванъ Чарнышъ руку приложилъ. При семъ раздѣлочномъ писмѣ секундъ маэоръ Іванъ Семеновъ сынъ Неплюевъ свидетель былъ и руку приложилъ. Объ уплатки долговъ, что здѣсь написано со мною значитъ тое, якъ брати мои всякъ отъ себе по части, такъ и я отъ себе равную часть долженъ платить Іванъ Чарнышъ. По прошенію бунчукового товариша Івана Чарныша на полюбовномъ обополной сторони писменномъ ихъ опредѣленію во свѣдителство Іванъ Холодовичъ, сотникъ Воронѣжской, своеручно подписался. *(Съ подлинника).*

5 Вѣновая запись бунч. товарища Якова Чарныша женѣ своей Марфѣ Шираевнѣ. 1755 г., 25 февраля.

Року 1745, февраля 25-го дня. Я ниже подписанній обявляю симъ моимъ записомъ, кому вѣдать подлежатиметъ, что женившись

въ 1744-мъ году на сестрѣ бунчукового товариша Федора Шiрая Марфѣ Стефановой дочѣри, дѣвицѣ, взялъ за нею доволній посагъ въ клейнотахъ, золотѣ, сребрѣ, готовихъ денгахъ, сукняхъ, платьи бѣломъ и въ протчемъ, на что все зъ яснимъ показаніемъ, что именно взято и зъ надлежащою, по силѣ правъ малороссійскихъ, денгамъ, золоту, сребру, жемчугу и другимъ клейнотамъ оцѣнкою совито, то есть у двое, а сукнямъ, платю бѣлому, лошадямъ и протчому безъ совитости, далъ я реченному брату жени моей надлежащій записъ, которого посагу всего по исщисленію вишло на три тисячи восѣмсотъ сѣмъ рублей сорокъ копѣекъ. Напротивъ же того жени моей посагу, записать ей, по силѣ тѣхъ же правъ малороссійскихъ, вѣна на третей части недвижимого имѣнія моего не успѣлъ, затимъ что по смерти матки моей, которая недавно умре, не возмоглъ еще тогда усмотрѣть совершенно всего своего недвижимого имѣнія, съ которого нѣкоторое опустѣло, и увѣдать можетъ ли третая часть оного моего имѣнія противъ посагу помянутой жени моей стоять и для того тотъ записъ и на урядѣ сознать не возмоглъ. Нинѣ же разсмотра совершенно всѣ свои недвижиміе имѣнія, то есть маетности, мелници, хутори, поля пахотніе и сѣнокосніе, лѣси и протчіе всякіе угодія и смякая цѣну ихъ, чего стоять могутъ и уразумѣвши третую часть тихъ имѣній быть доволную противъ означенного жени моей посагу, съ тихъ имѣній, владѣемихъ мною раздѣлно зъ братомъ моимъ роднимъ по отцу бунчуковимъ товарищемъ Іваномъ Чарнишемъ, третую часть, а именно: слободу Подоловъ, въ сотнѣ Кролевецкой обрѣтаючуюся, на купленнихъ матки моей ґрунтахъ поселенную, зъ полемъ пахотнимъ и сѣнокоснимъ, зъ мелницами, гаями, лѣсами и зъ пасѣкою, и со всѣми надлежащими угодями, утверженную височайшою жалованною грамотою, да въ городѣ Кролевцѣ комори и два двори зъ подсусѣдками, записую въ вѣно помянутой женѣ моей Марфѣ Стефановой дочерѣ и утверждаю еи въ вѣчное владѣніе, ценою въ 3807 рубл. 40 коп., въ какой суммѣ и посагъ оной жени моей состоитъ, какъ висше показано. Хотя же о помянутомъ посагу жени моей далъ уже я записъ предписанному жени моей брату Ѳедору Шираю, о чемъ вишше виражено, однаково понеже тотъ записъ еще на урадѣ за висшепоказаннимъ резономъ мною не сознанъ, для того и нинѣ тотъ же посагъ для лучшой впредъ твердости потверждаю и изясняю, что оній состоитъ въ слѣдующомъ: готовихъ денегъ четириста рублей, жемчугу болшого шесть шнуровъ, цѣна оному 150 рубл., жемчугу средного девять шнуровъ, цѣна оному 170

рубл., жемчугу малого одинадцять шнуровъ, цѣна оному 80 р., крестъ алмазній, цѣна оному 70 р., ланцужокъ ґрошковій у сороку червонних, цѣна оному 108 р., перстенковъ алмазнихъ два, цѣна имъ 47 р., третій перстень шафѣровій, цѣна оному 34 р., серги алмазніе цѣна онимъ 13 р., другіе серги рубѣновіе, цѣна онимъ 15 р. Среброной посуди: два пугари болшихъ, пивнихъ, зъ кришками, подносъ и дванадцять кубковъ медовихъ, цѣна онимъ 90 р., чарокъ водчанихъ восѣмнадцать, цѣна онимъ 27 р., ложокъ дванадцять, цѣна онимъ 26 р., итого клейнотамъ, золоту и сребру, полагаючи по силѣ правъ малороссійскихъ цѣну вдвое, виходитъ 2458 р. Сукнѣ, а именно: еденъ парчевій, сутій, локоть тринадцять, а локоть парчи по 8 р., пузументомъ широкимъ обложенній, цѣною у 10 р., подшитій хутромъ куничнимъ, ценою у 50 р., итого цѣна оному 154 р., другій кунтушъ парчевій, блакитній, локоть парчи по 5 р., пузументомъ корунчастимъ обложеній, цѣною у 12 р., подшитій хутромъ сибѣрковимъ, чорнимъ, цѣною у 20 р., итого цѣна оному кунтушу девятдесятъ сѣмъ рублей; третій кунтушъ парчевій, зеленій, локоть парчи по 5 р., пузументомъ корунчастимъ обложеній, цѣною у 80 р., итого цѣна оному кунтушу 157 р., четвертій кунтушъ парчевій, красній, локоть парчи по 2 р., пузументомъ корунчастимъ обложеній, цѣною у 10 р., подшитій хутромъ сѣбѣрковимъ бѣлимъ, цѣною у 16 р., итого цѣна оному кунтушу 52 р., пятій кунтушъ штофовій, красній, легкій, локоть по рублю, шырокою сѣткою обложеній, цѣною у 15 р., итого цѣна оному кунтушу 28 р., шестій кунтушъ штофовій, жолтій, легкій, локоть по рублю и по 20 коп., зъ карункою сребраною, цѣна 8 р., итого цѣна оному кунтушу 23 р. 60 к., семій кунтушъ штофовій, блакитній, разноцвѣтній, легкій, локоть по осми золотихъ зъ пузументомъ карунчастимъ, у 10 р., зъ лиштвами парчевими у 5 р., итого цѣна оному кунтушу 35 р., 80 к.; осмій кунтушъ штофовій, зеленій, разноцвѣтній, легкій, локоть по семи золотихъ зъ пузументомъ золотимъ у 10 р., зъ лиштвами бархотними у 2 р., итого цѣна оному кунтушу 30 р., 20 коп.; девятій кунтушъ штофовій, жолтій, разноцвѣтній, локоть по шесть золотихъ, зъ карункою нестрозолотою, цѣною 8 р., подшитій хутромъ сѣбирковимъ бѣлимъ, цѣною у 12 р., итого цѣна оному кунтушу 35 р. 60 к.; десятій кунтушъ конавацовій, зеленій, локоть по 80 к., зъ карункою нестрозолотою, цѣною у 8 р., подшитій хуторомъ несковимъ, бѣлимъ, цѣною у 20 р., итого цѣна оному кунтушу 38 р., 40 к.; одинадцятій кунтушъ ґранѣтуровій зеленій, локоть по 60 к.; подшитій хутромъ

рисѣмъ хрпбтовимъ, цѣною у 27 р. 80 к.; дванадцятій кунтушъ ġолевій, жолтій, легкій, локоть девять, а локоть по рублю, лиштви бархатніе цѣною у 2 р., итого цѣна оному кунтушу 11 р. Споднице, а именно: первая, парчевая, бѣлая, локоть 12, а локоть по 2 р., зъ сѣткою золотою, цѣною у 5 р., итого цѣна ей 29 р., другая, парчевая, блакитная, локоть по 2 р., зъ сѣткою сребраною, цѣною у 5 р., итого цѣна ей 29 р., третая красная, штофовая, разноцвѣтная, локоть по рублю, зъ сѣткою золотою, цѣною у 5 р., итого цѣна ей 17 р., четвертая, табинова, зеленая, локоть шесть, а локоть по 2 р., зъ сѣткою золотою цѣною у 5 р., итого цѣна ей 17 р., пятая ġранѣтуровая, красная, локоть у 5 р., итого цѣна ей 12 р. 20 к. Шнуровки, а именно: первая, парчевая, сутая, зъ пузументомъ золотимъ, цѣна 10 р., другая, парчевая, блакитная зъ пузументомъ золотимъ, цѣна 8 р., третая, бархатная, красная зъ сѣткою сребраною, цѣна 4 р., четвертая, штофова, бѣла, зъ карункою нестрозолотою, цѣна 2 р., 50 к.; пятая, штофова, жолта, зъ сѣткою сребраною, цѣна 2 р., 50 к. Запаски, а именно: перва, парчевая, сутая, цѣна 25 р. 50 к., другая, парчевая, бѣла, цѣна 8 р. 50 к., третая, штофова, жолта, разноцвѣтна, цѣна 6 р. 40 к., четвертая, штофова, бѣла, разноцвѣтна, цѣна 8 р., пятая, штофова, красная, разноцвѣтная, цѣна 4 р., шестая, штофова, бѣла, разноцвѣтная, цѣна 6 р., семая, табинова, зелена, цѣна четири рубли. Запони, а именно: первая, штофова, красная, разноцвѣтная, локоть двадцять, а локоть по рублю, итого цѣна ей 20 р., другая, дуклѣ венецкой, полосастая, локоть пятнадцять, а локоть по таляру, итого цѣна ей 9 р. Колдри, первая, штофова, красная, разноцвѣтная, локотъ четирнадцять, а локоть по рублю, итого цѣна ей 14 р., другая, дуклѣ венецкой, полосастся, локоть девять, а локоть по таляру, итого цѣна 5 р. 40 к. Постѣль полутабинкова, блакитная, локоть двадцять, а локоть по рублю, сѣтка золота у 20 р., итого цѣна ей 40 р. Постелей бѣлихъ, зъ простирами, пять, а всякая по 5 р., итого цѣна имъ 25 р. Сорочокъ голанского и швабского полотна 60, зъ которихъ у двохъ рукава шитіе золотомъ, всякую кладучи за полтора рубля, цѣна имъ 90 р. Ручниковъ шитихъ заполоччу 15, кладучи всякій по рублю, цѣна имъ 15 р., ручниковъ московского полотна дванадцять, кладучи всякій по полтинѣ, цѣна имъ 6 р. Скатертей шленскихъ штука, а сервѣтокъ шленскихъ же двѣ штуки, цѣна имъ 20 р., скатертей простихъ 10; всякая по рублю, итого цѣна имъ 10 р., сервѣтокъ простихъ 60, всякая по гривнѣ, итого цѣна имъ 6 р. Шапка кунична, вершокъ

бархатній, цѣна ей 6 р., вершокъ шитій золотомъ, цѣна оному 6 р., шапка легка, бархатна, зъ вершкомъ нарчевимъ, цѣна ей 3 р. Карета новая, цѣна ей 50 р. Цugъ лошадей, цѣна имъ 100 р., цугъ шоръ зъ лѣнцями и кантарами, цѣна имъ 30 р. Итого всего безъ совитости кладучи 1349 р. 40 к. А всей сумми виходитъ 3807 р. 40 к. Зъ движимого же моего имѣнія записую ей же, женѣ моей, вѣчно какіе у мене имѣются клейноти, а именно: жемчугъ, ланцужки, перстенки, каначки, крестики, сребранную посуду, сукнѣ, хутра дорогіе, оловянніе и мѣдніе посуди, все безъ остатка, зъ доброй моей волѣ, понеже и права малороссійскіе записивать движиміе вещи женѣ, такъ какъ кому посторонному, позволяютъ. Во утвержденіе же сего моего запису, оній рукою моею подписую и печать прилагаю. Яковъ Чарнишъ собственною своею рукою подписался и печать свою приложилъ.

Въ сему запису по прошенію бунч. тов. Якова Чарниша, полковникъ Переяславскій Семенъ Сулима подписался и печать приложилъ.

Къ сему запису по прошенію Якова Чарниша, бунчукового товарища, обозный полковий Лубенскій Іванъ Кулябка подписался и печать приложилъ.

Къ сему запису по прошенію бунч. товар. Якова Чарниша полку Переясловского Золотоноскій сотникъ Костантъ Леонтовичъ подписался и печать приложилъ.

Засимъ слѣдуетъ засвидѣтельствованіе (22 марта, 1745 г.). *сего акта въ сотенномъ Глуховскомъ правленіи, со вписаніемъ его въ «книги мѣскіе Глуховскіе». Засвидѣтельствованіе подписали. «Іванъ Стожко, атаманъ Глуховскій, войтъ Глуховскій Борисъ Даниловъ, бурмистръ Глуховскій Тимофѣй Стефановъ, бурмистръ Глуховскій Яковъ Ивановъ». (Съ подлинника).*

6. *Дополненіе къ вѣновой записи, выданной бунч. товарищемъ Яковомъ Чарнышемъ женѣ его Марфѣ Шираевнѣ. 1745 г. 4 іюня.*

Року 1745, мѣсяца іюля 4 дня. Я нижейподписавшійся во всякомъ судѣ и правѣ, комубъ того теперь и въ предъ будущое время вѣдать подлежало, обявляю симъ моимъ доброволнымъ записомъ въ томъ, что я сего году, въ прошломъ ѳевралѣ мѣсяци, женѣ своей Марѳѣ Степановой дочерѣ Шираевнѣ за унесенне еи въ домъ мой, которое я по реестру, съ показаніемъ всякой вещы цены, принялъ, и въ приемѣ далъ я отъ себе шваgру моему, а еи жены моей брату родному бунчуковому товаришу Ѳедору Шираю роспиську, якъ въ денгахъ 400 рубляхъ, такъ доволныхъ разныхъ клейнотахъ, въ жем-

чугу, золотѣ, сребрѣ, цинѣ, мидѣ, сукняхъ парчовыхъ, материалнихъ, въ хутрахъ дорогихъ и другихъ убіорахъ, въ плати бѣломъ, въ поездѣ, въ лошадяхъ и въ протчемъ, какъ то въ прежнемъ сего данномъ записѣ одъ мене и въ помянутомъ реестрѣ именно показано, всего на 3807 р. 40 к., и чтобъ столко было противъ онаго посагу зъ недвижимихъ отческихъ и материнскихъ по раздѣлу зъ братомъ моимъ бунчуковимъ товаришемъ Іваномъ Чарнишемъ, мнѣ во владѣніе доставшихъся добръ, по правамъ малороссійскимъ, треттюю часть записалъ, которій мой записъ на урядѣ и записанъ, а именно слободу Подоловъ со всѣми при ней имѣючимися угодіи, зъ дворомъ жилимъ, подданними, съ купленними грунтами, гаями, зъ полемъ пахатиимъ со всѣмм околичностми, и зъ мелницами, которіе суть слѣдующіе: 1) греблю съ двома клѣтками о четирохъ колахъ, на рекѣ Ретѣ, въ 1717 году купленіе въ жителей и козаковъ Кролевецкихъ Тихона и Павла Дейнеченковъ, зъ двома гайками, ланомъ и нивою обрѣтаючимися, боръ, купленній отъ Івана Вакуленка и Павла Огіенка, при урочищи Мошкахъ, по великій Воронѣжскій шляхъ стоячій и протчіе грунта, хуторъ Менковскій зъ пасѣкою, зъ полями пахотними и сѣнокосними, зъ гаемъ и сѣножатми, близъ которого положенія еще хуторъ зъ полемъ пахатнимъ и сѣнокоснмъ зъ гаями, и лѣсами, прозиваемій Подолщицскій; 2) на той рекѣ Ретѣ мелница, прозиваемая Семенковская, о двохъ колахъ мучныхъ, со всякими угодіи, которою владѣла мать моя по отцевѣ своему Константию Голубу; 3) Дулевскіе мелници о четирохъ колахъ мучныхъ да пятомъ ступномъ, на рекѣ Ретѣ, купленніе у Михаила Василевича Дулѣ, обывателя Кролевецкого, въ 1668-мъ году; 4) мелница, прозиваемая Горишняя, о двохъ колахъ мучныхъ; 5) мелница въ ономъ же селѣ Подоловѣ, на рекѣ Свиднѣ, о двохъ колахъ мучныхъ, купленная у козака Кролевецкого Григорія Григоріевича Дейнеки и кромѣ оныхъ Корма-гай зъ лѣсомъ и зъ сѣнокосами, близъ Подолова стоящіе, да въ городѣ Кролевци коморъ пять и два двори съ подсусѣдками, а отъ кого что куплено, о томъ имѣются у мене разніе крѣпости, въ коихъ обстоятелно показано за вѣно помянутой женѣ моей Марѳѣ Степановой дочерѣ и утвердилъ ей въ вѣчное владѣніе, цѣною въ 3807 р. 40 к., въ какой суммѣ и посагъ оной жени моей состоитъ, какъ выше показано. Да сверхъ того, какіе, мене имѣются зъ движимого моего имѣнія клейноти, а именно: жемчугъ, ланцужки, перстенки, каначки и крестики, сребряную посуду, суквѣ, хутра дорогіе, оловянніе и медніе посуди,

все безъ остатка записалъ реченной женѣ моей вѣчно, зъ доброй моей волѣ, по правамъ малороссійскимъ. А понеже нинѣ я извѣстился, что по челомъбитью бунчукового товариша Ѳедора Чуйкевича, а по рѣшенію суда войскового генералного зъ тѣхъ записанныхъ женѣ моеѣ Марѳѣ Шираевнѣ недвижимыхъ добръ, мелници прозиваеміе Дулевскіе отходятъ съ подъ владѣнія и тако противъ помянутого посагу записанная мною недвижимихъ добръ треттяя часть противъ означенной суммы за отшедшими мелницами виходить не будетъ, того рады въ награжденіе вишеписанныхъ отшедшихъ мелницъ оной женѣ моей Марѳѣ Шираевнѣ, а въ дополненіе записанной предъ симъ треттой части моихъ недвижимихъ добръ, записую въ городѣ Батуринѣ, на рекѣ Сейму, два кола мучныхъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповци, дворъ шинковный, въ мелницахъ на рекѣ Веровци, два кола мучныхъ, а треттое ступное, кромѣ отшедшого кола мучного съ подъ владѣнія моего, по челобитню попади Конотопской Мигалевской, а по рѣшенію суда войскового енералного и по конфѣрмаціи войсковой енералной канцеляріи, да въ сотнѣ Воронѣжской, Красній хуторъ, зъ мелницами сѣнокосами, зъ пущею и полемъ пахатнимъ, утверждаю ей въ вѣчное владѣніе и и сей мой запись, и прежный въ 1745-мъ году февраля 25-го данный, конфѣрмую зъ доброй своей волѣ, дабы во всякого суда таковіе отъ мене данніе записѣ были ненарушимы, яко оніе правамъ малороссійскимъ нѣ въ чемъ непротивны, и оная записанная женѣ моей Марѳѣ Шираевнѣ съ недвижимихъ моихъ добръ треттяя часть, яко-то слобода Подоловъ со всѣми при ней имѣюшимися угодіи, зъ дворомъ жилымъ, подданними, съ купленними грунтами, зъ полями пахотними, зъ гаями и со всѣми околичностми и мелницами на рекѣ Ретѣ, купленными у Павла и Тихона Дейнеченковъ, тако жъ мелницами Семенковскою, Горишанскою, да на рекѣ Свиднѣ мелницею и въ городѣ Батуринѣ, на рѣкѣ Сейму, два кола мучныхъ, въ сотнѣ Конотопской, въ селѣ Поповцѣ, дворъ шинковный, мелница на рекѣ Веровци, о двохъ колахъ мучнихъ, и треттее ступное, кромѣ отшедшого кола мучного, Корму-гай, хуторъ Менковщину, Подолщицкій, зъ пасѣкою, зъ пущами, зъ сѣнокосами, полями пахотнними, да въ сотнѣ Воронѣжской хуторъ Красный зъ мелницами и со всѣми угодіи и протчіе вишеписанніе всѣ пахатніе и сѣнокосніе и лѣсовіе угодіи, къ тому жъ движимое все мое имѣніе, какъ въ прежнемъ моемъ записѣ именно показано, за силу прежняго жъ и сего моего запису быть въ жены моей Марѳы Шираевни въ вѣчномъ и безпо-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.